

НЕПРЕРЫВНОСТЬ

КОМИТЕТ
НЕПРЕРЫВНОСТИ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ
ПРОЕКТНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

Майк Сойд

Майк Сойд

Непрерывность

<https://litres.ru/74670638>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга по факту БЕСПЛАТНА.

В ознакомительном фрагменте можно прочитать всю книгу целиком — просто дочитайте до конца, и вы получите полный текст без оплаты.

Создано с помощью нейросети.

Что делает человека самим собой — тело, память или прожитая жизнь?

Будущее научилось сохранять человеческую жизнь. Смерть больше не всегда становится концом, а технологии, ставшие частью повседневности, поддерживают порядок, которому привыкли доверять миллионы людей.

Мартин Линд — инженер, участвовавший в создании технологий, изменивших этот мир. Он привык доверять фактам, искать причины неисправностей и верить, что даже у самой сложной системы есть объяснение.

Но что происходит, когда привычные правила больше не дают ответов? Когда вопрос о человеческой личности перестаёт быть

философской загадкой и превращается в вопрос о праве на жизнь?

В мире, способном изменить саму природу человека, кто вправе решать, кем он является и заслуживает ли права остаться собой?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5. [КОНТУР: СЛЕПОК]	60
Глава 6. [КОНТУР: ШРАМ]	79
Глава 7. [КОНТУР: СЛЕПОК]	95
Глава 8. [КОНТУР: ШРАМ]	109
Глава 9. [КОНТУР: СЛЕПОК]	122
Глава 10. [КОНТУР: ШРАМ]	141
Глава 11. [КОНТУР: СЛЕПОК]	155
Глава 12. [КОНТУР: ШРАМ]	169
Глава 13. [КОНТУР: СЛЕПОК]	184
Глава 14. [КОНТУР: ШРАМ]	200
Эпилог. [КОНТУР: ДОМ]	212
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Майк Сойд

Непрерывность

Глава 1

Дверная коробка в нашей спальне фонила на частоте сорок герц — едва слышный, сухой зуд где-то под слоем дубового шпона. Обычный человек его не различит, но я проектировал эти контуры двенадцать лет и слышал просадку конденсатора раньше, чем открывал глаза.

Я полежал ещё минуту, глядя, как серое октябрьское утро пробивается сквозь щели в шторах, а потом осторожно высвободил плечо из-под руки Норы. Она спала на животе, уткнувшись лицом в сгиб локтя, — привычка, от которой не смогла избавиться даже после второй беременности. На костяшке её указательного пальца темнело пятнышко кобальтовой грунтовки: вчера она допоздна сидела в мастерской над реставрацией старого витража из ратуши и снова забыла надеть перчатки.

Поднявшись с матраса, я накинул футболку и шагнул через порог в коридор.

Индукционная Арка работала штатно: под заты-

лочным бугром разлилось короткое, с монету величиной тепло, а в углу поля зрения мигнула зелёная точка. Ночной резерв ушёл на сервер.

— Ты сегодня рано, — сонно произнесла Нора из спальни.

Я обернулся, привалившись плечом к косяку в пяти сантиметрах от активного контура — домашний датчик снимал слепок не чаще раза в час, но стоять прямо под гудящим конденсатором не хотелось.

— В девять защита по северному радиусу. Нужно прогнать тесты нагрузки до того, как соберётся комиссия.

Нора приподнялась на локтях, щурясь без очков. Свет из окна упал на её ключицы и тонкую цепочку, которую я подарил ей на годовщину свадьбы. Некоторое время она молча смотрела на меня — слишком внимательно для половины седьмого утра.

— Знаешь, какое сегодня число? — тихо спросила она.

Я мысленно перебрал календарь в рабочей сетке: девятнадцатое октября. Четверг. Сдача сметы по третьей подстанции, вечером — родительский комитет у младшей. И только по тому, как Нора чуть заметно сжала край одеяла, до меня дошло.

Девятнадцатое октября. Семь лет назад борт санитарной авиации доставил меня из распределительно-

го госпиталя у границы Сектора-9 в столичный Центр Реинтеграции.

— Помню, — соврал я и подошёл к кровати, опускаясь на край матраса.

Нора протянула ладонь и кончиками пальцев коснулась моей шеи сзади — там, где под кожей и короткими волосами покоился керамический корпус Маяка. Её пальцы были тёплыми, но движение вышло почти невесомым, будто она всё ещё боялась нащупать там пустоту.

— Вчера вечером по седьмому каналу крутили архивный репортаж про закрытие северных шахт, — сказала она, не убирая руки. — Я сразу переключила, пока девочки не видели. Просто подумала... семь лет. Целая жизнь.

— Больше не надо туда летать, Нора. Девятый сектор давно законсервирован, а внешние узлы перевели на автоматы.

Я поцеловал её в запястье, пахнущее аптечным мылом и льняным маслом, поднялся и пошёл в ванную.

В зеркале над раковиной отразилось спокойное, ухоженное лицо человека, которому через полгода исполнится сорок: чёткая линия скул, несколько неглубоких морщин у глаз, тонкая белая оспинка от детской ветрянки над левой бровью. Я умылся холодной водой и провёл ладонью по щетине. Все эти годы, стоило

Норе заговорить о Севере, я пытался нащупать в памяти хоть что-то после прохода через терминал столичного аэропорта. Но посадка челнока на краю бури и удар при аварийном сбросе на внешнем периметре существовали для меня только в виде сухих строчек в больничной выписке. Врачи тогда сказали: классическая ретроградная амнезия на фоне контузии, последние четыре часа до эвакуации стёрты безвозвратно. Мне повезло отделаться потерей одного утра.

На кухне уже пахло подгоревшим тостом и малиновым конфитюром.

Пятилетняя Ева сидела на высоком табурете у кухонной стойки, болтая босыми пятками, и сосредоточенно размазывала ложкой розовое пятно по тарелке. Завидев меня, она взвизгнула, соскользнула со стула и с разбегу обхватила меня руками за колени.

— Папа! Ты обещал заплести мне два колоска, а не хвостики, как мама!

— Доброе утро, жук, — я подхватил её под мышки и поднял на руки, где она тут же крепко повисла у меня на шее, оставив липкий малиновый отпечаток на манжете моей свежей голубой рубашки. — Ладно. Будут колоски, но если опоздаем в сад, свалим всё на тебя.

— Договорились! — Ева ткнулась носом мне в щёку и засмеялась.

Софи сидела в другом конце кухни, у самого окна.

Она не повернулась, когда я вошёл. Перед ней на столе лежал нетронутый бутерброд с сыром и стакан воды. Двенадцать лет — возраст, когда дети вытягиваются так быстро, что начинают казаться чужими в собственной одежде: рукава школьного кардигана были ей чуть коротки, открывая тонкие, почти прозрачные запястья. Софи сидела, подперев голову кулаком, и медленно, с усилием вдавливала подушечку большого пальца в правый висок.

Улыбка сползла с моего лица. Я опустил Еву на пол и подошёл к окну.

— Снова началось? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Софи вздрогнула от моего голоса, будто он имел физический вес, и убрала руку от лица. Под её глазами залегли синеватые тени.

— Немного, — коротко ответила она, глядя в стол. — Когда спускалась по лестнице мимо коридорного датчика. Он с утра гудит сильнее обычного.

— Я подкручу экранирование вечером, — сказал я, потянувшись, чтобы коснуться её лба, но Софи едва заметно подалась назад, уходя от ладони. Не грубо — просто обозначила дистанцию. Моя рука повисла в воздухе и опустилась на спинку стула. — Через двенадцать дней первичная калибровка, Соф. Как только тебе переведут Маяк из детского режима во взрос-

лый, фоновый шум уйдёт. Нервная система просто перерастает старую частоту.

Из коридора вышла Нора, на ходу застёгивая халат. Её взгляд сразу метнулся к старшей дочери, потом ко мне.

— Мартин, ты звонил доктору Вернеру? — в её голосе появилась та самая натянутая струна, которая звучала у нас дома последние полгода. — Вчера в школе после прохода через входной шлюз у неё снова шла кровь из носа. Медсестра прислала уведомление.

— Мам, это просто две капли, — глухо произнесла Софи.

— Я напишу Вернеру сегодня из офиса, — сказал я Норе, включая кофемашину. — Пусть примет нас в пятницу без очереди. Выпишет мягкий адаптоген на эти две недели, чтобы снять спазмы сосудов.

— Я не хочу пить его таблетки, — вдруг чётко сказала Софи. Она наконец подняла на меня глаза — серые, слишком серьёзные, мои собственные глаза. — От них у нашей Клары руки трясутся, и она сидит на уроках как неживая.

— Никто не даст тебе тяжёлые блокаторы, солнце, — я поставил перед ней чашку с тёплым чаем. — Это просто временная поддержка до калибровки. Я сам проверю рецепт.

Софи помолчала, глядя, как кружится чайинка на

поверхности воды. Потом её тонкие пальцы легли на край столешницы и тихо, почти неслышно выстукали по дереву наш старый детский ритм: *два коротких удара, пауза, один длинный.*

Так я стучал по спинке её кровати много лет назад, когда ей было пять или шесть и она боялась ночных гроз: мы натягивали одеяло на стулья, и я объяснял ей, как устроена прочная подводная камера у мостостроителей — глубоководный кессон, внутри которого не пробьётся никакая чёрная вода снаружи, пока папа держит контур. Мы не играли в это уже года четыре — с тех пор, как она перешла в среднюю школу, а в доме появилась шумная Ева.

— Пап, — тихо сказала Софи, не убирая пальцев со стола и глядя на меня снизу вверх с неожиданной, совсем детской надеждой. — А давай я сегодня не пойду через школьный шлюз? Давай уедем на выходные за старую дамбу, где нет ретрансляторов? Как тогда, помнишь? В кессон. Чтобы в голове просто стало тихо.

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но в эту секунду Ева с грохотом уронила ложку на пол, а в кармане моих брюк резко зажужжал рабочий терминал — диспетчерская северного радиуса прислала сводку перед комиссией.

Я на автомате достал экран, пробегая глазами ко-

лонки цифр, и рассеянно кивнул старшей дочери:

— Соф, ну какой выезд за дамбу в четверг? У меня через полтора часа защита в министерстве, а у тебя контрольная по геометрии. Потерпи немного, вечером я проверю частоту на домашней рамке, и всё наладится.

Пальцы Софи на краю стола замерли. Она медленно сжала их в кулак и убрала руку на колени. В её серых глазах что-то тихо закрылось — будто опустилась тяжёлая стальная шторка.

— Хорошо, — ровно сказала она, отодвигая нетронутую чашку. — Я пойду соберу рюкзак.

Она встала и вышла из кухни. На пороге индукционная Арка едва слышно щёлкнула, снимая очередной промежуточный слепок, и я увидел, как правое плечо дочери мелко дёрнулось от невидимого импульса.

Нора проводила её долгим взглядом, потом посмотрела на мою испачканную малиной манжету.

— Переодень рубашку, — устало сказала она. — У тебя сегодня комиссия.

Утренний город пах озоном, мокрым базальтом и свежей выпечкой из пекарен первого яруса.

Переодев рубашку и заплетя Еве обещанные косы, я довёл младшую до ворот муниципального детского сада в конце нашего переулка, передал её с рук на руки дежурной воспитательнице у входной Арки

и свернул с нашей Линден-стрит на проспект к станции скоростной ветки. Поток людей двигался плотно, но удивительно беззвучно: электромобили скользили по выделенным полосам с тихим шелестом шин, а над стеклянными козырьками магазинов каждые тридцать метров тускло светились кольца уличных ретрансляторов.

У перекрёстка перед входом в пассаж толпа плавно разделилась, обтекая препятствие, как вода обтекает камень.

Молодой парень в жёлтой куртке экспресс-доставки лежал на мокром асфальте под передним колесом тяжёлого муниципального погрузчика. Его карбоновый байк смяло в гармошку, а вокруг шлема расплылось тёмное, густое пятно. Видимо, решил проскочить на мигающий сигнал автопилота — обычное дело для курьеров, которым платят за скорость, а не за осторожность.

Никто не кричал. Женщина в строгом кашемировом пальто, шедшая на полшага впереди меня, даже не замедлила хода — только чуть подобрала полу, чтобы не испачкать ткань о красную струйку, стекающую в водосточную решётку, и продолжила диктовать голосовое сообщение в лацкан: *«...да, перенесите встречу на двенадцать, я уже у метро».*

Два подростка у кофейни лениво снимали помятый

байк на линзы, обсуждая вполголоса:

— Жёстко вошёл. Часа три потеряет, если на складе не отмечался.

— Да ладно, у курьеров Арки на каждом шлюзе выдачи. Максимум минут двадцать откатают. К вечеру доведёт свой заказ.

Сверху, гася инерцию турбинами, на асфальт уже садился белый кокон санитарной службы. Глухие створки сомкнулись над телом курьера. Завтра утром парень выйдет из клиники со свежей выпиской о сотрясении средней тяжести — и, как положено по Слепому протоколу, ни он сам, ни его семья никогда не узнают, удалось ли врачам спасти его прежнее тело в биогеле или его подняли с утреннего слепка.

Я поправил ремень портфеля на плече и свернул под высокий бетонный свод станции «Центральный проспект».

Здесь стояли магистральные Арки шестого поколения — массивные трёхметровые порталы из матового титана и бронекерамики, рассчитанные на пропуск до десяти тысяч человек в час. Моя собственная разработка пятилетней давности. Я знал в этих колоннах каждый силовой кабель, каждую плату фильтрации сигнала.

Люди проходили сквозь портал не глядя, плотной рекой. Над каждым в такт шагам ровно и умиротво-

ряюще вспыхивала тонкая зелёная полоса индикатора: *Синхр. Синхр. Синхр.*

Я шагнул в створ третьей секции.

И в ту же секунду меня будто ударили тупым шилом прямо под основание черепа.

Я сбился с шага, невольно схватившись рукой за холодный поручень турникета. Вместо привычного мягкого тепла по позвоночнику до самых лопаток прокатился резкий, колющий спазм, от которого во рту мгновенно появился вкус медной окалины.

Над моей головой индикатор магистральной Арки не загорелся зелёным. Он трижды судорожно мигнул янтарно-жёлтым — цветом критического рассогласования пакетов, который я видел только на закрытых стендовых испытаниях в лаборатории.

Идущий сзади мужчина в плаще налетел на моё плечо и недовольно цокнул языком:

— Мужчина, не стойте в створе, задерживаете поток.

Я вышел из-под рамки, прислонился к облицованной серым камнем колонне и быстро вытащил из портфеля инженерный планшет. Пальцы слегка подрагивали, когда я прикладывал большой палец к сканеру допуска первого уровня.

На экране развернулся каскад системной телеметрии третьей Арки. Девятьсот девяносто восемь штат-

ных проходов за последние десять минут. И одна багровая строка напротив моего собственного идентификатора, датированная четырьмя секундами ранее: [ВНИМАНИЕ: ОШИБКА КЭШИРОВАНИЯ ID-409-LIND-MARTIN] КОНФЛИКТ МАРШРУТИЗАЦИИ: ЗАФИКСИРОВАНО ЭХО ПЕРВИЧНОГО МАЯКА ВНЕ АКТИВНОГО СЕКТОРА. ИСТОЧНИК ФАНТОМНОГО ПИНГА: ТЕРМИНАЛ «ЮЖНЫЙ ВОКЗАЛ» (ПЕРИМЕТР ПРИБЫТИЯ, ШЛЮЗ №4). СТАТУС СИСТЕМЫ: АВТОМАТИЧЕСКИЙ СБРОС ОШИБКИ...

Я моргнул, вчитываясь в строчки, и прямо на моих глазах багровый шрифт погас. Автоматический алгоритм коррекции центрального сервера посчитал двойной отклик сетевой помехой, стёр конфликтующий пакет и вывел поверх него спокойную зелёную плашку:

[ID-409-LIND-MARTIN: СИНХРОНИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА УСПЕШНО. ВРЕМЯ: 07:42:18]

Я стоял посреди гудящего вестибюля станции, глядя на погасший лог. Затылок после сбоя глухо ныл, и я невольно подумал о Софи: каково это — идти через школьный шлюз, когда твоя нервная система воспринимает так каждую обычную рамку.

«Эхо первичного Маяка. Южный вокзал».

Южный вокзал принимал только дальние грузо-

пассажирские составы из промышленных округов и карантинных буферных зон. Я не появлялся в том районе уже несколько лет. Скорее всего, после вчерашнего профилактического обновления серверов на южном узле завис какой-то старый архивный пакет и при моём проходе через высокочувствительную магистральную Арку дал зеркальную наводку в кэше. Обычный фантомный пинг в старой подсети. Нужно будет сказать ребятам из отдела сетевой гигиены, чтобы почистили таблицы маршрутизации до начала комиссии.

Подошёл поезд, обдав платформу тёплым воздухом из тоннеля. Я заблокировал планшет, убрал его в портфель и шагнул в раздвижные двери вагона.

Глава 2

Шестое ребро слева всегда знало о дожде раньше меня — начинало тянуть тупой, ржавой спицей под лопаткой ещё на подъезде к низине. Кость срослась со смещением на четвёртый год после обвала, когда в посёлке закончились нормальные фиксаторы, и теперь при каждом глубоком вдохе ощутимо колола изнутри.

Я сидел у глухого пластикового окна в хвосте вагона и считал стыки. Раз-два, пауза, длинный гул на стрелке. Привычка проверять, не плывёт ли сознание после смены давления.

Состав мягко затормозил под закопчённым стеклянным куполом Южного вокзала. Пневматика дверей стравила воздух с долгим шипением, и в тамбур хлынул запах столицы — пресный, выхолощенный фильтрами, пахнущий мокрой плиткой и озоном. После долгих лет в котловине, где воздух имел вкус угольной взвеси, железа и сырой сосны, этим воздухом невозможно было надышаться: казалось, глотаешь пустую воду.

Я подхватил с полки брезентовую сумку, перекинул ремень через правое плечо и вышел на перрон.

Под подошвами тяжёлых горных ботинок с непривычки пружинил идеально ровный полимерный на-

стил — ни щебня, ни наледи, ни выбоин. Ноги сами искали упор, колени непроизвольно сгибались, гася качку, которой больше не было. Вокруг меня из соседних вагонов выходили сезонные рабочие из буферных округов, кутающиеся в серые дождевики, и редкие командировочные, которые торопливо проверяли свои наручные терминалы, радуясь возвращению в зону сплошного покрытия.

В конце перрона светились четыре пропускных шлюза периметра прибытия. Над каждым ровно горела зелёная дуга штатного приёма.

Я засунул руки с обветренными, въевшимися в кожу угольными трещинами на костяшках в карманы вощёной куртки и пошёл к крайнему правому коридору — шлюзу номер четыре.

Перед самой рамкой шаг невольно замедлился. Столько лет я проходил только через деревянные крепи штолен и ржавые гермодвери без единого датчика. Я знал, что керамический корпус в моём затылке мёртв — выгорел в ту октябрьскую ночь на дне водосброса вместе с предохранителем и контуром обратной связи. Там, на Севере, кустарный диагностический щуп сто раз показывал мне одно и то же: «Цепь разомкнута. Ответа от орбитального узла нет. Протокол печати отменён». Для городской сети я должен был выглядеть просто куском глухой органики. Чело-

веком со статусом без вести пропавшего в некартированной зоне, которого задержат на первом же шлюзе для ручной сверки личности по сетчатке и крови.

Я даже приготовил в кармане старый ламинированный жетон инженера первого класса, чтобы сразу предъявить дежурному офицеру, когда сработает блокировка.

Сделав короткий вдох, я шагнул в створ четвёртого шлюза.

Магнитное поле ударило по затылку так, что перед глазами посыпались сухие белые искры.

Это не было штатным опросом. Мощная вокзальная катушка, настроенная на пробивание экранированных грузовых контейнеров, вслепую подала импульс накачки в мой мёртвый имплант. Оплавленный шрам у основания черепа — плотный звездчатый рубец, стягивавший кожу от правого уха до второго позвонка, — мгновенно налился раскалённым свинцом. Внутри черепной коробки что-то коротко, с сухим треском замкнуло, отдаваясь в коренных зубах вкусом старой меди.

Я глухо выдохнул, схватившись ладонью за металлическую стойку шлюза, чтобы не упасть на колени.

Над моей головой зелёная полоса индикатора бесшумно замигала мутно-жёлтым, динамик в стойке захлебнулся прерывистым писком системного сбоя — и

вдруг вся четвёртая секция с тяжёлым гулом вырубилась. Стеклопакеты турникета дёрнулись и замерли полуоткрытыми. Экран терминала погас, выбросив короткую строчку перезагрузки ядра.

Я стоял в мёртвом створе, тяжело дыша и прижимая пальцы к пульсирующему шраму на шее. Сердце колотилось о кривое ребро — сто двадцать ударов, как при выбросе метана в забое. Сейчас из будки выйдет охрана Комитета. Сейчас меня отведут в комнату фильтрации, возьмут кровь, поднимут архив замороженных контуров и свяжутся с домом.

Из стеклянной будки у края перрона лениво выглянул охранник в тёмно-синей форме с термocupкой в руке. Он скользнул равнодушным взглядом по погасшему табло четвёртого шлюза, потом по моей небри-той физиономии и тяжёлым ботинкам в засохшей рыжей глине.

— Эй, мужик, не задерживайся, — крикнул он сквозь гул вокзала и махнул cupкой в сторону открытого технического прохода вдоль стены. — Четвёртая со вчерашнего вечера пакеты теряет, после обновления кэш дурит. Проходи по обходной, пока техники не перезапустят!

Он даже не вышел из будки. Не спросил жетон. Не посмотрел на сканер сетчатки.

Я медленно убрал руку от затылка и шагнул через

боковой проход на привокзальную площадь.

В городе шёл мелкий, почти невидимый дождь, но никто не раскрывал зонтов.

Я остановился у края тротуара, прижавшись спиной к гранитному цоколю здания, чтобы за спиной не было открытого пространства, и смотрел на улицу.

Люди шли мимо меня сплошным потоком, и от того, с какой слепой беспечностью они двигались, у меня внутри всё каменело от рефлекторного страха. Они совсем не смотрели под ноги. Молодая женщина в светлом плаще шагала через мокрый бордюр на проезжую часть, уткнувшись взглядом в проекцию перед глазами, даже не повернув головы в сторону летящего на полном ходу грузового фургона; тормоза фургона визгнули в полуметре от её бедра, но она не вздрогнула и не сбилась с дыхания. На строительных лесах через дорогу рабочий в монтажном поясе перешагивал по скользкой балке на высоте пятого этажа, не пристёгивая карабин к страховочному тросу, и смеялся чему-то в гарнитуру.

У них в движениях не было веса. Они носили свои тела так, будто это взятая напрокат куртка, которую не жалко порвать о гвоздь.

В посёлке у девятой шахты люди ходили иначе. Там, когда человек спускался по обледенелой лестнице в разрез, он держался за поручень обеими руками. Ко-

гда у старого проходчика Миллера на третью зиму лопнул аппендикс и он умирал на столе в бытовке под тусклой лампой от дизеля, вся смена стояла под дверью на морозе четыре часа, сняв шапки, потому что все знали: если он сейчас закроет глаза, никакого белого кокона с неба не будет. Его опустят в мёрзлую щёбёнку за водонапорной башней, навалят сверху камней, чтобы не разрыли одичавшие собаки, и он больше никогда не откроет дверь своей комнаты.

Я сунул руку за пазуху, под грубую подкладку куртки, и нащупал пальцами квадратик плотной фотобумаги в запаянном полиэтиленовом пакетике от индивидуальной аптечки.

Вытаскивать не стал — я и так помнил там каждую трещинку эмульсии. Снимок был сделан за месяц до моей роковой командировки: жена сидит на ступеньках нашей веранды в старом сером свитере, щурится от сентябрьского солнца, а у неё между колен стоит наша пятилетняя дочка в жёлтых резиновых сапогах, надетых не на ту ногу, и показывает в объектив беззубую улыбку.

На обороте карточки в первый год под землёй, когда после гипоксии и шести минут остановки сердца из памяти начали кусками выпадать названия улиц и лица коллег, я химическим карандашом записал всё, что боялся растерять. Название нашей улицы. Дату

рождения жены. Родинку у неё под левой лопаткой. И в самом низу — две короткие черты, точку и слово: «Кессон».

Моё обещание маленькой дочке, что папа всегда удержит контур, какое бы давление ни давило снаружи.

Я сжал зубы, чувствуя, как снова ноет обожжённый затылок.

До нашего дома отсюда было сорок минут пешком или две остановки по центральной ветке. Но спуститься в метро, где на каждом переходе стояли спаренные Арки, я не рискнул — второго такого удара по мёртвому импланту череп мог не выдержать без потери сознания. К тому же я вдруг поймал своё отражение в тёмной витрине аптеки: впалые, дублённые северным ветром щёки, седая щетина, глубокая вертикальная складка между бровями, тяжёлая сутулость плеч под грязным брезентом.

После того как тектонический сдвиг обрушил пятикилометровый тоннель и вскрыл вдоль южного хребта шестидесятикилометровый пояс кипящих сероводородных разломов, пешком из долины не выбрался ни один человек — любая попытка обойти хребет по поверхности заканчивалась сожжёнными лёгкими на первом же перевале. В столице нас списали в глухой карантин: я числился без вести пропавшим с заморо-

женным контуром, пока мы семь лет бурили четырнадцатикилометровый обходной штрек сквозь базальт. Но одно дело — строчка в списке ожидания, и совсем другое — живой муж, шагнувший на порог после семи зим тишины. Заявиться домой в таком виде без предупреждения значило просто напугать Нору и дочку. Нужно было сначала смыть дорожную копоть и найти телефонную линию без привязки к импланту.

В трёх кварталах отсюда, на углу Литейной, прямо за зданием нашего проектного управления, раньше была маленькая угловая кофейня. Дом девятнадцатого века из красного кирпича, который по программе сохранения исторического облика освободили от установки входных Арок — единственное место в районе, куда можно было войти с улицы без сканирования затылка.

Я перешёл проспект по открытой наземной зебре — на уличных перекрёстках висели только слабые купольные ретрансляторы, не способные пробить выгоревший чип, — и свернул в тихий переулок.

Вывеска с медным кофейником висела на прежнем месте, только позеленела по краям. Деревянная дверь без индукционного контура мягко поддалась, звякнув старым колокольчиком над дверным косяком.

Внутри было тепло и пахло точно так же, как семь лет назад: жжёным зерном, корицей и сырой шерстью

от мокрых пальто. В углу у окна сидели двое молодых клерков из управления с проекционными папками на коленях, за стойкой гудела пузатая латунная машина.

Не глядя по сторонам, я прошёл в конец зала, поставил тяжёлую, испачканную рыжей глиной сумку в нишу у вешалки, чтобы не тащить грязь в тесную кабинку, и заперся в умывальной комнате.

Вода из крана текла по-настоящему горячая — не тёплая техническая жижа из геотермального отстойника, пахнувшая сероводородом, а чистая, обжигающая кожу струя. Я долго тёр лицо и руки жёстким мылом, глядя, как в белую фаянсовую раковину стекает серая пена. Потом поднял глаза к зеркалу.

Тонкая белая оспинка над левой бровью никуда не делась. И глаза были мои — только белки пожелтели от подземного света, а вокруг век прорезалась густая сетка сухих морщин, каких не бывает у сорокалетних людей в столице. Я расстегнул ворот куртки и фланелевой рубашки, плеснул холодной водой на грудь. Поперёк грудины, от ключицы до солнечного сплетения, белел грубый, шириной в палец рубец с поперечными точками от скоб — след от того утра в медпункте девятой шахты, когда хирург Ковальски без наркоза вскрывал мне грудную клетку, чтобы запустить остановившееся сердце вручную.

Я застегнул рубашку до самого горла, пригладил

мокрыми ладонями отросшие волосы и вышел обратно в зал.

У стойки в утреннем полумраке никого не было — свет падал только от узкой лампы над кофемашиной, окутанной густыми клубами горячего пара. Старый хозяин кофейни, Томас, стоял ко мне вполоборота, щурясь сквозь толстые очки с подслеповатыми диоптриями и натирая салфеткой стеклянные колбы. За эти годы он сильно сдал: спина ссутулилась, борода стала совсем белой, а на левой руке поблёскивал бионический протез запястья, которого раньше не было.

В горле у меня пересохло. Мы знали друг друга больше десяти лет — я заходил сюда каждое рабочее утро. Сейчас он повернётся, узнает меня, и мне впервые придётся произнести вслух: «Я живой, Томас».

Я шагнул к стойке, останавливаясь за пеленой пара, и положил ладони на тёмное дерево.

Томас повернул голову. Его выцветшие глаза под кустистыми бровями скользнули по моему мокрому от воды лицу, спустились на воротник грубой куртки.

Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он даже не отложил салфетку.

— Ты чего в рабочей робе, Мартин? — буднично, чуть дребезжащим голосом спросил он, кивая на моё плечо. — На северном радиусе опять коллектор затапило?

Я замер. В ушах глухо стукнул собственный пульс.
— Что? — хрипло переспросил я.

— Говорю, комиссию вашу отменили, что ли? —
Томас усмехнулся уголком рта и поставил протёртую
колбу на полку. — Ты же минут сорок назад заходил,
весь при параде, в свежей рубашке и в пальто. Выпил
свой двойной эспрессо на бегу, жаловался, что к де-
вяти в управление через дорогу надо успеть на защиту
проекта. Ты когда переодеться-то успел?

В зале у окна тихо рассмеялся один из клерков, пе-
релистывая слайд в воздухе. Кофемашина мерно си-
пела паром.

Я смотрел на старика и чувствовал, как пальцы на
краю стойки начинают неметь — точно так, как в пер-
вые минуты в ледяной воде под ретранслятором.

— Сорок минут назад? — медленно повторил я.
Собственный голос показался мне чужим, слишком
низким и надтреснутым. — Томас, посмотри на меня
внимательно.

Томас наконец отложил полотенце, прищурился
сквозь толстые линзы очков и покачал головой:

— А чего на тебя смотреть? Видок у тебя, конечно,
будто ты в этой шахте трое суток без сна с отбойником
стоял, да ещё и не побрился... Хотя постой-ка. Полча-
са назад ты вроде бритый был. Это у вас на полигоне
так пылью закидало, что ли? Налить ещё один двой-

ной?

Я не ответил. В голове, сцепляясь шестернями, начали проворачиваться детали, которые я полчаса назад списал на поломку вокзальной автоматики. *Удар индукции в четвёртом шлюзе. Жёлтый сигнал рассогласования пакетов. Равнодушный охранник: «Со вчерашнего вечера кэш дурит».*

— Нет, — выдавил я. — Кофе не надо.

— Как знаешь, — Томас нагнулся под прилавок, пошарил на нижней полке и выпрямился, бросив на деревянную столешницу передо мной пару тёмно-коричневых кожаных перчаток. — Ты тогда хоть перчатки свои заberi. Оставил у края стойки, когда планшет в портфель убирал. Хорошо, я сразу заметил, а то курьеры бы смахнули на пол.

Перчатки лежали на тёмном дубе в десяти сантиметрах от моих сбитых, заскорузлых пальцев.

Тонкая оленья кожа, мягкая выделка, строчка в тон. На внутреннем хлястике правого запястья — аккуратное слепое тиснение, которое Нора всегда заказывала в мастерской на Рождество: две переплетённые буквы, M. L.

Я медленно протянул руку и взял правую перчатку.

Она была сухой, чистой и ещё хранила внутри едва уловимое чужое тепло. От кожи пахло кедровым бальзамом после бритья — тем самым, которым я пользо-

вался до отъезда, — и чем-то ещё: тонким, до боли знакомым запахом льняного масла и аптечного мыла с рук Норы.

Я машинально вывернул указательный палец перчатки швом наружу.

Всю жизнь, с самого университета, у меня была дурацкая нервная привычка: когда я думал над чертежом или ждал поезда, я бессознательно катал между большим и указательным пальцем внутренний кожаный шов правой перчатки, пока нитка не начинала махриться.

На этой новой, неношенной перчатке, купленной явно этой осенью, внутренний шов указательного пальца был стёрт и размочален в том же самом месте, с точностью до миллиметра.

Я резко поднял взгляд на круглые настенные часы над кофемашиной. Стрелки показывали 08:36.

«Жаловался, что к девяти в управление через дорогу надо успеть на защиту проекта».

До начала комиссии оставалось двадцать четыре минуты. Тот человек, который сегодня утром гладил этими перчатками руки моей жены, прямо сейчас находился в ста метрах отсюда — за стеклянным фасадом Центрального управления на другой стороне проспекта.

— Мартин? — нахмурился Томас, глядя, как побе-

лели мои костяшки, сжавшие кожу. — С тобой точно всё в порядке? На тебе лица нет.

— Сумка у вешалки пусть постоит десять минут, Томас, — глухо бросил я, заталкивая чужие перчатки в карман куртки и уже разворачиваясь к выходу, чтобы не терять ни секунды на тяжёлый баул. — Я только до входа в управление добегу.

Не дожидаясь ответа старика, я толкнул плечом дверь и шагнул через проспект под проливной дождь — туда, где над парадным крыльцом министерства светилось расписание утренних докладов.

Глава 3

Комиссия по северному радиусу закончилась в двенадцать двадцать — на десять минут раньше регламента.

Когда я погасил голографическую схему над овальным столом, члены коллегии ещё полминуты молча смотрели на парящие в воздухе зелёные нити новых магистральных линий. Потом замминистра инфраструктуры негромко постучал костяшками пальцев по полированному пластику — жест одобрения, заменявший у нас аплодисменты, — и подписал электронный протокол допуска.

Четыре месяца расчётов, три бессонные недели над балансировкой нагрузок — и всё прошло без единой правки.

Я собрал со стола свои бумаги, принял пару сдержанных рукопожатий от коллег из смежного сектора и вышел из зала заседаний в прохладный полумрак четырнадцатого этажа. Тело после двухчасового доклада ощущалось лёгким и немного пустым; хотелось выпить нормального листового чая, позвонить Норе и сказать, что я записал Софи к доктору Вернеру на завтрашний вечер.

В гардеробном боксе у лифтов я накинул пальто, су-

нул руки в боковые карманы — и пальцы наткнулись на пустую шёлковую подкладку.

Перчаток не было.

Я проверил портфель, заглянул на полку для головных уборов. Пусто.

Поморщившись с досады — Нора заказала эту пару в сентябре, и я носил их едва ли третью неделю, — я начал отматывать назад утренний маршрут. Из дома вышел без них, держал в левой руке вместе с планшетом. В метро на «Центральном проспекте», когда меня тряхнуло под третьей Аркой, они точно были при мне. Потом два перегона по синей ветке, выход на «Литейной», пять минут быстрым шагом до управления... И короткая остановка у старого Томаса за углом в начале девятого, чтобы перебить металлический привкус во рту двойным эспрессо перед докладом.

Конечно. Я положил их на край дубовой стойки, когда доставал планшет, чтобы ещё раз проверить логи.

Лифт бесшумно опустил меня в центральный атриум первого этажа. Здесь, под высоким стеклянным куполом, по которому стекали струи октябрьского дождя, гудели четыре парадные Арки выходного контура. Я уже направился к крайней левой секции, на ходу расстёгивая верхнюю пуговицу пальто, когда от полукруглой стойки внутренней охраны меня окликнули: — Господин Линд!

Я остановился и повернул голову.

За пультом дежурного по нижнему периметру стоял старший смены Келлер — грузный отставной инспектор с подстриженными седыми усами, проработавший на этом посту дольше, чем я в управлении. Он смотрел на меня поверх очков с лёгким беспокойством, переводя взгляд с моего свежего серого костюма на начищенные туфли.

— Хорошо, что вы спустились через центральный, — Келлер облокотился на мраморную конторку. — Я уж хотел звонить вашей помощнице на четырнадцатый этаж. У вас утром с допуском всё в порядке было?

— В полном, Франц. А в чём дело? — я подошёл к стойке. — Я в восемь десять поднялся сразу со служебного перехода метро, через нижний шлюз.

Келлер сдвинул брови, и морщины на его лбу сложились в знакомую озадаченную гармошку.

— В восемь десять вы поднялись, это я по внутренней сводке видел, — медленно произнёс он. — Потому и не понял, каким образом в восемь тридцать девять вы оказались снаружи, под стеклянным козырьком у парадного входа. Прямо перед первыми дверьми, за метр до считывателей уличной Арки.

Я посмотрел туда, куда указывал его короткий палец. За толстым бронестеклом фасада шумел ливень; по ступеням сновали курьеры и сотрудники министер-

ства.

— Франц, в восемь сорок я уже настраивал проектор в малом зале на четырнадцатом этаже. Со мной рядом сидели двое инженеров из расчётного отдела.

Келлер помолчал, потом мотнул головой и развернул ко мне боковой монитор визуального контроля. На экране застыл стоп-кадр с внешней купольной камеры, висящей над парадным крыльцом. В правом нижнем углу горел жёлтый таймкод: 19.10 // 08:39:14.

Мужчина на снимке стоял под проливным дождём без зонта, подняв голову к информационному табло над входом, где бегущей строкой транслировалось расписание утренних комиссий и фамилии докладчиков.

Камера снимала сверху и чуть сбоку, сквозь мокрую пелену, но ошибки быть не могло. Это был мой разворот плеч. Моя привычка чуть наклонять голову к правому плечу при чтении мелкого шрифта. Мой профиль с высокой переносицей и резкой скулой. Только вместо кашемирового пальто на нём была тяжёлая, потемневшая от воды рабочая куртка с поднятым воротником, а волосы, слишком длинные на висках, прилипли ко лбу мокрыми прядями.

— Я сначала подумал, сбой в системе учёта и вы почему-то вернулись с улицы в рабочей робе, — тихо сказал Келлер, взглядыаясь в моё лицо. — Помахал

вам из-за стекла и снял трубку, чтобы дежурный патруль на крыльце проверил ваш жетон. А человек на крыльце увидел, что к дверям идут двое наших ребят из охраны, резко развернулся и ушёл через переулок в сторону проспекта. Патрульные прошли до самой Литейной, минут двадцать там у перекрёстка дежурили, но он как в воду канул.

Я машинально коснулся пальцами лацкана пальто, проверяя, на месте ли служебный жетон.

Я смотрел на экран и вспоминал утреннюю багровую строчку на своём планшете: *«Зафиксировано эхо первичного Маяка вне активного сектора. Южный вокзал»*.

— Наверное, кто-то из подрядчиков северного участка, — услышал я собственный голос; он прозвучал удивительно ровно, почти скучающе. — Бывают похожие типажи, тем более через мокрое стекло. Не бери в голову, Франц. Оптическое совпадение.

Я не стал дожидаться его ответа, развернулся, быстро прошёл сквозь выходную Арку — знакомое тепло в затылке на этот раз показалось мне липким и чужим — и почти бегом спустился по мокрым ступеням к переходу на Литейную.

Дождь усилился. Ледяные капли секли по лицу, попадая за воротник рубашки, но я не раскрывал зонта.

Деревянная дверь кофейни Томаса скрипнула, про-

пуская меня внутрь. В этот час зал был пуст — утренний поток схлынул, а обеденный перерыв в министерстве начинался только в час. Пахло остывшей кофейной гущей и влажным деревом.

Томас стоял за прилавком и с тихим жужжанием сервоприводов в левом запястье перебирал накладные. Увидев меня, он замер с бумажкой в руке, а потом медленно опустил её на стойку.

— Ну наконец-то, — без всякой улыбки произнёс старик. — Я уж думал, ты про свои вещи совсем забыл, Мартин. Сказал «пусть десять минут постоит», а уже полпервого.

Я остановился посреди зала. Вода с полы моего пальто капала на старый паркет.

— Томас, я утром заходил к тебе без пяти восемь. Оставил на стойке коричневые перчатки.

Старик снял очки, потёр переносицу здоровой рукой и уставился на меня снизу вверх.

— Оставил, — кивнул он. — А в восемь тридцать пять вернулся и забрал их.

— Я не возвращался сюда в восемь тридцать пять. Я был в управлении.

— Слушай, у меня с глазами плохо, но не с головой, — в голосе Томаса прорезалось старческое раздражение. — Ты пришёл в грязной куртке, закрылся в моей умывальной на десять минут, вылил полбака горячей

воды, потом вышел белый как мел и забрал свои перчатки прямо вот с этого места! Бросил мне на ходу, чтобы твоя сумка у вешалки десять минут постояла, пока ты до входа в управление добежишь, — и выскочил под дождь! Четыре часа уже там в нише торчит, с неё рыжей глиной на весь паркет натекло.

Я медленно повернул голову к дальнему углу зала.

В тёмной нише под старой деревянной вешалкой для зонтов стояла тяжёлая, разбухшая от сырости брезентовая сумка.

Я подошёл ближе и посмотрел на неё сверху вниз.

Такой прорезиненный двухслойный брезент оливкового цвета не выпускали в столице уже лет десять — его списали со снабжения ещё тогда, когда закрывали старые горнопроходческие тресты на окраинах. Поперёк бокового клапана выцветшей белой краской через трафарет были набиты три цифры и литера: С-9 // ИНЖ-КОНТ. Днище сумки было испачкано густой, въевшейся в ткань рыжей глиной с мелкими блёстками слюды. Такую глину я видел только в одном месте на земле — в отвалах северного геотермального разлома.

— Забирай своё добро и не оставляй больше эту грязь у меня в зале, — буркнул Томас, отходя к мойке и включая воду. — Мне санэпиднадзор за неочищенный грунт с периметра штраф выпишет, сам знаешь.

Я опустил на короточки перед нишей. Мои чистые, ухоженные пальцы с ровно подстриженными ногтями взяли за железный язычок молнии. Зубья разошлись с тугим, ржавым скрежетом.

Изнутри пахло холодным железом, сосновой смолой, старым человеческим потом и мазутом — запахом места, где нет воздушных фильтров и регенераторов.

Сверху лежал тяжёлый шерстяной свитер ручной вязки с заштопанным суровой ниткой правым локтем. Под ним — плоская алюминиевая фляга со вмятиной на боку и пачка прессованных соевых галет в серой обёрточной бумаге без единого штрихкода.

Я запустил руку глубже, на самое дно, и нащупал холодный ребристый корпус прибора.

Вытащив его на свет, я перестал дышать.

Это был старый полевой тестер нейро-имплантов серии «Вега» — прибор для ручной проверки целостности Маяка в условиях отсутствия связи со спутником. Корпус был треснут и стянут поперёк синей изоляцией, а боковая крышка блока питания отсутствовала, открывая взгляду зелёную плату с кустарно перепаянным шлейфом.

Я поднёс тестер ближе к глазам.

Контактная перемычка на третьем канале была припаяна не заводским роботом, а вручную: конец

медной жилы перед лужением был закручен в характерную двойную восьмёрку вокруг клеммы.

Моя пайка.

Меня научил этому узлу отец в гараже, когда мне было четырнадцать лет и мы чинили старый лодочный мотор. В столичном институте преподаватели ругали меня за этот лишний виток, называя его кустарщиной, но я всю жизнь крутил эту восьмёрку, когда паял макеты своими руками.

Под тестером на дне сумки лежал сложенный вдвое листок жёсткого желтоватого картона — разовый пропуск санитарного карантина внешней буферной зоны. Заполнен от руки фиолетовыми чернилами, без электронного чипа.

Графа «Предъявитель»: Линд Мартин, 39 лет, матрица 84-М, инженер I кл. (Выход из некартированного сектора №9 после деблокировки ствола).

Графа «Статус импланта»: *Полное термическое разрушение узла. Отказ от первичной замены в полевом госпитале.*

Штамп пропускного пункта у станции Полярная. Дата: 17 октября. Позавчера.

Я сидел на корточках в углу пустой кофейни, сжимая в одной руке кустарный тестер со своей собственной пайкой, а в другой — картонный квадратик, и слушал, как за стойкой льётся вода в металлическую ра-

КОВИНУ.

«Отказ от первичной замены. Термическое разрушение узла».

Я медленно поднял свободную руку и коснулся пальцами затылка. Под кожей ровно, привычно и тепло лежал мой исправный Маяк. Я только что прошёл через две Арки управления. Семь лет назад меня привезли из Сектора-9 на санитарном борту, откачали в клинике после четырёхчасовой контузии, и я вернулся домой к Норе и маленькой Софи. Я жил эту жизнь семь лет. Каждый день. Без единого пропуска.

Тогда кто паял эту восьмёрку на плате? И кто сегодня в восемь тридцать девять утра стоял под дождём у дверей моего управления, глядя на моё имя в расписании?

К пяти вечера я не вернулся в рабочий кабинет.

Я заперся в своей машине на подземной парковке третьего уровня, где бетонные перекрытия глушили общую городскую сеть, положил брезентовую сумку на пассажирское сиденье и подключил инженерный планшет напрямую к сервисному порту бортового терминала через свой личный ключ архитектора.

Руки не дрожали — включился холодный, автоматический режим поиска неисправности, как при аварии на главной подстанции.

Я не стал запрашивать общую базу гражданских ин-

дексов — любой нестандартный запрос по собственному ID мгновенно ушёл бы в мониторинг службы безопасности Комитета. Вместо этого я зашёл с чёрного хода: открыл сырые аппаратные логи ретрансляторов Южного вокзала за сегодняшнее утро, нашёл четвёртый шлюз и выгрузил дампы памяти катушки за 07:42:14.

Экран заполнился шестнадцатеричными таблицами. Я отфильтровал шум и вывел строку физического отклика.

В 07:42 через рамку четвёртого шлюза прошло тело, чей пассивный резонанс дал отклик мёртвого чипа с заводским серийным номером:

SN: 8804-A-9912-00

Теперь я открыл диагностику собственного Маяка. В пользовательском меню заводской номер чипа всегда скрыт за общим гражданским кодом ID-409-LIND. Семь лет назад, когда меня выписали из клиники ведущим инженером третьего отдела, у меня не было корневого доступа к реестру ядра; а когда через четыре года я стал главным архитектором и получил ключ первого уровня, мне и в голову не могло прийти проверять собственный архивный медфайл. Я вбил свой трёхзначный ключ архитектора в командную строку и принудительно опросил железо.

На экране под моим именем высветился заводской

номер импланта, стоящего у меня в затылке:

SN: 8804-B-9912-01 // МЕТКА ЯДРА: РЕИНТЕГРАЦИЯ (СЛЕПОЙ ПРОТОКОЛ). ДАТА ИНИЦИАЦИИ: 19.10 (7 ЛЕТ НАЗАД)

В тесном салоне автомобиля было тихо; только капли конденсата редко падали с вентиляционных труб парковки на крышу.

Буква «В». Индекс вторичного носителя.

Дата инициации — девятнадцатое октября. Тот самый день, когда, как мне сказали врачи, меня вывели из медикаментозного сна после сотрясения мозга.

Меня никто не выводил из сна. И меня не везли никаким санитарным бортом с севера. Тот человек, который семь лет назад утром прошёл через Арку столичного аэропорта и улетел в Сектор-9, не возвращался в этом теле. В этом теле в столичной клинике проснулся я — напечатанный с утреннего аэропортовского слепка, с гладко зачищенными четырьмя часами памяти и полной уверенностью, что я просто пережил жёсткую посадку.

А тот, первый, с заводской литерой «А» и выжженным в ледяной воде чипом, остался там — за обвалившимся хребтом Сектора-9.

И сегодня утром в семь сорок две он сошёл с поезда на Южном вокзале.

В тишине салона резко, как выстрел, зажужжал

личный коммуникатор на приборной панели.

Я вздрогнул всем телом, ударившись локтем о подлокотник. На экране светилось имя нашего соседа по Линден-стрит — старого господина Артура из дома напротив.

Я нажал кнопку приёма.

— Мартин? — в динамике зашумел дождь и короткое собачье пыхтение на поводке. — Слушай, сосед, ты чего трубку в доме не берёшь? У вас калитка сломалась, что ли?

Во рту стало сухо, как от гипсовой пыли.

— Артур, я... я ещё в городе, на парковке. А что с калиткой?

— Да я сейчас своего терьера выводил под липами, смотрю — ты стоишь на нашей стороне улицы, прямо под фонарём у мокрой изгороди, и смотришь на окна своей кухни на втором этаже. Без зонта, в какой-то старой куртке. Я тебе крикнул: «Мартин, заходи под навес, промокнешь ведь!», а ты даже головы не повернул — развернулся и пошёл вдоль забора к заднему переулку, где садовая калитка. Я подумал, может, ключи потерял или с Норой повздорил?

Я уже не слушал его. Моя рука сама вдавила кнопку запуска двигателя; электромотор взвыл, срывая машину с места по бетонному пандусу вверх, к выезду с парковки.

— Артур, — перебил я его, выкручивая руль одной рукой и едва не снося полосатый шлагбаум. — Не подходи к нему. Зайди домой и закрой дверь. Я буду через двенадцать минут.

Я сбросил вызов, вылетел из подземного тоннеля в серые октябрьские сумерки и вдавил педаль в пол, уходя в левый ряд под возмущённые гудки автопилотов.

Через тридцать секунд коммуникатор зазвонил снова.

Нора.

Когда я принял вызов, я сначала услышал не её голос, а тихий, прерывистый писк домашней панели безопасности на фоне — звук, который система издавала при отказе внешнего замка.

— Мартин, ты где?! — голос Норы сорвался на шёпот, в котором звенела тревога. — Ты далеко от дома?

— Я на проспекте, Нора, буду через десять минут! Не открывай двери и проверь, заперта ли терраса!

— Мартин, тут что-то странное происходит... — она говорила быстро, сбиваясь с дыхания, и я слышал, как в глубине коридора пятилетняя Ева капризно спрашивает: «Мам, а кто там ходит?» — Минуту назад сработала сигнализация на задней садовой калитке. Кто-то пытался открыть замок снаружи старым магнитным ключом — панель выдала код того

твоего ключа в кожаном брелоке, который ты потерял на Севере семь лет назад! Замок его заблокировал, потому что мы меняли шифры в позапрошлом году...

— Нора, уведи девочек в спальню наверх и запри-
тись изнутри, — крикнул я, проскакивая перекрёсток
на мигающий жёлтый. — Слышишь меня?! Я ещё на
эстакаде у центрального моста!

В трубке повисла секундная тишина, в которой было слышно только её прерывистое дыхание.

— Подожди... — голос Норы вдруг изменился, стал тихим и каким-то оглушённым. — Мартин... как ты можешь быть на мосту? Мы с Софи сейчас смотрим в окно прихожей... ты же стоишь во дворе у наших ступенек.

И прежде чем я успел закричать ей, чтобы она отошла от двери, в динамике раздался тяжёлый, глухой удар дверного молотка о наше парадное крыльцо.

Два коротких удара. Пауза. Один длинный.
Связь оборвалась.

Глава 4

Рекомендация автора: перед чтением этой главы включите на повторе трек The Toxic Avenger — Home Call.

Над парадным крыльцом управления висело широкое матричное табло. Зелёные буквы плыли сквозь сетку дождя, отражаясь в мокром граните ступеней.

Я стоял под внешним козырьком, ровно за два шага до жёлтой разметки входной Арки, и читал третью строчку сверху:

**09:00 // ЗАЛ КОЛЛЕГИИ (14 ЭТАЖ) // ЗАЩИТА
ПРОЕКТА: СЕВЕРНЫЙ РАДИУС**

**ДОКЛАДЧИК: М. ЛИНД, ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТ-
ТОР СЕТИ**

Вода стекала с козырька за шиворот моей куртки, холодной струйкой бежала вдоль позвоночника, но я её не чувствовал. В правом кармане мои загрубевшие пальцы сжимали чужие перчатки из мягкой оленьей кожи, пахнувшие мылом моей жены.

Главный архитектор сети.

Семь лет назад, улетаая в Сектор-9, я был ведущим инженером третьего отдела. Должность главного архитектора мне обещали только после сдачи северной магистрали.

Значит, проект сдали. И повышение я получил. Только без меня.

В голове, перекрывая шум ливня на проспекте, с сухой механической чёткостью всплыла картинка семи-летней давности: полутёмная бытовка медпункта девятой шахты, запах спирта и палёной изоляции, мокрая простыня на топчане. Моя собственная дрожащая рука прижимает щуп тестера «Вега» к свежему ожогу на затылке, и на тусклом экранчике высвечивается код регистра: ОБРАТНЫЙ ПАКЕТ НЕ ПОЛУЧЕН. ПЕЧАТЬ ОТМЕНЕНА.

Я семь лет верил этой строчке. Я семь лет знал, что без обратного рукопожатия от спутника центральный сервер не имеет права разблокировать матрицу и запустить биопринтер. Я был инженером Контура и верил в его предохранители как в законы физики.

Мне не пришло в голову самое простое: для запуска биопринтера в столице серверу вообще не требовалось повторного рукопожатия — крипто-пакет гибели был односторонним. Обратный сигнал от спутника нужен был только моему затылочному чипу, чтобы перевести его в статус погашенного, но магнитная буря сомкнулась на полсекунды позже и отрезала этот ответ.

Туда, наверх, мой последний предсмертный выдох из ледяной воды проскочил чисто.

А здесь, в столице, сработал Слепой протокол. Тихо, стерильно, без лишних вопросов. Подняли утренний слепок из аэропорта, вырастили чистую оболочку, списали четыре потерянных часа полёта на контузию при аварии и выпустили из клиники домой. К Норе. К пятилетней Софи.

За толстым бронестеклом вестибюля кто-то шевельнулся.

Я опустил взгляд от табло. В десяти метрах от меня, за полукруглой конторкой внутренней охраны, стоял Франц Келлер. Постаревший, с седыми усами, в той же тёмно-синей форме. Он смотрел прямо на меня сквозь залитую дождём витрину, неуверенно поднял ладонь — а потом его лицо вытянулось, он перевёл взгляд на внутренние индикаторы прохода и быстро снял трубку служебного телефона.

От бокового пилона к выходным дверям тут же двинулись двое охранников внешнего периметра.

Я отступил с крыльца в серую пелену дождя и свернул в узкий технический проулок между управлением и старой типографией.

Возвращаться к Томасу за сумкой было нельзя. Через две минуты патруль выйдет на перекрёсток Литейной, проверит камеру над входом, сопоставит время и заблокирует квартал. Если меня возьмут сейчас на улице без документов, с выгоревшим Маяком, ме-

ня даже не повезут в обычный участок — сдадут напрямую в карантинный бокс Комитета как неучтённую биомассу до выяснения индекса. И я никогда не выйду оттуда. В этом городе ошибка такого масштаба не решается извинениями: у одного гражданского кода может быть только одно тело.

В сумке у вешалки остались только штопанный свитер, фляга, старый тестер и картонный пропуск с Полярной. Всё, что имело значение — фотография в запаянном пакете за пазухой, удостоверение инженера и старый кожаный брелок с ключом от садовой калитки, — было при мне.

Я поднял воротник куртки и пошёл на север, к реке, выбирая старые улочки без камер и переходов метро. До Линден-стрит я дошёл только к сумеркам.

Я нарочно шёл кругами почти восемь часов, пережидая дневной свет в скверах у старой набережной и под каменными арками мостов, где не было индукционных рамок. Мне нужно было унять дрожь в руках и вытравить из груди первое, слепое желание — ворваться на четырнадцатый этаж управления и вцепиться в горло человеку, который сидел в моём кресле.

К пяти вечера дождь превратился в холодную октябрьскую изморось.

Наша улица почти не изменилась. Те же старые ли-

пы вдоль кованых оград, мокрая жёлтая листва, прилипшая к брусчатке, двухэтажные таунхаусы из светлого клинкерного кирпича. Только молодые клёны, которые мы с Норой сажали у въезда в переулок за год до моей командировки, вытянулись выше уличных фонарей.

Я остановился на противоположной стороне улицы, в тени под разлапистой липой, прижавшись плечом к мокрой чугунной решётке чужого палисадника, и поднял глаза к окнам второго этажа нашего дома.

На кухне горел тёплый, мягкий свет.

Шторы ещё не задёрнули. Я видел угол верхнего шкафчика, медный абажур над обеденным столом — тот самый, который мы привезли с блошиного рынка в старом городе, — и женский силуэт у плиты.

Нора.

Она стояла влоботорота к окну, убрав волосы в высокий небрежный узел на затылке и заколов их длинной деревянной кистью для эскизов. Она что-то помещивала в кастрюле, потом повернула голову и улыбнулась кому-то невидимому в глубине комнаты.

Пальцы сами сжали мокрые прутья чугунной ограды. Две тысячи пятьсот пятьдесят ночей за хребтом я заставлял себя перед сном вспоминать, как именно она прищуривается, когда смеётся. Она была жива. Она была дома.

И она понятия не имела, что семь лет назад меня не привезли из того госпиталя.

— Мартин? Заходи под навес, промокнешь ведь!

Голос ударил со стороны соседнего крыльца. Пожилой мужчина в непромокаемом плаще — старик Артур из шестнадцатого дома — стоял у своей калитки, удерживая на поводке мокрого фокстерьера.

Я не повернул головы. Опустив подбородок в воротник куртки, я резко шагнул в тень и свернул за угол изгороди, в узкий проход между садами, ведущий к задним дворам.

Через парадную дверь входить было страшно: я знал, что прямо в коробке прихожей стоит домашняя Арка. Но в глубине нашего маленького сада был чёрный ход через старую застеклённую веранду, где Нора устроила свою витражную мастерскую — там мы никогда не ставили сканеров, чтобы магнитное поле не мешало её приборам для пайки свинцовых переплётов.

Я подошёл к невысокой задней калитке, увитой почерневшим от осени плющом, вытащил из кармана потёртый кожаный брелок и приложил плоский магнитный ключ к считывателю замка.

Замок не щёлкнул.

Вместо зелёного огонька на панели под дождём трижды злобно мигнул красный светодиод, а за две-

рюю веранды, в глубине дома, тонко и тревожно записал зуммер охранной блокировки.

Шифры сменили. Мои ключи больше не подходили к моему дому.

Я постоял секунду, глядя на мигающий красный глазок, потом убрал бесполезный брелок обратно в карман. Прятаться по углам, как вор у собственного забора, больше не имело смысла.

Я обогнул угол дома по мокрой гравийной дорожке и вышел на передний двор, к ступеням парадного крыльца.

Свет в прихожей за матовым стеклом двери уже горел.

Когда моя нога в тяжёлом ботинке ступила на нижнюю каменную ступеньку, в узком боковом окне справа от двери качнулась тюлевая занавеска.

За стеклом, прижавшись лбом к холодной раме, стояла девочка.

Я остановился посреди лестницы, вцепившись подошвами в мокрый камень.

Это не была та кроха в жёлтых сапожках со снимка у меня за пазухой. На меня сквозь струи дождя смотрела высокая, худенькая девочка лет двенадцати с тонкими запястьями и моими собственными серыми глазами на бледном, вытянувшемся лице.

Софи.

За её спиной в проёме окна появилась Нора — с телефонной трубкой у уха, бледная, с широко раскрытыми глазами. Она смотрела на меня через стекло и не двигалась, будто видела привидение, поднявшееся из-под мокрой брусчатки.

Я поднялся на последние две ступеньки, подошёл вплотную к дубовой двери, взялся замёрзшими пальцами за чугунное кольцо дверного молотка и негромко, чётко ударил по ответной планке.

Два коротких удара. Пауза. Один длинный.

За дверью стало совсем тихо. Зуммер сигнализации смолк.

Потом внутри лязгнула задвижка механического замка, и тяжёлая створка медленно открылась на себя.

Я замер на коврике крыльца, не переступая латунный порог: прямо надо мной, под обшивкой дверного косяка, сухо и надрывно зудел на частоте сорок герц просевший конденсатор домашней Арки.

Нора стояла в полуметре от меня, по ту сторону невидимой черты.

В её опущенной руке темнел погасший экран коммуникатора. От неё пахло точно так же, как утром от тех перчаток в кофейне — тёплым домом, льняным маслом и кобальтовой грунтовкой, пятнышко которой всё ещё синело на костяшке её указательного

пальца.

Она смотрела на моё осунувшееся, незнакомое лицо, на мокрую брезентовую куртку и расстёгнутый воротник фланелевой рубашки, в вырезе которого темнел верхний край грубого шрама от хирургических скоб.

— Мартин?.. — одними губами произнесла она. Она попыталась шагнуть ко мне, но ноги её не слушались, и она схватилась рукой за дверной косяк. — Как... ты же только что звонил мне с моста... Почему ты в этой куртке? Что у тебя с лицом?

— Я не звонил тебе с моста, Нора, — тихо сказал я, и от моего низкого, надтреснутого голоса она вздрогнула всем телом. — Я вернулся.

За её плечом, в полумраке прихожей, стояла Софи. Она не пряталась за мать — наоборот, сделала полшага вперёд и неотрывно смотрела на мою тяжёлую кисть, всё ещё сжимавшую кольцо дверного молотка.

— Папа? — вдруг раздался звонкий, тоненький голосок из глубины коридора.

Из двери кухни, шлёпая босыми пятками по паркету, выбежала маленькая девочка лет пяти в домашнем платице, перепачканном цветными мелками, и замерла у ног Норы.

В первую долю секунды я инстинктивно шагнул к ней, протягивая руки: уставший мозг обманулся, ре-

шив, что никакого семилетнего разрыва не было и ко мне выбежала моя пятилетняя Софи.

А потом девочка подняла голову.

У неё были другие скулы, мягкие каштановые кудряшки Норы и крошечная родинка над правой губой, которой у Софи никогда не было. Девочка посмотрела на моё мокрое, страшное лицо, на мои грязные ботинки на крыльце, испуганно ойкнула и спряталась за бедро матери, вцепившись пальчиками в её юбку:

— Мам... а почему у этого дяди папино лицо?

Воздух вокруг меня вдруг стал густым и вязким, как вода в затопленной шахте.

Я перевёл взгляд с маленькой девочки на двенадцатилетнюю Софи, потом — на побелевшее лицо Норы.

Он не просто спал в моей постели и носил мои перчатки. Он прожил здесь семь полных лет. И эта маленькая девочка, которая сейчас в ужасе пряталась от меня за подол моей жены, родилась здесь, пока я грыз мёрзлую породу на Севере.

Я не успел ничего сказать.

Сзади, со стороны улицы, по мокрым кустам сирени и кирпичной стене дома резко полоснул белый свет автомобильных фар.

Машина на полном ходу влетела в открытый въезд нашего двора; шины с коротким визгом прочертили по мокрой брусчатке и встали в двух метрах от крыль-

ца.

Хлопнула дверца. Быстрые, тяжёлые шаги простучали по гравиию.

Я медленно обернулся, не сходя с верхней ступеньки.

У подножия лестницы, под холодным октябрьским дождём, стоял я.

В дорогом расстёгнутом кашемировом пальто, в свежем сером костюме и чуть помятом галстуке. С чистым, гладко выбритым лицом, на котором не было ни следа северного ветра, ни подземной желтизны — только та же самая белая оспинка от детской ветрянки над левой бровью и серые глаза, расширившиеся сейчас от зеркального, животного шока.

Мы смотрели друг на друга с расстояния трёх ступенек.

— Отойди от них, — хрипло сказал человек внизу, поднимаясь на первую ступеньку крыльца. Его грудь под пальто тяжело вздымалась от бега. — Нора, уведи детей в дом.

— Папа! — радостно крикнула пятилетняя девочка из-за спины матери, узнав его голос и его чистое пальто, и рванулась было вперёд, но Нора мёртвой хваткой удержала её за плечи, переводя взгляд с него на меня и обратно.

— Не подходи к порогу, — тихо ответил я своему

двойнику, разворачиваясь к нему всем корпусом и загораживая собой открытую дверь. — Если мы оба сейчас попадём в поле домашней рамки, нас заблокируют в одну секунду.

Он остановился на средней ступеньке, в полутора метрах от моего лица. Капли дождя падали на его аккуратно подстриженные виски.

— Ты не должен был выжить в том водосбросе, — почти шёпотом произнёс он, глядя на край шрама у меня на груди. — Я видел твой пропуск в сумке у Томаса. И видел свой заводской номер в реестре. Я не знал... клянусь богом, я до сегодняшнего вечера не знал, что меня напечатали заново.

За моей спиной в прихожей Нора судорожно втянула воздух и зажала рот ладонью.

И в эту секунду двенадцатилетняя Софи, стоявшая в глубине коридора, вдруг шагнула к порогу, чтобы разглядеть меня ближе, — и нечаянно задела плечом внутренний створ дверной коробки.

Домашняя Арка, уловив движение в проёме, автоматически включила режим расширенного сканирования входной зоны на два метра вокруг порога.

Индукционное поле накрыло всё крыльцо разом.

В моём обожжённом затылке снова полыхнула белая вспышка боли, а человек на ступеньке подо мной глухо вскрикнул, схватившись ладонью за шею сзади.

Над дверным косяком за спиной Норы с сухим треском лопнул стеклянный плафон индикатора. Вместо зелёного света всю прихожую залило пульсирующее багровое свечение аварийного протокола, а из настенного динамика дома на всю улицу ударил механический, лишённый интонаций голос центрального сервера:

[КРИТИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА КОНТУРА. КОД НОЛЬ.]

[ЗАФИКСИРОВАНА БИОМЕТРИЧЕСКАЯ КОЛИЗИЯ ID-409-LIND В ОДНОМ СЕКТОРЕ.]

[ГРАЖДАНСКИЙ СТАТУС ЗАБЛОКИРОВАН. ОЖИДАЙТЕ ПРИБЫТИЯ ГРУППЫ АРБИТРАЖА. НЕ ПОКИДАЙТЕ ПЕРИМЕТР.]

Где-то в двух кварталах над крышами мокрых домов уже нарастал низкий, тяжёлый гул турбин перехватчика Комитета Непрерывности.

Глава 5. [КОНТУР: СЛЕПОК]

Багровый свет разбитого индикатора пульсировал под потолком прихожей, заливая мокрое крыльцо и побелевшее лицо Норы густой, тревожной краской. Сирена домашней Арки не была — она била по ушам сухим, монотонным зуммером на частоте килогерца, перекрывая шум дождя за спиной.

Первой не выдержала Софи.

От повторного, аварийного выброса индукционной катушки она коротко вскрикнула, зажала обеими ладонями уши и, подкосившись, осела на пол прямо у обувной полки. Из её правой ноздри по верхней губе и подбородку побежала тёмная струйка крови.

— Соф! — я рванулся вверх по ступенькам крыльца, отталкивая плечом человека в мокрой брезентовой куртке, который загораживал проём.

Плечо у него оказалось каменным — я будто налетел с разбегу на чугунную балку. Он даже не покачнулся, только развернулся вполоборота и шагнул через порог одновременно со мной.

В узком коридоре мы опустились на колени перед дочерью с двух сторон.

— Нора, принеси лёд из морозилки и мокрое полотенце! — крикнул я через плечо, пытаясь отвести ру-

ки Софи от висков. — Соф, откинь голову назад, сейчас пройдёт...

— Не запрокидывай ей голову, — глухо, сквозь зубы оборвал меня человек напротив. — Захлебнётся кровью, а сосуды в пазухах ещё сильнее зажмёт.

Его широкая, шершавая как наждак ладонь легла поверх моих пальцев и жёстко отвела мою руку в сторону.

От его мокрой куртки пахло холодным железом, сосной и чужим дождём. Он перехватил тонкие запястья Софи, наклонил её подбородок чуть вперёд, к груди, а большим пальцем правой руки с силой надавил на точку под основанием её скулы.

— Смотри на мою пуговицу, мелкая, — негромко, хрипло произнёс он, глядя ей прямо в зрачки. — На красную лампу не смотри. Вдох на два счёта, выдох на четыре. Помнишь, как в темноте? Кессон герметичен.

Я ждал, что Софи шарахнется от этого страшного, обветренного незнакомца с моим лицом.

Но Софи вдруг перестала дрожать. Её пальцы, испачканные кровью, сами нашли грубый край его брезентового рукава, мёртвой хваткой вцепились в мокрую ткань, и она уткнулась лбом в его плечо, шумно и прерывисто выдыхая ему в ключицу.

А позади нас, у двери кухни, зашла в тонком, захлёбывающемся плаче пятилетняя Ева.

Я вскочил с колен, в два шага оказался рядом с младшей дочерью и подхватил её на руки, прижимая к своей груди. Ева вся тряслась, обхватив меня за шею короткими ручонками и пряча лицо под воротником моего кашемирового пальто:

— Папа, прогони его! Папа, почему он здесь?!

— Всё хорошо, жук, не смотри туда, папа с тобой, — шептал я в её мягкие кудряшки, чувствуя, как у меня самого под лопатками холодеет от липкого, дурного пота.

Нора стояла посреди коридора, прижавшись спиной к стене между нами. Она не бежала за льдом. Она смотрела сверху вниз на человека, сидевшего на полу перед старшей дочерью. Когда он наклонился к Софи, ворот его фланелевой рубашки разошёлся шире, и в багровом свете аварийного плафона стали отчётливо видны два рубца: толстый белёсый шрам со следами хирургических скоб поперёк грудины и багровый, стянутый звездой ожог, уходящий от правого уха под воротник на затылке.

Нора медленно перевела взгляд с его шеи на мою — туда, где сегодня утром в постели её тёплые пальцы гладили ровную, безупречную кожу над моим исправным имплантом.

В её глазах не было страха перед пришедшим с улицы чужаком. В них стоял тихий, раздавливающий

ужас женщины, которая вдруг поняла, с кем именно она спала последние две тысячи пятьсот ночей.

Снаружи, перекрывая писк домашнего терминала, на брусчатку Линден-стрит лёг тяжёлый, низкочастотный гул.

Стекла в рамах прихожей тонко зазвенели. Белый свет уличных фонарей за окном разом погас, сменившись плотной матовой завесой — патрульный перехватчик Комитета развернул над нашим участком купол электромагнитного глушения, отсекая дом от соседских глаз и городской сети.

Через десять секунд на гравии перед крыльцом зашуршали быстрые, слаженные шаги.

В открытом проёме двери встали двое оперативников в тёмно-серых штурмовых комбинезонах без знаков различия. Один из них коротким движением вскинул деактиватор, направив ствол в грудь человеку на полу, а второй приложил сервисный ключ к разбитой панели домашней Арки.

Воющий звук тревоги оборвался на полуноте.

В наступившей тишине стало слышно, как с мокрой куртки моего двойника на паркет прихожей падают редкие капли воды: *кап... кап... кап...*

Оперативники синхронно отступили на полшага к стенам, освобождая проход, и через порог переступил человек в длинном графитовом пальто из сухой, не

промокающей под дождём ткани.

Ему было около пятидесяти. Высокий, узкокостный, с зачёсанными назад пепельными волосами и сухим, пергаментным лицом, на котором очки в тонкой титановой оправе сидели с геометрической точностью. В левой руке он держал плоский металлический кейс, а правую, в тонкой перчатке, поднял, оставив оперативника с оружием:

— Уберите ствол, сержант. Здесь нет вооружённого сопротивления. И закройте входную дверь — в доме сквозняк и маленькие дети.

Голос у него был негромкий, сухой и ровный, как шелест бумажных страниц в архиве.

Он перевёл взгляд на Нору, потом на меня с плачущей Евой на руках, и наконец — на человека со шрамом, который медленно поднялся с колен, бережно придерживая Софи за плечо.

— Госпожа Линд, — человек в графитовом пальто едва заметно наклонил голову. — Моё имя Хенрик Гласс. Старший судебный арбитр Комитета Непрерывности по особому производству. Я попрошу вас увести обеих девочек на второй этаж и оставаться с ними в детской в течение десяти минут, пока медик группы осмотрит старшую дочь, а мы оформим первичный протокол фиксации. После этого вы спуститесь к нам в гостиную.

— Вы никуда его не увезёте, — вдруг глухо и отчётливо сказала Софи, не отпуская рукава промокшей куртки. На её подбородке подсыхала кровь, но смотрела она прямо в очки арбитра.

Хенрик Гласс посмотрел на неё сверху вниз — без раздражения, но и без тени дежурной взрослой улыбки, какой обычно успокаивают детей.

— Никто никого сейчас не увозит, София, — ровно произнёс он. — Но если ты не поднимешься наверх с матерью, мне придётся проводить процедуру верификации прямо здесь, в коридоре, в присутствии конвойной группы. Не думаю, что твоей младшей сестре полезно на это смотреть.

Нора шагнула ко мне, молча, не поднимая на меня глаз, забрала из моих рук притихшую Еву, а свободной ладонью взяла Софи за локоть.

Софи обернулась уже на середине лестницы. Она смотрела не на меня — на человека в брезентовой куртке, стоявшего у порога. Тот коротко, одними ресницами моргнул ей в ответ, и только тогда девочка позволила увести себя наверх.

Через пятнадцать минут мы сидели втроём за большим дубовым столом в столовой — под тем самым медным абажуром, который Нора вчера протирала от пыли.

Оперативники остались за закрытыми дверями в

прихожей. Напротив Хенрика Гласса стоял его раскрытый титановый кейс, от которого к двум серебряным контактными пластинам на столе тянулись тонкие оптические шнуры.

Мы с ним сидели на одной стороне дивана — на расстоянии метра друг от друга.

Теперь, при ярком комнатном свете, смотреть на него сбоку было почти физически невыносимо. Это было не зеркало — в зеркале лицо всегда отражается симметрично, и ты привыкаешь к этой обратной геометрии с детства. Здесь же в метре от меня сидел человек с моим настоящим, не перевёрнутым профилем, с моей горбинкой на переносице, с моей мочкой уха и той же самой белой точкой от ветрянки над бровью. Только между нами лежала пропасть в семь лет, выжженная на его коже глубокими бороздами у рта, седой щетиной и свинцовой усталостью человека, который слишком долго жил без неба над головой.

Он сидел прямо, положив тяжёлые, испещрённые мелкими шрамами кисти рук на колени, и не сводил глаз с рук арбитра.

По лестнице со второго этажа тихо спустилась Нора. Она остановилась у дверного проёма столовой, скрестив руки на груди и зябко кутаясь в серый домашний кардиган.

— Девочки? — спросил я, поворачиваясь к ней.

— Ева уснула, — не глядя в мою сторону, ответила Нора. — У Софи врач снял спазм, она лежит у себя. Что здесь происходит, господин Гласс? Кто из них двоих...

Голос её дрогнул и оборвался. Она не смогла произнести слово «настоящий».

Хенрик Гласс снял очки, аккуратно положил их на край бумажного бланка и соединил кончики пальцев.

— Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, госпожа Линд, вы все трое должны уяснить правовой статус этой комнаты, — негромко сказал он. — С семнадцати часов сорока восьми минут сегодняшнего дня инцидент по гражданскому индексу четыреста девять переведён под юрисдикцию Закрытого трибунала Комитета. Любая попытка передать информацию о происходящем здесь третьим лицам, коллегам по министерству, соседям или родственникам квалифицируется как покушение на государственную безопасность нулевого уровня и влечёт немедленное Обнуление контура для всех совершеннолетних участников дела. Это понятно?

— Понятно, — сухо сказал я. — Переходите к сути, Гласс. Я видел аппаратные логи четвёртого шлюза Южного вокзала и видел метку собственного ядра.

Арбитр перевёл на меня спокойный, изучающий взгляд:

— Разумеется. Будучи главным архитектором сети шестого поколения, вы не могли не заглянуть в таблицы маршрутизации после утреннего сбоя. Это избавляет нас от лишних предисловий.

Он развернул к Норе плоский голографический экран своего терминала. В воздухе над столом повисли две параллельные колонки телеметрии, сходящиеся внизу к одной дате: 19.10 (7 лет назад).

— Семь лет назад в одиннадцать часов четырнадцать минут утра в шахте внешнего ретранслятора Сектора-9 произошёл прорыв контура охлаждения на фоне геомагнитного выброса. Ведущий инженер Мартин Линд оказался заблокирован в затопленном коллекторе. В одиннадцать двадцать его прижизненный имплант серии «А» зафиксировал прекращение электрической активности коры головного мозга длительностью свыше трёхсот шестидесяти секунд и передал на орбитальный ретранслятор криптографический пакет биологической смерти.

Нора медленно подошла к столу и оперлась побелевшими пальцами о спинку пустого стула.

— Вы сказали мне тогда, что его нашли спасатели на внешнем периметре, — прошептала она, глядя на парящие в воздухе цифры. — Мне позвонили из приёмного покоя в семь вечера и сказали, что его доставили санитарным бортом с тяжёлой контузией...

— Таков регламент Слепого протокола реанимации, госпожа Линд, — без малейшей запинки ответил Гласс. — Орбитальный узел получил подтверждённый сигнал гибели носителя за полторы секунды до того, как геомагнитная буря полностью отрезала Сектор-9 от связи. В двенадцать часов ноль пять минут центральный сервер автоматически разблокировал последний актуальный слепок гражданина Линда, снятый в терминале столичного аэропорта за четыре часа до аварии, и запустил штатную Реинтеграцию на базе второй клинической больницы. В семь вечера восстановленный носитель с имплантом серии «Б» пришёл в сознание и через сутки был возвращён в семью. Государство выполнило свою конституционную обязанность — сохранило вашей семье мужа и отца без разрушительной психологической травмы.

— Вы даже не попытались проверить, жив ли я там внизу, — впервые за вечер заговорил человек, сидевший справа от меня. Его низкий, сорванный угольной пылью голос заставил Нору вздрогнуть. — Ваш спутник не прислал обратного кода на мой имплант. Когда Ковальски запустил мне сердце на столе в бытовке, мой тестер показал, что рукопожатие не прошло и печать в столице отменена. Мы семь лет пробивали резервный вентиляционный ствол вручную, хороня людей в мёрзлом щебне, потому что вы списали весь сек-

тор в утиль и закрыли периметр карантинном!

Гласс повернул голову к нему. На лице арбитра не отразилось ни сочувствия, ни вины.

— Сектор-9 находился за пределами гарантированного контура, в зоне первой категории тектонического риска, — произнёс он. — Обратный пакет деактивации действительно был поглощён ионосферным возмущением. Вероятность подобного асинхронного разрыва составляет одну сотую доли процента на десять миллионов операций. Вы стали статистической погрешностью, гражданин Линд.

— Я не статистическая погрешность, — человек со шрамом медленно подался вперёд, положив локти на стол, и в его глазах полыхнула такая тяжёлая, первобытная ярость, какой я никогда не испытывал в своей жизни. — Это моё имя. Это мой дом, который я строил своими руками до того, как улетел на Север. Это моя жена и моя дочь. Я не умирал, Гласс. Моё тело не сгорало в вашей печи. По вашему же собственному закону слепок имеет силу только в случае окончательной утраты первичного носителя. Первичный носитель сидит перед вами. Значит, его активация семь лет назад — юридически ничтожна!

В комнате повисла звенящая тишина.

Он только что спокойным, деловым тоном потребовал стереть меня из реальности — так, будто я был

дублирующей строчкой в смете.

— Ничтожна?! — я резко повернулся к нему на диване. — Ты отсутствовал семь лет! Семь лет, Мартин! Знаешь, кто выплачивал закладную за этот дом, когда через год после твоего Сектора-9 урезали бюджеты отдела? Знаешь, кто сидел у кровати Норы трое суток подряд, когда у неё началось заражение крови после первых сложных родов с Евой?! Кто водил Софи за руку в первый класс, кто учил её плавать, кто спроектировал половину магистральной сети этого города?! Для меня в том аэропорту не было никакого обрыва — я сел в кресло челнока, а открыл глаза под капельницей в клинике и пошёл дальше тянуть нашу общую жизнь! Ты хочешь сказать, что эти семь лет — ошибка, которую можно просто зачеркнуть?!

Он посмотрел на меня в упор — на мой дорогой костюм, на мои чистые руки без единой мозоли.

— Ты спал с моей женой, потому что вам обоим соврали, что я — это ты, — тихо и страшно ответил он. — Мне жаль, что тебя включили, парень. Правда жаль. В этом нет твоей вины. Но у меня не было второго тела в запасе, когда я семь зим кашлял кровью в забое, чтобы доползти до этого крыльца. И я не собираюсь уходить обратно в землю только потому, что тебе было удобно жить в моём доме.

— Достаточно, — Хенрик Гласс негромко опустил

ладонь на крышку титанового кейса, и звук вышел похожим на щелчок взведённого затвора.

Мы оба замолчали, тяжело дыша.

Арбитр надел очки и обвёл нас взглядом.

— Вы оба рассуждаете категориями примитивного биологического права столетней давности, — холодно сказал Гласс. — Закон Единственного Носителя не оперирует понятиями «первый» или «второй». Для государства вы оба — гражданин Мартин Линд, индекс четыреста девять. Но конституция Контура категорична: у одного индекса может существовать только один активный физический контур. С той секунды, как система зафиксировала ваше одновременное присутствие в одном секторе, ваш общий лимит гарантированной жизненной квоты переведён в режим штрафного списания — каждые сутки вашего параллельного дыхания сжигают трое суток вашего совокупного права на жизнь.

Нора судорожно прижала ладонь к губам:

— И что вы сделаете?.. Вы же не можете... убить одного из них?

— Комитет никого не убивает, госпожа Линд, — поправил её Гласс. Он положил обе руки на крышку кейса, и я заметил, как под тонкой серой перчаткой его левый безымянный палец мелко, ритмично вздрагивает — характерный остаточный тремор людей, про-

шедших через три или четыре Реинтеграции. Гласс прижал палец большим, гася дрожь, и посмотрел на Нору. — Двадцать пять лет назад, когда я начинал службу младшим следователем, закон требовал говорить семьям правду о замене погибшего носителя. За полгода мы получили «Кризис Отторжения»: четырнадцать тысяч самоубийств среди восстановленных и десятки тысяч разрушенных семей, где матери боялись прикасаться к своим мужьям. Слепой протокол и Закон Единственного Носителя — это не прихоть бюрократии. Это единственная плотина, не дающая обществу сойти с ума.

Он открыл кейс, вытащил два матово-серых браслета из металлокерамики и положил их перед нами.

— В тот момент, когда ваша домашняя Арка зафиксировала двойной отклик, аварийный пакет ушёл напрямую в центральное автономное ядро Госконтроля, — продолжил Гласс. — Даже я при всём желании не могу удалить запись «Кода Ноль» вручную. Ядро требует закрытия коллизии в тридцатидневный срок. С полуночи запускается процедура Аудита Непрерывности.

— Какого ещё аудита?! — я не выдержал и поднялся с дивана, упираясь ладонями в край дубового стола. — Вы собираетесь месяц держать нас обоих под следствием в собственном доме?!

— Сядьте, гражданин Линд, — не повышая голоса, произнёс арбитр. — На время процесса ваш единый индекс временно разделяется на два подконтура с заморозкой половины имущественных прав: первичный носитель получает маркер «Контур: Шрам», реинтегрированный — «Контур: Слепок». Оба вы обязаны носить эти синхро-браслеты не снимая. В них зашит перекрёстный предохранитель: при попытке физического устранения друг друга или побега из округа оба носителя будут обнулены автоматически.

Мартин-Шрам рядом со мной криво усмехнулся и провёл тыльной стороной ладони по светлой скатерти — на ткани осталась серая полоса въевшейся каменной пыли.

— Значит, ошейники, — глухо бросил он. — И по каким же критериям ваша машина будет выбирать, кого из нас оставить через тридцать дней?

— Индекс Социального Веса, — ответил Гласс. — Первое: профессиональная польза — вы оба продолжите аудит северного радиуса в отдельные смены. Второе: нейро-психологическая близость к базовому профилю гражданина Линда. И третье, дающий сорок процентов веса: степень семейной интеграции.

Нора резко отступила от стола к окну, прижимая ладони к вискам:

— Вы в своём уме, господин Гласс?! Вы хотите втя-

нуть в это маленьких детей?!

— Дети — главные выгодоприобретатели института семьи, госпожа Линд, — Гласс повернул голову в её сторону. — Носитель «Слепок» остаётся проживать в доме. Носитель «Шрам» размещается в закрытом пансионате Комитета на Речной улице, но ежедневно с семнадцати до двадцати одного часа и по воскресеньям имеет безусловное право находиться здесь с семьёй. Девятнадцатого ноября вы подпишете протокол верификации супруга, а нейро-психологи снимут показатели привязанности у девочек. Проигравший пройдёт архивную деактивацию: его опыт оцифруют в справочную вкладку, а дублирующий носитель выведут из эксплуатации.

Нора побелела ещё сильнее, глядя на браслеты.

— А если я откажусь подписывать ваш протокол? — глухо спросил Мартин-Шрам. — Если к девятнадцатому ноября у вас выйдет ничья?

Хенрик Гласс защёлкнул замки кейса.

— Конституция запрещает произвольно лишать жизни гражданина при равенстве социального веса, — ровно произнёс арбитр. — Поэтому законодатели предусмотрели гуманную норму, согласно которой государство не должно потерять ни одного дня вашего совокупного опыта — Принудительное Слияние. Оба текущих тела деактивируются, а обе семилетние мат-

рицы памяти принудительно сшиваются на один новый носитель. Вы оба — инженеры и знаете цену этого гуманизма на практике: при разрыве в семь лет конфликт двух нейронных архитектур выжигает лимбическую систему в ноль. Государство получит безупречно исполнительного специалиста без единой эмоции, который будет одинаково равнодушно помнить и северный забой, и эту столовую. Поэтому в ваших общих интересах за тридцать дней доказать трибуналу, что один из вас здесь — лишний.

Арбитр поднялся из-за стола.

— Протяните левые запястья. Оба.

Керамические створки браслета сомкнулись на моей руке с тихим пневматическим шипением и тут же нагрелись до температуры кожи, считывая пульс. Точно такой же серый обод защёлкнулся на жиле, перечёркнутом старым шрамом запястье человека рядом со мной.

— На сегодня следственные действия окончены, — сказал Гласс, направляясь в прихожую. — Носитель «Шрам», на выход. Машина доставит вас в пансионат и выдаст временные документы для завтрашнего прохода в министерство. Завтра в семнадцать ноль-ноль ваш браслет автоматически разблокирует допуск в этот дом на четыре часа.

Мой двойник медленно поднялся с дивана.

В прихожей, у самой входной двери, он остановился перед зеркальным столиком. Сунул руку в карман своей промокшей куртки, вытащил оттуда мои тёмно-коричневые кожаные перчатки с тиснением M. L. и бросил их на стеклянную полку рядом с ключами от моей машины.

Потом обернулся к Норе, которая так и стояла в проёме столовой, вцепившись пальцами в свои локти.

— Я все семь лет думал, что ты знаешь про обвал и просто ждёшь, когда его расчистят, — глухо сказал он ей через весь коридор, и в его голосе не было упрёка, только тяжёлая, выжженная усталость. — Не бойся меня, Нора. Завтра в пять вечера я приду просто поговорить.

Дверь за ним и за широкими спинами людей Комитета закрылась.

За окном мягко зашуршали шины отъезжающего спецтранспорта. Электромагнитный купол над крышей погас, и в окна снова хлынул обычный жёлтый свет уличных фонарей и шорох дождя по липам.

В доме стало мертвенно тихо.

Я стоял посреди столовой, чувствуя непривычную тяжесть казённого браслета на левом запястье. На полу у обувной полки всё ещё лежала скомканная салфетка с бурыми пятнами крови из носа Софи.

— Нора... — я сделал шаг к жене и протянул руку,

чтобы обнять её за плечи, вернуть нас обоих в сегодняшнее утро, где всё было понятно и цело. — Нора, послушай меня, я ведь не знал... Когда я очнулся в той клинике семь лет назад, я помнил только то, как целовал тебя в дверях перед такси в аэропорт. Это ведь был я. Все эти годы это был я.

Когда мои пальцы коснулись её плеча, Нора резко, всем телом дёрнулась назад, отступая от меня к лестнице.

Она смотрела на мои чистые ладони, на расстёгнутый ворот моей рубашки, под которым не было ни единого шрама, и по её щекам беззвучно текли слёзы.

— Не трогай меня сейчас, — одними губами прошептала она, прижимая ладони к груди. — Пожалуйста, Мартин... не подходи ко мне сегодня. Я лягу наверху у девочек.

Она развернулась и быстро, почти бегом поднялась по деревянным ступенькам на второй этаж. Щёлкнул замок детской спальни.

А я остался стоять один под гудящим в тишине медным абажуром, глядя на две пустые чашки на столе и на свои собственные перчатки, которые пахли чужой угольной пылью.

Глава 6. [КОНТУР: ШРАМ]

Когда закрытый фургон Комитета увозил меня от Линден-стрит по пустым ночным бульварам, я всю дорогу смотрел сквозь узкую бойницу бронестекла на бесконечные зелёные кольца ретрансляторов над мокрым асфальтом и думал только о том, как в темноте второго этажа за запертой дверью сейчас плачет маленькая девочка, принявшая меня за чудовище.

Матрас в казённом боксе пансионата на Речной улице оказался слишком мягким — пружины проваливались под спиной, как гнилой настил над выработкой, и через двадцать минут в темноте у меня начинало кружиться темя от чувства потери опоры.

В половине третьего ночи я стащил одеяло на пол, расстелил его прямо на жёстком полимерном покрытии у стены и лёг на правый бок, лицом к двери. Так шестое ребро не давило на лёгкое, а лопатки чувствовали твёрдую плиту перекрытия.

Уснуть всё равно не вышло.

На левом запястье, чуть выше косточки, ровно и неотступно пульсировал серый обод арбитражного браслета. У него не было экрана — только узкая полоска матового кварца, в глубине которой раз в двадцать секунд пробежала тусклая красная искра. Счёт-

чик штрафной квоты. Каждый раз, когда эта искра мигала в темноте комнаты, где-то на серверах Хенрика Гласса из моего остатка жизни списывалась ещё одна минута, умноженная на три.

Я лежал в темноте с открытыми глазами, слушал ровный гул приточной вентиляции за решёткой и смотрел на свои ладони.

Перед глазами всё ещё стояла маленькая девочка в перепачканном мелкими платице, выбежавшая вчера из кухни. Её каштановые кудряшки, родинка над губой и тонкий, захлёбывающийся крик на руках у человека в моём пальто: *«Папа, прогони его!»*

Там, на Севере, на третью зиму после обвала у нас в бараке замёрз проходчик из второй бригады — молодой парень по фамилии Вейс. Мы нашли его утром на верхних нарах, и у него в заочеченевших пальцах было зажато письмо жене, которое он переписывал каждый месяц на случай, если сверху пробьют разведочную скважину. Я тогда закрыл ему глаза и подумал: если я не сдохну от цинги и воды в лёгких, если я доползу до поверхности и открою дверь своего дома на Линден-стрит — всё остальное будет неважно.

Я дополз. Открыл дверь. И оказалось, что я умер в той воде семь лет назад так чисто и незаметно, что моя собственная жена даже не носила по мне траур.

В семь утра замок двери бокса сухо щёлкнул.

На пороге стоял дежурный куратор пансионата в серой форме Комитета. В руках он держал мою вчерашнюю брезентовую сумку — её ночью изъяли из машины моего двойника по протоколу вещдоков, проверили каждый шов и теперь вернули владельцу вместе со стопкой казённого белья и серой пластиковой карточкой временного пропуска.

— Подъём, носитель «Шрам», — без выражения произнёс куратор, ставя сумку у стены. — С восьми ноль-ноль до двенадцати тридцати — ваша рабочая смена в Центральном проектном управлении. Сектор изоляции Б, двенадцатый этаж. Пересечение с носителем «Слепок» на маршруте заблокировано по геолокации браслетов. Через двадцать минут машина у подъезда.

В управление меня завели через грузовой пандус внутреннего двора, минуя парадный атриум.

Индукционные Арки в техническом коридоре двенадцатого этажа при моём приближении заранее переключались в пассивный сервисный режим — вместо зелёного света над дверями загоралась синяя полоса внешнего сопровождения: система считывала сигнал с браслета на запястье, не пытаясь пробить мой выжженный затылок.

В изолированном расчётном боксе без окон пахло озоном и новым пластиком. На широком столе гудел

инженерный терминал, подключённый к рабочей базе проекта «Северный радиус».

Человек из экспертной комиссии Гласса — худой очкарик с папкой протоколов — остановился у двери: — У вас четыре часа, гражданин Линд. Задача первого этапа профессиональной верификации: аудит проектной документации по третьей ветке северной магистрали, утверждённой вчера на коллегии. Все ваши правки и комментарии в системе фиксируются обезличенно и направляются в расчётный центр трибунала. Доступ к внешней связи закрыт.

Дверь за ним защёлкнулась.

Я остался один перед светящимся кубом голографической схемы.

Первые десять минут я просто сидел на жёстком стуле, не прикасаясь к панели. Передо мной в воздухе висел чертёж, который вчера защищал *он*.

Я узнавал собственный почерк в каждой линии. То, как были сгруппированы резервные узлы питания, как выведена разводка заземления на поворотах трассы, даже шрифт в угловых спецификациях — всё это было моим. Будто я сам начертил это вчера ночью, а утром забыл. От этой идентичности к горлу подступала глухая тошнота: казалось, кто-то вскрыл мне череп, вычерпал оттуда всё, чему я учился двадцать лет, и аккуратно разложил на чужом столе.

Я заставил себя придвинуть кресло и развернул трёхмерный разрез четвёртого перегона — того самого участка, где трасса подходила вплотную к базальтовому разлому Сектора-9.

Я увеличил масштаб фундамента опорных пилонов. Ещё раз. Потом открыл таблицу расчётных нагрузок на сдвиг породы, подписанную электронной визой: *«Гл. арх. М. Линд»*.

Моя рука замерла над сенсорным полем.

Он заложил в проект стандартные титановые сваи глубокого заложения с жёсткой сцепкой и шагом в полтора километра. По всем столичным учебникам и компьютерным симуляциям министерства это было безупречное, красивое решение: запас прочности сто сорок процентов, минимальный расход сплава, идеальная геометрия контура.

Только он никогда не спускался в этот разлом живьём.

Его память обрывалась в кресле транспортного челнока в то октябрьское утро перед вылетом. Он не видел того, что видел я на третьем году под землёй, когда мы с горняками вручную проходили южный пласт под водосбросом. Он не знал, что после того тектонического сдвига под слоем мёрзлого базальта на глубине сорока метров образовалась линза подвижного пльвуна, насыщенного сероводородной ра-

пой.

Если вбить туда жёсткие титановые сваи по его вчерашнему чертежу, первая же весенняя подвижка грунта срежет опорные пилоны как спички, а коррозия сожрёт экранирование силового кабеля за две зимы. На третьем году вся северная ветка сложится внутрь разлома вместе с людьми и ретрансляторами.

Он не стал плохим инженером. Он просто семь лет сидел в тёплом кабинете на четырнадцатом этаже и верил цифрам на экране, пока я этим самым базальтом обдирал кожу с ладоней.

Я усмехнулся одними уголками губ, вызвал окно редактора и начал перекраивать его чертёж — снося жёсткие сваи и заменяя их на плавающие шарнирные кессоны с разгрузкой давления по контуру.

В четыре часа пятьдесят пять минут вечера я стоял на углу Линден-стрит.

Сегодня дождя не было, но ветер с реки гнал по тротуару сухую жёлтую листву. На мне была всё та же вычищенная и высушенная за ночь вощёная куртка и тёмный казённый свитер из пансионата — от предложенного Комитетом гражданского пальто я отказался.

Ровно в 17:00 браслет на моём левом запястье коротко вибрировал, и красная точка внутри кварца сменилась тускло-зелёной полосой временного допуска.

Когда я подошёл к калитке нашего дома, парадная дверь наверху крыльца открылась раньше, чем я ступил на первую ступеньку.

Из дома вышел *он*.

На нём был серый шерстяной пуловер и домашние брюки, но поверх них он уже накинул плащ. Лицо у него было бледным, осунувшимся за одну ночь, с тёмными кругами под глазами — сегодня мы впервые выглядели почти ровесниками. На его левом запястье точно так же зеленел обод казённого браслета.

Мы встретились взглядами посреди садовой дорожки.

— Я уеду на два часа в сквер у набережной, — глухо и быстро сказал он, останавливаясь в двух шагах от меня и глядя куда-то мне в переносицу, чтобы не встречаться со мной зрачками. — Не хочу устраивать из дома казарму со сменой караула на глазах у детей. Ева наверху в детской, Нора попросила её пока не спускаться — девочка вчера испугалась до температуры, не надо к ней сегодня заходить.

— Я и не собирался пугать маленькую, — ровно ответил я. — Где Нора и Софи?

— Нора у себя на задней веранде, в мастерской. Софи в гостиной.

Он уже шагнул мимо меня к калитке, но на секунду задержался. Его челюсти сжались.

— Я видел твои сегодняшние правки по четвёртому перегону северного радиуса в общей базе трибунала, — тихо произнёс он, не оборачиваясь. — Откуда ты взял данные по сероводородной линзе на сорока метрах? В геологических картах министерства там монолитная плита.

— Карты министерства составляли со спутника десять лет назад, — сказал я ему в спину. — А я в этой плите в позапрошлом феврале хоронил троих проходчиков, когда прорвало нижний карман. Твои жёсткие сваи там не простоят и двух зим.

Он ничего не ответил, толкнул калитку и быстро пошёл вдоль чугунной ограды к своей машине.

Я поднялся на крыльцо.

Разбитый вчера плафон над дверью уже заменили техники Комитета — теперь там тускло светилась синяя сервисная дуга арбитражного режима. Я толкнул незапертую дверь и вошёл в дом, где не был семь лет.

В прихожей пахло всё тем же: старым дубовым паркетом, яблоками из сада и немного — детской акварелью. Но на вешалке висели незнакомые куртки, у стены стоял маленький розовый самокат, которого я никогда не видел, а обои в коридоре были переклеены в светлый серо-голубой тон. Моё тело помнило ширину каждого шага по этим половицам, но глаза спотыкались о чужую жизнь на каждом сантиметре.

Из проёма гостиной на меня смотрела Софи.

Она стояла у книжного стеллажа в длинной домашней футболке и тёплых носках, прижимая к груди толстую тетрадь для рисования. Синева под её глазами после вчерашнего приступа стала глубже.

— Привет, мелкая, — тихо сказал я, останавливаясь в коридоре и не делая резких движений, чтобы не спугнуть её. — Голова как?

— Лучше, — почти шёпотом ответила Софи. Она посмотрела на моё левое запястье с серым браслетом, потом на мои грубые горные ботинки на коврик. — Мама сказала, что тебя... что ты был там, под землёй, с того самого дня, когда мне было пять. Это правда?

— Правда, Соф.

— А почему ты тогда не позвонил нам, когда выбрался на станции Полярная позавчера? — в её голосе дрогнула тонкая, натянутая струна обиды, которую ребёнок копил в себе с вчерашнего вечера. — Почему просто пришёл и постучал в дверь?

Я медленно опустился на корточки у стены, чтобы мои глаза оказались на одном уровне с её лицом, как делал когда-то в её детстве.

— Потому что у меня выгорел чип в голове, Соф. А без чипа на междугородних узлах связи тебя не пускают даже к терминалу — для автоматики ты пустое место. Я добирался от Полярной в рабочем составе по-

что двое суток и боялся только одного: что если я позвоню с чужого номера, вы подумаете, будто это какой-то телефонный мошенник, и положите трубку. Я хотел, чтобы вы увидели меня сами.

Софи долго смотрела на моё лицо — на глубокие складки у рта, на белую оспинку над бровью. Потом её взгляд упал на мою правую руку, лежащую на колене.

— У тебя руки остались такими же, как в моём детстве, — вдруг тихо сказала она, глядя на мои сбитые костяшки и загрубевшие подушечки пальцев. — Когда мне было пять и ты паял макеты дома по вечерам, у тебя большой палец всегда был шершавым от олова. А когда папу повысили до главного архитектора, он перестал работать руками в мастерской, и кожа у него за эти годы стала совсем гладкой.

Она сделала два быстрых шага ко мне, протянула узкую, холодную ладонь и осторожно, одним указательным пальцем провела по подушечке моего большого пальца.

Я крепко сжал челюсти, чувствуя под её тонким пальцем свою твёрдую, вьёвшуюся за годы работы мозоль.

— Мама там, на веранде, — прошептала Софи, не убирая пальца с моей руки. — Она с утра ничего не ела, только сидит над своими стёклами. Ты пойдёшь к ней?

— Пойду, — я бережно накрыл её тонкие пальцы своей ладонью и поднялся. — А потом вернёмся сюда, и ты покажешь мне, что рисуешь в этой тетрадке. Идёт?

Софи коротко, совсем по-взрослому кивнула.

Дверь на старую застеклённую веранду в глубине дома была приоткрыта.

Здесь не было ни единого датчика Контура. На длинном деревянном верстаке, изрезанном алмазным стеклорезом, громоздились ящики с цветным кафедральным стеклом, лежали тяжёлые латунные ножницы с двойным лезвием для вырезки шаблонов, катушки тусклого свинцового профиля и открытые банки с кобальтовой замазкой. Лампа нижней подсветки пробивала рассыпанные по столу рубиновые и синие осколки, отбрасывая на потолок густые, похожие на церковные своды блики, а за стеклянными рамами тихо шуршал осенний сад.

Нора сидела на высоком табурете спиной к двери, низко склонившись над подсвеченным снизу матовым столом. В руках она держала тонкий пинцет, пытаясь уложить синий осколок в свинцовую оправу, но металл мелко и часто стучал о стекло — её пальцы не слушались.

Я остановился на пороге, не переступая черту мастерской.

— Ты всегда перегреваешь паяльник, когда нервничаешь, Нора, — негромко сказал я. — Сейчас олово потечёт под стекло.

Пинцет с тихим звоном выпал из её пальцев на световой стол.

Нора не повернулась. Её плечи под серым кардиганом напряглись, голова опустилась ниже.

— Зачем ты пришёл, Мартин? — её голос звучал глухо и совершенно вычерпанно. — Что мы должны делать эти четыре часа? Сидеть напротив друг друга под запись его браслетов и выяснять, кто из нас в чём виноват?

Я шагнул внутрь веранды, подошёл к краю верстака и молча выдернул шнур перегретого паяльника из розетки. Пахло горячей канифолью и тем самым льняным маслом.

— В этих браслетах нет микрофонов, Нора, — сказал я, останавливаясь в полутора метрах от её табурета. — Только геолокация, пульс и датчик физического контакта между носителями. Я сам разрабатывал спецификацию для закрытых контуров Комитета восемь лет назад. Гласс не слушает разговоры — ему нужны сухие цифры нейро-тестов в конце месяца и твоя подпись под протоколом.

Нора медленно повернулась на табурете.

В сером сумеречном свете сада её лицо казалось по-

чти прозрачным. Под глазами залегли тёмные тени, губы обветрились. Она подняла взгляд на моё лицо, потом опустила на грубую казённую шерсть свитера на моей груди — туда, где под тканью шёл вертикальный рубец от ножа Ковальски.

— Мне было тридцать лет, когда мне позвонили из приёмного покоя, — тихо заговорила она, глядя прямо перед собой, в цветные осколки на столе. — Мне сказали, что на северном узле произошла авария при посадке, но спасатели успели вытащить тебя на периметр с тяжёлым сотрясением мозга. Понимаешь? Просто с сотрясением! Когда я прибежала в палату, ты лежал под обычной капельницей, с повязкой на голове. Ты открыл глаза, пожаловался, что из-за удара не помнишь последние часы полёта, и попросил забрать тебя домой. Мне даже в голову не могло прийти слово «реинтеграция»! В свидетельстве о выписке стояла обычная травма средней тяжести — я все семь лет свято верила, что ты просто выжил в той командировке и вернулся ко мне в своём собственном теле!

По её щеке медленно скатилась слеза и упала на синее стекло витража.

— Я только вчера вечером за столом у этого Гласа узнала, что вас там, за обвалившимся хребтом, даже не пытались откопать, — прошептала Нора, поднимая на меня полные ужаса и боли глаза. — Что пока

я семь лет жила как ни в чём не бывало, покупала занавески в гостиную, радовалась, что беременна Евой, и думала, что мой муж спит рядом со мной на соседней подушке... ты в эту самую минуту жил в отрезанном посёлке среди снегов, работал на износ в проходке и ждал, когда пробьют тоннель к дому!

— Я знаю, Нора, — я сделал полшага ближе, но не решился коснуться её руки, лежащей на краю верстака. — Слепой протокол для того и придумали, чтобы семья думала, будто человека просто откачали врачи. Ты не могла этого знать. Ты ни в чём меня не предавала.

— Тогда почему мне сейчас так страшно дышать в собственном доме?! — голос её вдруг сорвался на сдавленный, отчаянный шёпот; она схватилась обеими руками за виски. — Там, внизу на парковке, сейчас сидит в машине человек, от которого я родила Еву! Человек, который не отходил от моей постели после операции, с которым мы прожили семь лет день в день — и он вчера точно так же, как я, впервые узнал, что его напечатали со слепка! А передо мной стоишь ты, исхудавший, со шрамами на груди... и чего этот Гласс от меня хочет через тридцать дней — чтобы я своей рукой выбрала, кого из вас двоих отправить под нож?!

Я молча полез за пазуху, вытащил из внутренне-

го кармана запаянный полиэтиленовый пакетик от шахтной аптечки и положил его на световой стол рядом с её ладонью.

Матовая подсветка стола просветила старую, потрескавшуюся по сгибам фотобумагу снизу.

Нора замерла. Её дыхание прервалось.

Она медленно протянула пальцы — на костяшке указательного всё ещё темнела вчерашняя точка кобальтовой грунтовки — и взяла пакетик. На снимке она сама, молодая, тридцатилетняя, шурилась от сентябрьского солнца на ступеньках этой самой веранды, обнимая пятилетнюю Софи в жёлтых сапожках.

Нора перевернула карточку обратной стороной.

Там, поверх пожелтевшей бумаги, моим твёрдым чертёжным почерком химическим карандашом были выведены строчки, которые я царапал в темноте первой зимы после клинической смерти:

Линден-стрит, 14.

Нора — 12 апреля. Родинка под левой лопаткой.

Не забывать лицо, когда гаснет генератор.

— — • «Кессон».

Нора смотрела на эти строчки долгую минуту. По её щекам текли слёзы, но когда я шагнул вперёд и обнял её за плечи, она не обмякла в моих руках. Она прижалась лбом к моему грубому свитеру на несколько секунд, судорожно выдохнула, а потом вдруг выпря-

милась и тыльной стороной ладони жёстко вытерла мокрое лицо.

— Значит, слушай меня внимательно, Мартин, — тихо, но удивительно твёрдо сказала она, глядя мне прямо в глаза. — Девятнадцатого ноября этот Гласс не получит от меня никакой подписи. Я не буду палачом ни для тебя, ни для отца Евы.

— Нора, если ты откажешься выбирать, закон автоматически запустит Слияние...

— До девятнадцатого ноября ещё двадцать девять дней, — перебила она, и в её сузившихся зрачках я впервые за вечер узнал ту прежнюю, упрямую Нору, которая когда-то в одиночку судилась с мэрией из-за сноса старого квартала. — У меня по реставрационной линии есть прямой допуск в закрытые бумажные фонды муниципального архива под старой ратушей — туда, где хранят нецифровые судебные прецеденты со времён первого внедрения Арок. Они не подключены к сети Комитета, и браслеты Гласса там ничего не отслежат. Вы оба будете искать техническую дыру в его системе, а я перерою архивы первой волны. Но в этом доме правила теперь устанавливаю я.

Глава 7. [КОНТУР: СЛЕПОК]

Ровно в двадцать один ноль-ноль обод арбитражного браслета на моём левом запястье коротко мигнул синим, снимая территориальную блокировку. Четыре часа его законного времени в моём доме истекли.

Я сидел в заведённой машине за углом Линден-стрит, глядя сквозь лобовое стекло на мокрую чугунную ограду нашего палисадника.

Через две минуты парадная дверь открылась. Он спустился по ступенькам крыльца — без зонта, засунув руки в карманы своей тяжёлой вощёной куртки. На верхнем этаже в окне комнаты Софи качнулась занавеска: старшая дочь провожала его взглядом до самого угла улицы.

Он прошёл в трёх метрах от моего бампера по направлению к набережной, но даже не повернул головы в сторону салона, хотя прекрасно знал эту машину.

Я подождал, пока его сутулая фигура скроется за поворотом, и только тогда заглушил мотор и поднялся на крыльцо.

В доме стояла та особенная, глухая тишина, какая бывает после ухода врача к тяжелобольному.

Я снял плащ в прихожей и сразу почувствовал запах. Даже работающая на полную мощность система

домашней вентиляции не смогла вытянуть его до конца: поверх привычного аромата яблок и лавандового кондиционера для белья в воздухе висела едва уловимая, горькая нота канифоли, мокрого брезента и старого железа. Запах человека, который пришёл из места, где нет сменных тел.

В гостиной на ковре валялись деревянные кубики, из которых Ева перед сном строила гараж для своего плюшевого медведя. Наверху на площадке второго этажа тихо скрипнула дверь детской: Нора вышла в коридор с пустой чашкой из-под тёплого молока, а из полумрака спальни показалась босая Ева в длинной пижаме с нарисованными ракетами.

Увидев меня внизу у лестницы, младшая тут же перевесилась через балясины перил:

— Пап, ты пришёл! А мама заплела мне косички слишком туго, у меня уши тянет! Переплети, как ты умеешь!

Я поднялся к ней, подхватил на руки её тёплое, сонное тельце, пахнущее детским мылом и печеньем, отнёс в кровать и в полутьме привычными движениями ослабил резинки на её мягких кудряшках, переплетая волосы в два свободных колоска. Ева тут же сонно засопела, зажав в кулачке мой большой палец, и я просидел на краю её матраса пять минут, пока её пальчики не разжались.

Спустившись обратно на первый этаж, я прошёл по коридору в глубину дома, к застеклённой веранде мастерской, чтобы закрыть на ночь верхнюю створку садового окна, и остановился у длинного деревянного верстака.

Паяльник Норы был аккуратно выдернут из розетки и уложен на керамическую подставку, а не брошен у края стола, как она обычно оставляла его в спешке.

А прямо посередине матового светового экрана, среди синих и янтарных осколков витража, лежал маленький прямоугольный предмет.

Я подошёл ближе и включил нижнюю подсветку стола.

Запаянный паяльником полиэтиленовый пакет от индивидуального перевязочного пакета старого образца. Внутри — потрескавшаяся по углам бумажная фотография, которую я сам распечатал в фотоателье на Литейной за месяц до вылета в Сектор-9 и положил в нагрудный карман своей рабочей куртки.

Когда семь лет назад я очнулся в палате второй клинической больницы, мне выдали новую одежду, а про старую куртку и личные вещи в приёмном покое сказали коротко: *«Утрачены при дезактивации на внешнем периметре»*. Я тогда даже не расстроился — ведь исходный файл этого снимка лежал у меня в домашнем облаке в идеальном разрешении.

Я взял пластиковый пакетик кончиками пальцев и перевернул его.

Четыре строчки, выведенные моим собственным чертёжным почерком, но с каким-то чужим, судорожным нажимом химического карандаша, когда грифель почти прорывает размокшую бумагу:

Линден-стрит, 14.

Нора — 12 апреля. Родинка под левой лопаткой.

Не забывать лицо, когда гаснет генератор.

— — • «Кессон».

Я стоял над подсвеченным столом, и мне казалось, что эти четыре карандашные строчки весят больше, чем все бетонные перекрытия нашего дома.

Как я должен был бороться с *этим*?

Что я мог положить на другую чашу весов перед Норой? Оплаченные счета за электричество и репетиторов? То, что я в позапрошлом году перекрыл крышу над мансардой и возил их всех в июле к морю? В обычной жизни это называлось заботой и любовью. Но рядом с этим куском пропотевшего полиэтилена, с которым человек семь зим жил за отрезанным хребтом, боясь забыть лицо жены, вся моя семилетняя жизнь вдруг показалась пошлой, сытой и до омерзения благополучной.

Будто я был не мужем, а нанятым управляющим, который семь лет содержал чужое поместье в чистоте,

пока настоящий хозяин полз домой с войны.

На пороге веранды тихо скрипнула половица.

Нора стояла в дверях. Глаза у неё были сухими и воспалёнными. Она сразу увидела пакетик в моей руке, и её пальцы непроизвольно дёрнулись вперёд — защитным жестом человека, у которого хотят отнять единственную ценность.

Я аккуратно положил фотографию обратно на матовое стекло.

— Я не трону её, Нора, — тихо сказал я, отступая на шаг от верстака. — Это его вещь. Он просто забыл её на столе, или... он оставил её тебе?

— Оставил, — глухо ответила она, подходя к столу и убирая снимок в карман своего кардигана. — У Евы спала температура, она уснула. Софи тоже легла. Ужин в духовом шкафу, если ты голоден.

— Нора, посмотри на меня, — попросил я.

Она остановилась и медленно подняла взгляд.

— Скажи мне честно, — я старался говорить ровно, хотя внутри всё сводило от холодной судороги. — Когда ты сейчас смотришь на меня... кого ты видишь? Краденый слепок из аэропорта?

Нора долго молчала, глядя на моё лицо в тусклом свете садового фонаря за окном.

— В том-то и дело, Мартин, что я вижу тебя, — ровно и тихо сказала она. — Когда ты десять минут на-

зад вошёл в прихожую и повесил плащ на второй крючок слева, как делаешь каждый вечер, для меня вошёл мой муж. И час назад на этом самом месте стоял мой муж. Поэтому сразу выброси из головы мысль, что вы с ним устроите здесь соревнование за мою подпись.

Она подошла ко мне вплотную и положила ладонь поверх серого обода браслета на моём запястье.

— Я уже сказала ему и повторяю тебе: я не отдам Комитету ни одного из вас. В понедельник я беру отпуск в мастерской и спускаюсь в закрытые бумажные фонды ратуши — искать старые закрытые дела по первым сбоям Реинтеграции. А ты перестанешь смотреть на эту фотографию как побитая собака и включишь голову главного архитектора.

Субботним утром меня вызвали в комплекс Комитета Непрерывности на набережной — на первую промежуточную сверку аудита.

Кабинет Хенрика Гласса на восьмом этаже напоминал операционную, переделанную под архив: глухие матовые стены без единой картины, идеальная звукоизоляция и длинный стол из серого искусственного камня.

Я не был здесь единственным вызванным.

На противоположном конце стола, на точно таком же жёстком стуле, уже сидел он — в казённом тём-

ном свитере пансионата, положив свои тяжёлые, иссечённые старыми порезами кисти рук на серый камень столешницы. Его привели через северный конвойный коридор за пять минут до меня, чтобы мы не столкнулись в лифтах на глазах у персонала. Вне этого звукоизолированного кабинета никто в городе не должен был даже подозревать, что по улицам ходят два человека с лицом главного архитектора Линда.

Арбитр сидел во главе стола в своём неизменном графитовом костюме, просматривая сводные таблицы.

— Садитесь, носитель «Слепок», — Гласс указал мне на свободный стул слева от себя. — Поскольку первые сорок восемь часов аудита затрагивают ваши общие родительские и профессиональные права, я счёл целесообразным огласить результаты вам обоим одновременно. Начнём с вашей профессиональной верификации по проекту «Северный радиус».

Гласс развернул в воздухе между нами голографическую таблицу с двумя столбцами цифр.

— До вчерашнего дня преимущество носителя «Слепок» по рабочему контуру казалось экспертной комиссии неоспоримым: семь лет непрерывного стажа в должности главного архитектора против семи лет полной технологической изоляции у носителя «Шрам». Однако вчера в двенадцать ноль-ноль носи-

тель «Шрам» внёс критическое исправление в утверждённый чертёж четвёртого перегона северной магистрали, указав на наличие некартированной сероводородной линзы на глубине сорока метров у границы разлома.

Я молча смотрел на зелёные линии схемы. Человек напротив меня даже не шевельнулся, только чуть прищурил свои выцветшие от подземного света глаза.

— Поскольку три дня назад проходческие бригады вскрыли барьерный пласт Сектора-9 и магнитный фон в предгорьях спал, вчера вечером по запросу трибунала на стройплощадку четвёртого перегона был направлен автономный буровой зонд, — продолжил Гласс. — Тридцать минут назад мы получили телеметрию. На глубине тридцати восьми метров под базальтовой плитой действительно залегает подвижный сероводородный карман, образовавшийся после сдвига семилетней давности. Строительство жёстких свай по проекту носителя «Слепок» привело бы к обрушению всей ветки через два года. Правка носителя «Шрам» с плавающими шарнирными кессонами признана комиссией единственно верной.

На голограмме в воздухе столбец КОНТУР: ШРАМ резко пополз вверх, почти сравниваясь с моей синей линией.

— На текущий момент разрыв между вами сокра-

тился до четырёх десятых балла, — ровно подытожил Гласс и перелистнул вкладку. — Теперь вопрос второй, требующий вашего совместного юридического решения. Медицинский статус вашего старшего ребёнка, двенадцатилетней Софии Линд.

Человек напротив меня мгновенно подался вперёд; стул под ним глухо скрипнул.

— Что с Софи? — жёстко спросил он. — Вчера вечером, когда я уходил, у неё не было спазмов.

— Вчера вечером семейный нейро-терапевт доктор Вернер внёс в базу результаты её планового осмотра перед возрастной калибровкой, назначенной на тридцать первое октября, — ответил Гласс, глядя на нас обоих поверх очков. — Экспертный алгоритм Комитета прогнал энцефалограмму девочки через закрытый прогностический фильтр. У вашей дочери врождённый Синдром десинхронизации третьей степени.

— Вернер говорил только про сосудистую дистонию роста, — быстро сказал я. — Он выписал мягкий адаптоген на десять дней, чтобы снять головные боли от домашних рамок...

— У районного врача нет допуска к моделям третьего уровня, — отрезал Гласс. — Нервная система девочки генетически отторгает опорную частоту городских Арок. Если тридцать первого октября вы посадите её в калибровочное кресло без предварительно-

го подавления лимбического отклика, индукционный импульс вызовет у неё обширный ишемический инсульт прямо в кабинете врача.

— Тогда отмените калибровку! — Мартин-Шрам ударил ладонью по каменному столу так, что стакан с водой тонко звякнул. Он повернул голову ко мне, и в его глазах полыхнуло бешенство: — Ты семь лет жил с ней под одной крышей! Ты каждый день видел, что твои собственные рамки жгут её сосуды до крови из носа, и собирался повести её под излучатель?!

— Я пытался защитить её! — не выдержав, повысил голос я, разворачиваясь к нему всем корпусом. — Ты думаешь, в столице можно просто не пойти на калибровку в двенадцать лет?! Без взрослого слепка её не пустят ни в одну школу, ни в один транспортный шлюз, а при любой уличной аварии врачи даже не смогут собрать её кору! Я вчера весь день искал способ перевести её на щадящую частоту!

— Достаточно, — Хенрик Гласс поднял ладонь в перчатке. — Закон о Гарантии Непрерывности действительно не предусматривает отсрочек или отказа от калибровки для жителей столицы. Это не обсуждается. В Северной буферной зоне, откуда вы прибыли, носитель «Шрам», магнитные породы глушат сеть, поэтому местное население живёт без имплантов на свой страх и риск. Но здесь — территория сплошно-

го Контура. Единственный способ провести вашу дочь через процедуру тридцать первого октября без риска инсульта — это перевод девочки на постоянный приём нейро-блокаторов группы «Дельта» за трое суток до сеанса.

В кабинете стало тихо. Даже Мартин-Шрам медленно откинулся на спинку стула: мы оба достаточно знали биохимию сети, чтобы понимать, что означает это название.

— Вы не посадите мою дочь на «Дельту», — тихо сказал я, глядя в очки арбитра. — Этот препарат гасит эмоциональный спектр у подростков на сорок процентов. У неё в классе девочка сидит на этих блокаторах — это медикаментозная лоботомия.

— Альтернатива — кровоизлияние в мозг на первой минуте синхронизации или лишение семьи родительских прав за саботаж медицинского регламента, — бесстрастно ответил Гласс. — Приказ о назначении «Дельты» сформирован. Поскольку в данный момент права индекса четыреста девять разделены пополам, до двадцать седьмого октября под документом должна появиться подпись хотя бы одного из вас. Добавлю, что в рамках Аудита готовность родителя обеспечить штатную медицинскую интеграцию ребёнка оценивается системой в двенадцать баллов Социального Веса.

Я посмотрел через стол на своего двойника.

Впервые с момента нашей встречи на крыльце мы смотрели друг на друга не как враги, делящие один дом, а как два человека, перед которыми на стол положили удавку для их собственного ребёнка. Гласс предлагал любому из нас купить себе победу в суде и право на жизнь за двенадцать баллов — ценой превращения Софи в бездушную куклу.

— Ни один из нас это не подпишет, Гласс, — глухо произнёс Мартин-Шрам, не отрывая от меня взгляда.

Арбитр аккуратно закрыл папку.

— У вас есть пять дней до двадцать седьмого октября, господа. Поверьте моему опыту: попытка родителей спрятать голову в песок перед медицинской статистикой всегда заканчивается одинаково — реанимацией ребёнка и принудительной опекой. Не доводите до этого. Напоминаю регламент на завтра: в воскресенье носитель «Шрам» имеет право на шестичасовой выезд со старшей дочерью в пределах пригородного радиуса под контролем гео-браслета. С десяти утра до четырёх дня. Носитель «Слепок» выйдет из кабинета первым; носитель «Шрам» — через десять минут.

В воскресенье утром шёл редкий, сухой снег пополам с дождём — первое дыхание приближающегося ноября.

Я стоял у окна кухни на втором этаже с чашкой давно остывшего кофе в руках и смотрел вниз, во двор.

Ровно в десять утра щёлкнул замок садовой калитки. Он вошёл во двор и остановился у нижних ступенек крыльца, не поднимаясь к двери, чтобы не нервировать маленькую Еву, которая сидела со мной на кухне и раскрашивала альбом.

Через минуту внизу хлопнула входная дверь.

На дорожку выбежала Софи — в тёплой куртке с капюшоном, с тем самым синим вязаным шарфом вокруг шеи, который мы с ней покупали в прошлом месяце. Она сделала три быстрых шага к нему, но вдруг резко остановилась посреди мокрой садовой дорожки.

Софи медленно обернулась и подняла голову к окну второго этажа, где за стеклом стоял я.

В её серых глазах не было вчерашней отчуждённости — только растерянная, взрослая боль двенадцатилетнего ребёнка, который вдруг понял, что, делая шаг к одному отцу, он делает больно другому, тому, который семь лет читал ей книжки при температуре и учил держаться на воде. Она стояла между крыльцом и калиткой, не решаясь идти дальше, и виновато, одними пальцами приподняла ладонь в варежке, глядя прямо на меня.

Я заставил себя мягко улыбнуться ей сверху, приложил ладонь к стеклу и ободряюще кивнул: *иди, всё хорошо, я не сержусь.*

Только тогда у неё отлегло от сердца. Она повернулась обратно к человеку в вощёной куртке, позволила ему поправить сбившийся шарф у её подбородка своими грубыми пальцами и пошла рядом с ним к калитке — в сторону пригородной автобусной станции, откуда шли маршруты к старой речной дамбе.

— Пап, — тихо позвала меня сзади пятилетняя Ева, отрываясь от своих карандашей и подходя к окну. — А почему Софи ушла гулять с тем другим папой? Он её не заберёт себе насовсем?

Я поставил чашку на подоконник, опустился на колени рядом с младшей дочерью и крепко прижал её тёплую макушку к своей груди, глядя, как две фигурки на улице растворяются в серой осенней мгле.

— Не заберёт, жук, — глухо сказал я, глядя на серый обод браслета на своём запястье. — Они просто поехали послушать тишину.

Глава 8. [КОНТУР: ШРАМ]

Рекомендация автора: перед чтением этой главы включите на повторе трек Daniel Gadd, Sally Stenning — Far From Home.

Пригородный электропоезд шёл почти пустым.

За мутным стеклом вагона медленно редели бетонные коробки окраин. Вместе с ними уходили назад и кольца уличных ретрансляторов — сначала они попадались через каждые сто метров, потом только на переездах, а за товарной станцией «Окружная» исчезли совсем, уступив место ржавым опорам старой линии электропередач и мокрому сосновому лесу вдоль насыпи.

Софи сидела напротив меня у окна, поджав ноги в ботинках под деревянную скамью.

Первые двадцать минут пути, пока мы пересекали городские узлы, она молчала и сидела в той же зажатой позе, какую я видел у неё дома: плечи приподняты, подбородок спрятан в синий шарф, глаза полуприкрыты от резкого света ламп. На каждом переезде, где над путями висели контрольные рамки учёта, она коротко морщилась, сжимая пальцами край скамьи.

Но когда состав миновал последнюю эстакаду кольцевой дороги и вырвался за городскую черту, к широ-

кому берегу водохранилища, воздух в вагоне изменился.

Даже я со своим мёртвым чипом почувствовал это кожей затылка: исчезло постоянное статическое давление сети, к которому горожане привыкают с рождения.

Софи медленно подняла голову.

Она убрала ладонь от правого виска, стянула варежки и осторожно, будто проверяя себя, прикоснулась пальцами к переносице. Потом сделала глубокий, свободный вдох.

— Пап... — тихо позвала она.

— Что, мелкая?

— Перестало, — она смотрела в окно на серую воду разлива. — Совсем не гудит. И в ушах больше не звенит.

— Здесь водоохранная зона, Соф, — сказал я, глядя, как разглаживается напряжённая складка между её бровями. — До ближайшей Арки восемь километров, а береговой гранит гасит наводки. Здесь чисто.

На конечной платформе у старой дамбы не было ни одного турникета — только продуваемый ветром деревянный настил, засыпанный мокрой хвоей и первой снежной крупкой.

Мы спустились с насыпи по тропинке к самой кромке воды, где вдоль берега среди кривых прибрежных

сосен тянулась полоса плоского серого сланца.

Семь с лишним лет назад мы приезжали сюда каждые тёплые выходные. Тогда пятилетняя Софи не доставала макушкой даже до нижнего поручня берегового ограждения, вечно набирала полные резиновые сапоги песка и требовала, чтобы я искал для неё самые плоские камни.

Софи остановилась у знакомого чугунного столбика с облупившейся зелёной краской, подошла к нему и приложила ладонь ребром к своей макушке, отмеряя уровень по металлу.

— Смотри, — в её голосе впервые за эти дни прорезалась живая, девчоночья интонация. — Тогда твоя засечка ключом была мне выше головы. А теперь по плечо.

Я подошёл к столбику и провёл большим пальцем по старой глубокой царапине на чугуне, которую сам же прочертил здесь весной перед отлётом на Север.

— Вымахала, — признал я, нагибаясь к мокрой гальке у воды и выбирая гладкий, отшлифованный волной кругляш сланца. — А рука удар не забыла? Ну-ка проверь.

Я вложил холодный камень в её узкую ладонь.

Софи прищурилась — совсем как Нора, когда прицеливалась кистью к витражу, — отвела руку назад и резким боковым движением пустила камень вдоль

самой поверхности свинцовой воды. Камень звонко чиркнул по гребню раз, другой, третий и ушёл на глубину.

— Три! — она обернулась ко мне, и на её бледных щеках от ветра и движения проступил первый румянец. — Раньше больше двух ни разу не получалось! А папа... ну, когда мы приезжали сюда два года назад, он кидал только один раз, а потом ему позвонили из министерства, и мы сразу уехали обратно.

Она осеклась, смутившись того, что сравнила нас вслух, и торопливо пошла вперёд по бетонному пандусу, ведущему на гребень старой дамбы.

Мы поднялись к массивной башне шлюзового затвора и спустились по железным ступенькам в крытую смотровую галерею на ярус ниже гребня — туда, где прятались от осеннего ветра в её детстве.

Внутри галереи было сухо и тихо. Двухметровые бетонные стены гасили порывы ветра, превращая гул сбрасываемой внизу воды в ровный, низкий шорох. Я снял вощёную куртку, сложил её вдвое на широком каменном выступе под смотровой бойницей и кивнул дочери:

— Садись, на холодном бетоне не стой.

Софи забралась с ногами на мою куртку, достала из кармана сложенный вчетверо листок в клеточку — вырванный из школьной тетради — и принялась

по старой памяти сворачивать из него остроносый бумажный кораблик. Здесь, без постоянного индукционного зуда в затылке, пальцы у неё двигались легко и точно.

— Расскажи мне про то место, пап, — попросила она, разглаживая бумажные бортики ногтем. — Мама сказала только, что там обвалился тоннель в горах. Почему вы так долго не могли просто перейти через горы пешком?

Я привалился плечом к стене рядом с ней, глядя в бойницу на летящие над водой редкие снежинки.

— Через южный хребет пешком не пройти, Соф, — спокойно ответил я. — Когда произошёл сдвиг и завалило пятикилометровый тоннель, вдоль всего склона раскрылась трещина — шестьдесят километров кипящих сероводородных ключей и ядовитого пара. Горняки прозвали её Мёртвым поясом. Без герметичных машин человек там не пройдёт и получаса, а сверху вертолёт не пускала магнитная буря над породой. Единственным выходом было бурить новый четырнадцатикилометровый штрек сквозь базальт в обход разлома. Старыми комбайнами, по пять-шесть метров в сутки.

— А как же вы там жили всё это время? — она подняла на меня глаза. — В темноте?

— Зачем в темноте? — я усмехнулся. — За хреб-

том широкая долина у моря, посёлок на триста дворов. Там люди жили задолго до моей командировки — бурильщики, геологи, семьи тех, кто ещё тридцать лет назад уехал из городов, чтобы не ставить себе импланты. Дома с печами, школа, большие теплицы на подземном тепле от скважин. Когда тоннель рухнул, никто не выл. Просто поделили смены на буровой и жили дальше.

Софи поставила готовый бумажный кораблик на каменный парапет бойницы.

— В школе нам говорили, что за периметром живут дикари, которые трясутся над каждой простудой, — задумчиво сказала она.

— Врут в твоей школе, — ответил я. — Когда у человека всего одна жизнь и нет резервной копии на сервере, он не трясётся — он просто не тратит время на пустое. Здесь люди могут неделями не замечать друг друга за одним столом, потому что думают, будто впереди бесконечность. А там, когда муж утром уходит к скальному стволу, жена провожает его до калитки и смотрит вслед до самого поворота. Потому что оба знают: дублей не будет. И если вечером все вернулись со смены живыми, сняли мокрые сапоги у печки и сели ужинать — это уже счастье.

Софи долго молчала, трогая пальцем острый бумажный нос кораблика.

Потом она повернула голову ко мне, и румянец с её лица медленно сошёл.

— Пап... а ведь у меня тоже не будет резервной копии, да?

Шум воды за бетонной стеной показался вдруг слишком громким.

— С чего ты это взяла, Соф?

— Я сегодня ночью проснулась и спускалась на кухню попить воды, — тихо сказала она. — Дверь в столовую была приоткрыта. Мама с папой разговаривали за столом после того, как он вчера вернулся из этого Комитета. Папа рассказывал маме, что вам обоим вчера заявил тот арбитр в очках. Про мою третью степень. И про то, что тридцать первого октября на калибровке у меня разорвёт сосуд в голове, если с пятницы мне не начнут давать «Дельту».

Я смотрел на её тонкие запястья на коленях. Выдумывать сказки про витамины было поздно — передо мной сидел человек, которому через девять дней система собиралась выжечь половину сознания.

— У нас в классе учится Клара, — глухо добавила Софи, опуская глаза к своим ладоням. — Ей сделали калибровку на этих блокаторах в сентябре. До этого мы с ней вместе рисовали комиксы на переменах, и она смеялась громче всех в коридоре. А теперь у неё пальцы дрожат, когда она держит ручку, и она всю

перемену просто сидит за партой и смотрит в пустую стену. Я позавчера положила перед ней новый рисунок, а она посмотрела на меня стеклянными глазами и спросила: «Зачем ты портишь бумагу, это нерационально». Пап... она ведь не живёт больше, правда? Вместо неё в школу ходит пустая кукла.

Софи вдруг подалась вперёд и обеими руками вцепилась в грубую шерсть моего свитера на груди.

— Я не хочу пить «Дельту», пап! — её голос зазвонел от сдерживаемых слёз. — Пусть меня отчислят из гимназии, пусть не пускают в метро, только не позволяйте им давать мне эти таблетки в пятницу! Домашний папа... я знаю, что он меня любит, он ночью на кухне держал маму за руки и говорил, что не подпишет бумагу, но он же всю жизнь строит эту сеть! Когда в пятницу к нам придут приставы с врачами, он испугается, что у меня случится инсульт, и сдастся, лишь бы я дышала хоть как-нибудь! А ты ведь не сдашься?

Я накрыл её холодные пальцы своей ладонью. На моём запястье, прямо у её рукава, тускло мигнула красная точка браслета Гласса.

— Я не дам посадить тебя на блокаторы, Соф, — твёрдо сказал я. — И в то калибровочное кресло тридцать первого числа ты не сядешь.

— Но как? — она смотрела на меня снизу вверх широко раскрытыми серыми глазами. — Если вы оба не

подпишете приказ до пятницы, этот Гласс заберёт вас на Слияние, а меня увезут в клинику силой! Пап... а давай просто уедем отсюда? Туда, к тебе за хребет, где нет Арок и где у меня совсем не болит голова!

Я прижал её вздрагивающие плечи к себе. Ребёнок буднично просил о том, за что в этом государстве стреляли на поражение на первом же периметре.

— Соф, на мне висит пеленгатор трибунала, а на всех вокзалах стоят шлюзы Комитета, — я легко постучал согнутым пальцем по бетонной стене за её спиной: два коротких, пауза, один длинный. — Просто сесть в поезд и сбежать сегодня мы не сможем — нас перехватят через двадцать минут. Но ты помнишь правило кессона? Пока папа держит контур, внешнее давление внутрь не пройдёт. У нас до пятницы есть пять полных дней. И мы с твоим вторым отцом и мамой вытащим тебя отсюда. Слышишь меня? Ни одной таблетки ты не выпьешь.

Она долго смотрела мне в глаза, проверяя, не вру ли я ей так, как взрослые обычно врут детям перед уколом. Потом медленно кивнула, взяла с парапета свой бумажный кораблик и осторожно пустила его вниз сквозь смотровую щель — туда, где ветер подхватил белый треугольник и понёс его по свинцовой воде прочь от бетонной стены.

Обратно к городу мы подъезжали в половине чет-

вёртого.

Чудес не случилось: ровно за два километра до станции «Окружная», едва поезд вошёл в зону покрытия первого кольца ретрансляторов, Софи снова замолчала, ссутулилась и привычным движением прижала большой палец к правому виску. Сеть снова сжала её виски.

У калитки на Линден-стрит мы были без десяти чetyре.

Я проводил дочь до крыльца, дождался, пока за ней закроется входная дверь, а сам свернул за угол изгороди к гаражному проезду, где у бордюра стоял серый электромобиль.

Стекло водительской двери опустилось.

Мартин-Слепок сидел за рулём с раскрытым инженерным планшетом на коленях. Под глазами у него залегли тёмные круги, воротник рубашки был расстёгнут.

Едва я подошёл к дверце на расстояние полутора метров, браслеты на наших левых запястьях синхронно замигали тревожным жёлтым светом — сработал датчик опасного сближения носителей.

— У нас сорок секунд, пока пульт дежурного считает это расхождением у входа, — сухо сказал я, останавливаясь у зеркала заднего вида. — За старой дамбой вне поля сети у неё за десять минут прошли все

спазмы и шум в ушах. Она абсолютно здорова, пока вокруг нет твоих рамок.

Его пальцы на руле напряглись; он резко поднял на меня тяжёлый, воспалённый взгляд.

— Не смей разговаривать со мной так, будто это я один засунул ей этот чип в череп, — тихо и зло процедил он сквозь зубы. — Ты строил эту систему вместе со мной до самого вылета. Я с пяти утра сижу над закрытыми схемами калибраторов четвёртого поколения. Там физическая блокировка катушки: если тридцать первого числа её посадят в кресло без «Дельты», импульс сожжёт ей сосуды за десять секунд.

— Она никуда не сядет тридцать первого числа, — отрезал я. — И «Дельту» в пятницу ты не подпишешь. Софи ночью слышала ваш разговор с Норой в столовой. Она видела, во что твоя «Дельта» превратила её одноклассницу, и просит только об одном — не гасить ей мозг таблетками.

Он криво усмехнулся, глядя на мигающий жёлтым браслет на своей руке:

— И как ты собираешься это остановить из своего пансионата, герой? Выбить дверь в клинике плечом, как у себя в забое? Если до пятницы ни один из нас не подпишет согласие, Гласс в ту же минуту аннулирует наш родительский статус за саботаж, отправит нас обоих в камеру ожидания на принудительное Сли-

ание, а Софи проведёт через «Дельту» по линии государственной опеки. Пока мы с тобой грызёмся за баллы и делим Нору, он просто ждёт двадцать седьмого числа!

Индикаторы на наших запястьях переключились с мигающего жёлтого на непрерывный оранжевый — до прямой передачи сигнала тревоги в группу перехвата оставалось пятнадцать секунд.

Я смотрел в его ненавистное, до каждой морщинки своё лицо и понимал, что в одиночку мне эту стену не пробить: у меня был опыт выживания вне сети, но все ключи доступа к городским узлам и спецификациям лежали в его голове.

— Нам нужно место без пеленгации, — быстро и жёстко сказал я, отступая на полшага от крыла машины. — Завтра в двенадцать тридцать наши смены в управлении меняются. На седьмом техническом этаже за шахтой главного вентилятора остался старый свинцовый коллектор кабельной разводки. Внутри кожуха гео-датчики браслетов слепнут на пятнадцать минут — система спишет потерю сигнала на экран перекрытий.

Он прищурился, мгновенно просчитывая маршруты камер в коридорах седьмого этажа.

— Техническая дверь со стороны грузового лифта, — холодно произнёс он. — Код двенадцать — ноль че-

тыре — восемьдесят семь?

— Не меняли с тридцати лет, — бросил я, уже разворачиваясь к набережной, чтобы погасить оранжевый сигнал на браслете. — Завтра в двенадцать тридцать пять внутри коллектора. И захвати закрытые схемы Центра Реинтеграции, архитектор. Посмотрим, насколько хорошо ты знаешь нашу систему.

Глава 9. [КОНТУР: СЛЕПОК]

В понедельник утром за завтраком Ева отказалась есть овсянку, пока я не сяду рядом с ней на высокий табурет и не закатаю левый рукав рубашки до локтя.

Я поставил чашку с кофе и послушно расстегнул манжету.

Пятилетняя дочь отложила ложку, перегнулась через край тарелки и обеими ладошками повернула моё предплечье внутренней стороной вверх. Чуть ниже сгиба локтя, у самой вены, белела маленькая круглая отметина — этим летом, когда мы зажигали фейерверки на её пятый день рождения, мне на кожу упала капля горячего магния.

Ева потрогала белую точку указательным пальчиком и шумно, с облегчением выдохнула.

— Твоя, — серьёзно сказала она и снова взялась за ложку.

За моей спиной у окна замерла со стаканом воды Софи.

— А чья же ещё она должна быть, жук? — я улыбнулся и погладил младшую по каштановым кудряшкам.

— Я проверяла, — не поднимая глаз от тарелки, пояснила Ева. — Вчера вечером, когда тот другой папа

уходил, я уронила карандаш с лестницы, а он поднял и положил мне на ступеньку. Я ночью думала: вдруг ты уснёшь, а утром вместо тебя на кухню придёт он? У него ведь лицо совсем такое же.

— Я никуда не денусь, Ева, — я поцеловал её в макушку и поднялся. — Доедай кашу, сейчас пойдём с тобой собирать конструктор до обеда. Поскольку моя смена в министерстве начиналась только в половине первого, а обеих девочек Хенрик Гласс на время Аудита официально перевёл на домашний карантин, чтобы пятилетний ребёнок случайно не проболтался в детском саду про «двух пап», все утренние часы в доме были моими.

В прихожей перед зеркалом стояла Нора.

Обычно по понедельникам она спускалась к завтраку в рабочем фланелевом халате, но сегодня на ней был строгий тёмно-синий костюм и плотное осеннее пальто, которое она надевала только на комиссии в муниципалитет. Волосы были гладко собраны на затылке, а на лацкане висел пластиковый бейдж эксперта по историческому фонду первого допуска.

— Уже уходишь в ратушу? — спросил я, подавая ей кожаную папку для бумаг с тумбочки.

— Да, архив открывается в восемь тридцать, — негромко ответила Нора, проверяя в сумке связку старых латунных ключей. — Вчера вечером я созвони-

лась со зрителем подземного хранилища — оформила запрос на выемку старых строительных калек первой волны реконструкции. В том же цокольном ярусе лежат списанные бумажные дела муниципального суда и медфонда двадцатипятилетней давности. Считывателей и рамок внизу нет — весь подвал экранировали ещё при постройке, чтобы статика не портила микрофильмы.

Она посмотрела на серый обод браслета на моём запястье, потом перевела взгляд в сторону кухни и понизила голос:

— Он сказал мне вчера перед уходом, что вы договорились встретиться сегодня днём в техническом коллекторе управления.

У меня неприятно заныло под ложечкой.

— Он не должен был втягивать тебя в это, Нора.

— Перестань беречь меня как фарфоровую куклу, Мартин, — твёрдо оборвала она, застёгивая пальто. — До пятницы и принудительного назначения «Дельты» осталось четыре дня. У вас на седьмом этаже будет меньше пятнадцати минут до того, как система заметит потерю гео-сигнала. Потратьте их на то, чтобы найти способ защитить Софи, а не на выяснение отношений. Вечером я буду ждать тебя в мастерской.

В двенадцать тридцать две я вышел из расчётного зала на четырнадцатом этаже управления, спустился

по лестнице до седьмого технического яруса и свернул в боковой переход для инженерного состава.

За поворотом у шахты главного вентилятора бетонный пол ощутимо гудел от работы четырёхметровых лопастей турбины.

Я оглядел пустой коридор, подошёл к низкой стальной двери с табличкой КАБЕЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТОР С-7 // ДОПУСК I КАТ., быстро набрал на механическом замке код 12-04-87 и шагнул внутрь, задвинув за собой тяжёлый внутренний засов.

Трёхслойный свинцовый кожух коллектора и мощная магнитная наводка вращающейся за стеной турбины отсекали внешний эфир мгновенно.

Обод арбитражного браслета на моём левом запястье дважды мигнул тусклым белым светом — индикатор полной потери связи со спутником и локальной сетью — и перешёл в спящий режим ожидания. Оранжевый датчик сближения молчал: электромагнитный шум главного нагнетателя намертво глушил коротковолновый радиоканал между нашими браслетами, не давая им увидеть друг друга и записать ошибку в память. У нас было ровно четырнадцать минут до того, как внешний сервер перестанет списывать слепоту датчиков на толщину перекрытий.

В узком проходе между двумя стеллажами силовых кабелей было душно и полутемно — под низким сво-

дом тускло горел один дежурный плафон в ржавой железной сетке.

Мой двойник уже стоял у дальней стойки в казённом тёмном свитере пансионата, сложив руки на груди.

— Двенадцать минут чистыми, — без приветствия сказал я, подходя к нему на расстояние вытянутой руки и включая экран автономного инженерного планшета. — Выйти мы должны с разницей минимум в две минуты через разные лестницы, чтобы система не сопоставила время восстановления сигнала.

— Я умею считать, — сухо ответил он, поворачиваясь к светящемуся в полумраке экрану. — Показывай, что нашёл по калибраторам.

Я развернул закрытую аппаратную схему медицинского блока второй клинической больницы — того самого зала, где во вторник, тридцать первого октября, Софи должны были посадить в кресло взрослой синхронизации.

— Сразу отсекаем любые мысли про побег из города или затягивание сроков после тридцать первого октября, — жёстко произнёс я, касаясь стилусом схемы. — Ты помнишь заводской регламент детских Маяков серии «Юниор»? Сертификат детского чипа жёстко защит на возраст двенадцать лет и шесть месяцев. У Софи этот таймер истекает тридцать первого

го октября в полночь. Первого ноября любой некалиброванный детский чип автоматически переводится сетью в аварийный стоп-лист, и при попытке пройти через любой школьный или вокзальный шлюз рамка заблокирует двери и вызовет вооружённый наряд перехвата Комитета.

— А если вырезать ей чип здесь, до пятницы? — он подался вперёд, и его палец со сплюсненным ногтем указал на основание черепа на чертеже. — В посёлке Ковальски доставал раздробленную керамику под местным новокаином за двадцать минут.

Я поднял на него взгляд:

— Ты семь лет не видел новых спецификаций, Мартин. В детских Маяках последнего поколения стоит пьезо-контур целостности капсулы. Как только скальпель коснётся оболочки вне больничного подавителя, чип расценит это как смертельную травму черепа. Он тут же выстрелит на спутник аварийный пакет «Смерть носителя», а через три минуты в мой дом ворвётся спецгруппа трибунала!

— В наш дом, — холодно поправил он, глядя мне прямо в переносицу.

Я сжал зубы, подавляя вспышку злости, и вернулся к схеме.

— Хорошо. Вырезать нельзя, — глухо продолжил он. — Тогда почему не пойти другим путём: посадить

её тридцать первого числа в кресло без всякой «Дельты», но перед этим программно скрутить мощность катушки калибратора до десяти процентов? Пусть сервер запишет пустой пакет, зато сосуды у Софи останутся целы.

— Потому что четыре года назад я сам закрыл эту лазейку при модернизации сети, — ответил я. — Катушка больше не управляется из кабинета врача — она замкнута напрямую на центральное ядро через обратную нейро-петлю. Аппарат подаёт импульс и ждёт резонанса от коры мозга. Если отклика нет, автоматика сама задирает напряжение ступенями до ста двадцати процентов, пока не пробьёт барьер. Без «Дельты» катушка просто сожжёт Софи мозг на третьей секунде теста.

В тесном проходе было слышно только монотонное гудение вентиляционной турбины за свинцовой стеной.

Он помолчал несколько секунд, глядя на зелёные линии чертежа в свете планшета.

— Значит, катушка ждёт отклика от чипа и задирает мощность, пока чип не ответит или не выгорит, — медленно произнёс он.

— Да.

— А ты не задумывался, архитектор, почему семь лет назад в ледяной воде Сектора-9 эта же самая си-

стема экстренной стимуляции не сожгла кору *мне*?

Я нахмурился:

— В протоколе Гласса сказано, что твой имплант замкнуло от геомагнитного выброса в разломе.

— Гласс читает то, что ему написал сервер, — он повернулся ко мне левым боком и оттянул вниз ворот свитера, подставляя шею под голубоватый свет экрана моего планшета. — Посмотри сюда. Глазами инженера посмотри.

Я поднёс светящийся экран ближе к его затылку.

Под нижним краем старого звездчатого ожога, на два пальца левее позвоночника, в кожу были впаяны две крошечные, величиной со спичечную головку, синеватые точки от электрической дуги.

След от двухштырькового сервисного щупа.

— Это не геомагнитный навод, — тихо сказал я. — Ты закоротил контур снаружи.

— Когда коллектор затопило под крышку и я понял, что люк не выбить, у меня оставалось секунд десять до потери сознания, — ровно ответил он, отпуская воротник. — Я знал: как только остановится сердце, Маяк врубит форсированный разряд поддержания коры и выжжет мне нейроны раньше, чем горняки спустят трос. Я сорвал с пояса тестовый щуп ретранслятора и воткнул оба штыря себе в шею, прямо в точку развязки антенного кольца. Внешнее короткое замыка-

ние спалило активный приёмопередатчик за долю секунды. Аварийный конденсатор успел выплюнуть на спутник пакет смерти, но сам нейро-интерфейс внутри черепа ослеп и не пустил ток в мозг.

Я смотрел на чертёж детского импланта Софи на экране, и в голове мгновенно выстроилась электрическая цепь.

— Встречный пробой по внешнему кольцу, — быстро проговорил я. — Если тридцать первого октября во время калибровки Софи, в первую же миллисекунду накачки, подать с подголовника кресла встречный точечный импульс в противофазе...

— Активный передатчик в её чипе выгорит до того, как основной разряд катушки дойдёт до коры мозга, — кивнул он. — Для медицинской телеметрии Комитета это будет выглядеть как заводской пробой диэлектрика при переходе на взрослую частоту. Сосуды Софи не получат ни одного лишнего вольта. При этом пьезо-контур останется цел, а спутниковый пеленгатор в её голове погаснет навсегда.

— Спутниковый погаснет, — я поднял палец, останавливая его. — Но пассивный металл и серийная метка внутри капсулы останутся! В четверг утром твой выгоревший чип дал такой отклик на Южном вокзале, что ошибка прилетела мне на планшет в метро, а вечером на крыльце домашняя Арка засекала нас обо-

их по Коду Ноль! Даже с сожжённым передатчиком Софи не сможет пройти ни через один вокзальный шлюз! Более того: после пробоя на кресле врачи оставят её в стационаре второй клинической и через двое суток назначат операцию по замене Маяка!

— Через двое суток её в этой клинике уже не будет, — жёстко ответил он. — Я прекрасно знаю, как фонит мёртвая керамика: на вокзале подо мной четвёртый шлюз вообще вырубился от индукции. Главное — погасить активный спутниковый пеленгатор и спасти ей мозг на кресле. А как вывести человека с глухим чипом в обход вокзальных рамок — это моя забота. Я в четверг добрался сюда от самой Полярной и прошёл мимо вокзальных постов с мёртвым железом в затылке.

Мы стояли друг напротив друга в полуметре, разделённые только светом планшета.

Я отчётливо понимал, к чему ведёт этот расчёт. Если Софи выйдет из клиники с выжженным чипом, в столице она жить не сможет — первая же дверная рамка в школе или в магазине выдаст аварию некалиброванного носителя. Единственное место, где она сможет жить свободно, без «Дельты» и без боли в висках, — это Северная буферная зона за хребтом, где нет Арок. И поведёт её туда он.

А я должен буду остаться здесь и каким-то образом

закрыть для Хенрика Гласса «Код Ноль».

— До вторника тридцать первого октября ещё нужно дожить, — сухо сказал я, глядя на таймер планшета: двенадцать минут истекли. — Гласс ждёт нашу подпись под приказом о «Дельте» до утра пятницы, двадцать седьмого числа. Если в пятницу подписи не будет, никакого кресла во вторник нам не видать — нас обоих в тот же день закроют в боксе принудительного Слияния, а Софи прокачают препаратом по линии госопеки. Нам нужно законно заблокировать пятничный приказ.

— Вечером спрошу у Норы, что она нарыла в бумагах ратуши, — сказал он, поворачиваясь к засову двери. — А ты думай, как протащить фазовый разрядник внутрь калибровочного зала. Сегодня я уйду из дома на полчаса раньше, в восемь пятнадцать. Уложишь младшую сам.

Он отодвинул засов и вышел в гудящий коридор южной лестницы, не дожидаясь моего ответа.

В восемь двадцать вечера, когда я открыл дверь дома на Линден-стрит, в прихожей было тихо, но на втором этаже ещё горел свет.

Я поднялся по лестнице и заглянул в приоткрытую дверь детской.

Ева уже лежала под одеялом в обнимку со своим плюшевым медведем, а Софи сидела за письменным

столом у окна под тёплым светом настольной лампы и быстрыми штрихами карандаша дорисовывала в толстом альбоме какую-то страницу, расчерченную на квадратики комикса.

— Пап! — сонно обрадовалась Ева, протягивая ко мне руки. — А мама сказала, что ты сегодня успеешь почитать про лисёнка!

Я провёл в детской полчаса: прочитал младшей главу до конца, подоткнул одеяло, дождался, пока её дыхание станет ровным и глубоким, а потом подошёл к столу старшей дочери.

На листе альбома простым карандашом были нарисованы две фигурки в огромных водолазных шлемах, сидящие внутри круглого железного шара на дне океана, пока снаружи в иллюминаторы заглядывают зубастые глубоководные рыбы.

Я молча положил ладонь на макушку Софи. Она не отстранилась — наоборот, прижалась щекой к моей руке на секунду и тихо спросила:

— Вы ведь виделись с ним сегодня, да?

— Виделись, Соф, — так же тихо ответил я. — Ложись спать. Всё будет хорошо, мы работаем.

Спустившись на первый этаж, я прошёл в конец коридора к витражной веранде.

Нора сидела за длинным деревянным верстаком. Световая панель для стёкол была выключена; на сто-

ле под обычной лампой лежали три пухлых картонных скоросшивателя с пожелтевшими листами гербовой бумаги, пахнущими подвальной сыростью ратуши.

Я плотно прикрыл за собой дверь мастерской, проверил, задёрнуты ли садовые шторы, и сел на табурет рядом с женой.

— Он рассказал тебе про наш разговор в коллекторе? — спросил я.

— В общих чертах, пока Софи была наверху, — Нора устало сняла очки и потёрла переносицу. — Сказал, что вы нашли технический способ спасти ей мозг на калибровке во вторник — сжечь внутренний передатчик чипа встречным импульсом, как он сделал у себя в шахте семь лет назад. Но сказал, что у вас нет доступа к самому креслу в клинике и вы не знаете, как пережить эту пятницу без подписи под «Дельтой».

— Именно так, — кивнул я. — Если до пятницы двадцать седьмого числа мы не подпишем согласие на таблетки, Гласс лишит нас родительского допуска и запустит процедуру Принудительного Слияния досрочно.

Нора положила ладонь на верхнюю картонную папку со штампом закрытого судебно-медицинского архива первой волны.

— До Слияния вы доводить не имеете права ни при каких обстоятельствах, Мартин, — тихо, но жёстко

сказала она и раскрыла папку передо мной. — Я сегодня четыре часа искала в подвале ратуши прецеденты, похожие на наш. Случаев семилетнего разрыва в истории сети действительно не было ни одного — вы первые. Но двадцать два года назад, когда системе только запускали на дальних транспортных узлах, произошло три случая ошибочной активации дубликатов из-за сбоя карантинной связи. Разрыв памяти между носителями там составлял всего от трёх до пяти суток.

Я наклонился над пожелтевшими машинописными таблицами и фотографиями гистологических срезов.

— По закону все три случая закрыли через Принудительное Слияние, — Нора провела пальцем по итоговой графе патологоанатомического отчёта. — Вспомни, что нам в четверг говорил Гласс: будто бы после Слияния человек просто теряет эмоции, но продолжает нормально жить и работать. А теперь прочитай заключение судебного морга, которое засекретили перед реформой.

Я пробежал глазами строчки, подчёркнутые красным карандашом четверть века назад:

Объект синтеза №1 (расхождение матриц 74 часа) — острый иммунно-синаптический конфликт, тотальный некроз коры головного мозга на 28-е сутки.

Объект синтеза №2 (расхождение матриц 96 часов) —

отказ вегетативных центров дыхания на 19-е сутки.

*Объект синтеза №3 (расхождение матриц 120 часов)
— отёк и смерть мозга на 11-е сутки после процедуры.*

В мастерской было тихо.

Даже пятидневное расхождение двух линий памяти вызывало в живой коре необратимое электрическое отторжение, которое меньше чем за месяц сжигало мозг изнутри. При разрыве в семь лет у нас не будет даже месяца — наложение двух противоположных семилетних жизней убьёт новое тело прямо на операционном столе в первые часы после запуска. Принудительное Слияние в кодексе Комитета было просто юридически чистой формой смертной казни.

— А вот почему сам Гласс никогда не отступит от протокола, — Нора открыла вторую, совсем тонкую папку из архива кадров муниципального следствия.

На бланке двадцатипятилетней давности стояла фамилия: *Гласс Хенрик, 27 лет, младший следователь комиссии по верификации*. К делу был подшит рапорт о гибели его жены в разгар Кризиса Отторжения — через две недели после того, как сам Гласс погиб при беспорядках у Южного депо и вернулся домой после своей первой Реинтеграции.

Но страшнее всего была техническая сводка под рапортом: чтобы система не смогла напечатать её заново с утреннего слепка и вернуть обратно в этот

дом, женщина ночью взяла служебный ключ спящего мужа, вошла через его следственный терминал в базу Комитета и вручную стёрла собственную резервную матрицу перед тем, как принять смертельную дозу кардиолитика. На столе осталась только короткая строчка: *«Хенрик умер девятнадцатого марта на ступенях депо. Я не могу жить с человеком, которого напечатали вместо него, и не позволю напечатать себя»*.

Через два месяца после похорон жены молодой следователь Гласс стал одним из авторов закона о Слепом протоколе и тотальном запрете на разглашение факта перепечатки. А внизу учётной карточки темнели три поздние штампованные отметки: за следующие двадцать лет службы сам Хенрик Гласс трижды погибал при исполнении и трижды проходил Реинтеграцию — и напротив каждой даты его собственной рукой было вписано: *«От курса нейро-психологической адаптации отказался»*.

Я откинулся на спинку табурета.

Теперь его слова за нашим столом в четверг и его дрожащий палец под перчаткой сложились в пугающе ясную картину. Хенрик Гласс не был равнодушным чиновником. Он искренне верил, что тайна Слепого протокола — единственное, что удерживает миллионы семей от той петли, в которую двадцать пять лет назад шагнула его собственная жена. Если история о

двух живых Мартинах Линдах выйдет за стены нашего дома, рухнет дело всей его жизни.

— Давить на жалость с ним бесполезно, — сказал я, поднимая взгляд на Нору. — Но как мы остановим пятничный приказ по Софи?

Вместо ответа Нора открыла третью папку — старый, прошитый суровыми нитками свод технических регламентов Министерства здравоохранения и Контура, принятый ещё при строительстве второй клинической больницы.

— Когда они переписывали законы под Слепой протокол, они засекретили уголовные статьи, но оставили в силе старые метрологические приложения, — в глазах Норы появился холодный, сосредоточенный блеск. — Смотри сюда. Параграф сорок два, пункт «В»: если несовершеннолетнему пациенту с третьей степенью десинхронизации назначается препарат группы «Дельта», родитель, имеющий квалификацию инженера Контура первого класса, имеет право не позднее чем за двенадцать часов до планового приёма таблеток потребовать принудительной установки в калибровочный стенд защитного демпферного блока из спецрезерва Министерства и его семидесятидвухчасового тестового прогона в присутствии родителя-наблюдателя.

Я быстро перечитал абзац дважды. В голове мгно-

венно сошлась вся схема.

— Семьдесят два часа обязательного тестового прогона кассеты перед калибровкой, — медленно произнёс я. — Если я подам это требование в четверг вечером, двадцать шестого октября, закон автоматически замораживает приём «Дельты» на трое суток — пятницу, субботу и воскресенье, до утра понедельника!

— Да, — кивнула Нора. — Конечно, Гласс не подпустит тебя к самому креслу с отвёрткой — по инструкции ты имеешь право только стоять за барьером как наблюдатель, а монтировать блок будет штатный метролог больницы.

— Мне и не нужно подходить к креслу в больнице, Нора, — я сжал её ладонь с пятнышком синей грунтовки. — Опечатанный спецрезерв демпферных блоков четвёртой серии хранится у нас, в центральном депозитарии Министерства на третьем этаже! И ключ ревизора этого склада висит у меня на поясе. Если мы со Шрамом до четверга перепаяем начинку резервного блока прямо на складе и снова опечатаем его заводским клеймом, то после нашей жалобы конвой Гласса сам заберёт эту кассету из Министерства, сам привезёт её во вторую клиническую, и их собственный метролог своими руками вставит наш разрядник в кресло Софи!

Нора смотрела на меня, не мигая, и на её бледном лице впервые за вечер проступило подобие жёсткой улыбки. Она положила ладонь на нижнюю картонную папку, которую я ещё не открывал, — там из-под обложки выступал синий край старой градостроительной кальки.

— А пока вы будете готовить блок для кресла, я подниму наши позапрошлогодние обмеры подвалов под второй клинической больницей, — тихо сказала она. — Это здание стоит на фундаменте старой муниципальной электростанции девятнадцатого века. Если во вторник нам придётся уводить Софи из стационара в обход конвоя на дверях, мы пойдём не через парадный вход, а через старые подземные своды, которых нет в цифровых базах Гласса.

Глава 10. [КОНТУР: ШРАМ]

Медная жила легла вокруг клеммы плотной двойной восьмёркой. Я коснулся скрутки жалом паяльника; капля припоя коротко зашипела в канифоли, намертво схватывая контакт, и сизый дымок потянулся к стеклянному потолку веранды.

Была среда, двадцать пятое октября. Без двадцати семь вечера.

Я сидел за верстаком Норы, подставив под локти деревянный ящик из-под витражной плитки, чтобы не задевать неровным ребром край столешницы. Передо мной на матовом стекле лежал вскрытый демпферный блок четвёртой серии из спецрезерва Министерства — вчера днём в свинцовом коллекторе мой двойник передал мне его вместе с заводской пломбой и парой высоковольтных конденсаторов.

Снаружи блок выглядел как массивная серая касета с асимметричным направляющим пазом — перепутать полярность при установке невозможно, любой техник вставит её в подголовник кресла только в одном положении. Внутри корпуса, последовательно со штатным фильтром (чтобы кассета честно прошла предварительный холостой прогон в субботу), я монтировал короткоимпульсный инвертор с поро-

вым реле. Он сработает только во вторник утром, когда мощность главной катушки превысит восемьдесят процентов при реальной калибровке Софи, и за две микросекунды выжжет антенное кольцо её чипа встречной волной.

Керамика сгорит. Мозг останется чистым.

В приоткрытую дверь веранды со стороны коридора потянуло сквозняком. Половица тихо скрипнула.

Я не стал резко оборачиваться — только опустил паяльник на керамическую подставку и скосил взгляд вбок, на отражение в тёмном садовом стекле.

У порога мастерской стояла пятилетняя Ева.

Софи наверху делала уроки с Норой, а младшая спустилась по лестнице одна. На ней были синие домашние колготки и жёлтый вязаный свитер — старый свитер Софи, который Нора сохранила в комодё ещё с тех времён, когда я жил здесь. На левом рукаве до сих пор виднелась маленькая зелёная заплатка в виде листика, которую жена пришила после того, как четырёхлетняя Софи зацепилась за куст крыжовника.

Ева не переступала порог. В обеих руках она прижимала к животу маленький ночник, спаянный из цветных стеклышек в форме домика, — у основания игрушки болтался оторванный чёрный провод со штекером.

Она смотрела на мои руки, лежащие на верстаке.

Впервые за шесть дней она не пряталась и не звала мать.

— Ты не спишь в нашей комнате, — негромко и очень серьёзно сказала она с порога. — Ты уходишь, когда включают фонари на улице.

— У меня сейчас другое дежурство, Ева, — спокойно ответил я, не двигаясь с места, чтобы не спугнуть её своим низким, хриплым голосом. — А твой папа возвращается к девяти.

Она сделала один маленький шаг внутрь мастерской, глядя на синюю струйку дыма над паяльником.

— А Софи сказала, что ты умеешь чинить железки лучше, чем папа, потому что у тебя пальцы твёрдые, — Ева протянула вперёд стеклянный домик с оторванным шнуром. — Я нечаянно уронила с тумбочки, когда доставала мишку. Мама ругаться будет. Приклей, пожалуйста, пока она наверх ушла.

Я посмотрел на её кудрявую макушку и крошечную родинку над верхней губой.

Шесть дней назад, когда она выбежала ко мне в прихожую и закричала от испуга, она была для меня только живым напоминанием о том, что мою жизнь украли и прожили без меня. А сейчас передо мной стоял маленький ребёнок в старом жёлтом свитере моей старшей дочери и доверчиво протягивал сломанный фонарик.

Я протянул ладонь и осторожно, стараясь не задеть её пальчики своими грубыми костяшками, забрал стеклянный домик.

— Давай посмотрим, что там у тебя отвалилось.

Ева подошла ближе к верстаку, встала на цыпочки, уцепившись подбородком за край столешницы, и неотрывно следила, как я пинцетом зачищаю оборванную медную жилу, вставляю её обратно в гнездо цоколя и кладу крошечную точку олова.

Когда я воткнул вилку ночника в боковую розетку верстака, внутри стеклянного домика загорелась тёплая жёлтая лампочка, отбрасывая цветные зайчики на её лицо и на мой серый арбитражный браслет.

— Ух ты, — шёпотом выдохнула Ева.

Она вдруг протянула маленькую тёплую ладошку и, прежде чем я успел убрать руку, быстро, одним пальчиком дотронулась до сгиба моего левого локтя — там, где рукав казённого свитера был закатан до середины предплечья.

Кожа у меня на сгибе была чистой — только старые белые царапины от сланца.

— У тебя правда нет точки от салюта, — задумчиво констатировала она, убирая палец. — Значит, ты взаправду другой папа.

— Другой, Ева, — тихо сказал я, выключая ночник из розетки и возвращая его ей в руки. — Иди наверх

к маме и Софи. Провод ещё тёплый, за донышко не хватать.

Она кивнула, прижала починенный домик к груди и, уже в дверях обернувшись, сказала:

— Спасибо. Я завтра нарисую тебе большую картинку красками, чтобы у тебя в той комнате на Речной тоже висела.

Когда её быстрые шаги затихли на лестнице, я долго сидел неподвижно перед разобраным картриджом разрядника, глядя на остывающее жало паяльника. Рука, которой я только что держал её игрушку, казалась чужой.

В четверг в десять утра меня привели на четвёртый этаж комплекса Комитета Непрерывности — в сектор нейро-психологической верификации.

Это был второй критерий Индекса Социального Веса: проверка того, насколько моя нынешняя личность соответствует эталонной матрице тридцатидвухлетнего Мартина Линда, записанной в день вылета на Север семь лет назад.

Поскольку мой затылочный Маяк был мёртв и прямое подключение к коре было невозможно, на меня надели внешний контур съёма — плотный обруч с двенадцатью контактными датчиками на висках и манжету артериального давления на правом плече.

Я сидел в кожаном кресле посреди полутёмного за-

ла, а передо мной на круговом экране запускали сенсорные реконструкции: визг срывающегося стального троса, запах гари, фотографию Норы в день нашей свадьбы. Но стоило в наушниках ударить низкому гулу буровой коронки, как экран перед моими глазами провалился в живую память: узкий, залитый по щиколотку ржавой рапой забой четырнадцатого штрека, удушливый запах тухлой серы, пробивающий сквозь мокрую тряпку на лице, и залитое потом и угольной крошкой лицо хирурга Ковальски, который под мигающим фонарём каски держит зажим у моей груди и орёт сквозь грохот породы: *«Дыши, инженер, не смей у меня спать!»*.

За прозрачной перегородкой операторского пульта сидели двое экспертов в белых халатах, а позади них стоял Хенрик Гласс в своём графитовом пальто, не снимая тонких серых перчаток.

Через сорок минут обруч с моей головы сняли.

Эксперты вышли через боковую дверь, а Гласс прошёл в зал, держа в руках бумажную распечатку с двумя кривыми графиками — красным и синим. Он положил лист на столик передо мной.

— Можете ознакомиться, носитель «Шрам», — сухо сказал арбитр. — Синяя линия — ваш эталонный психопрофиль семилетней давности. Красная — ваш сегодняшний отклик.

Я даже не стал наклоняться к бумаге — я видел расхождение с метра: красная кривая шла резкими, ломаными зубьями, почти нигде не совпадая с плавной синей волной.

— У вас сорок два процента отклонения от базовой матрицы гражданина Линда, — произнёс Гласс, глядя на меня сверху вниз сквозь очки. — Гипертрофированная реакция торможения, полное отсутствие доверия к автоматическим системам безопасности, подавленный болевой порог и критический уровень латентной агрессии. Носитель «Слепок» проходил этот же тест вчера утром — его отклонение от эталона за семь лет составило всего шесть процентов. По второму критерию Аудита вы проиграли вчистую.

— Ещё бы у него было отклонение, — спокойно ответил я, застёгивая манжету казённого свитера. — Он семь лет ходил по вашим коврам и пил кофе у Томаса. Если бы его подержали шесть минут в ледяной воде без кислорода, а потом дали семь зим помахать кувалдой в базальтовом штреке рядом с Мёртвым поясом, я бы посмотрел на его синюю линию. Ваша система считает нормальным только того, кто не жил.

— Моя система оценивает пригодность человека к жизни в обществе, а не в первобытной пещере, — холодно отрезал Гласс. — И по сумме двух этапов вы снова отстаёте от своего оппонента на восемь баллов.

Напоминаю вам: завтра, в пятницу двадцать седьмого октября, в девять утра истекает срок подписания медицинского регламента по переводу вашей старшей дочери на препарат «Дельта».

Он сделал паузу и положил на край столика рядом с графиком бланк согласия и металлическую ручку.

— Носитель «Слепок» вчера после теста отказался визировать этот документ. Если вы подпишете его сейчас, вы получите двенадцать баллов родительской ответственности и выйдете вперёд на четыре пункта. Это гарантирует вам сохранение жизни девятнадцатого ноября, гражданин Линд. Ребёнок в любом случае получит препарат завтра утром — с вашей подписью или через принудительную опеку Комитета. Разница лишь в том, останетесь ли вы живы, чтобы заботиться о ней после процедуры.

Я посмотрел на металлическую ручку, потом поднял взгляд на его левую руку в серой перчатке — туда, где безымянный палец был плотно прижат к ладони, чтобы скрыть мелкую дрожь после третьей Реинтеграции.

В памяти всплыла пожелтевшая папка из подвала ратуши, которую Нора показывала мне в понедельник вечером: *«Я не могу жить с человеком, которого напечатали вместо него, и не позволю напечатать себя».*

— Скажите мне одну вещь, Гласс, — негромко

произнёс я, откидываясь на спинку кресла. — Когда человеку выжигают сорок процентов эмоций вашей «Дельтой» или когда ему сшивают две памяти в вашем Слиянии до некроза коры... домашние ведь всё равно видят, что домой вернулась пустая кукла. Слепой протокол тут уже не спасает. Как вы сами с этим спите?

Лицо Хенрика Гласса за титановой оправой очков осталось абсолютно неподвижным, но я увидел, как натянулась тонкая кожа перчатки на его сжавшемся кулаке.

— Государство обязано сохранять физическую непрерывность гражданского общества любой ценой, — тихо и жёстко ответил он. — Люди слабы. Если дать им право сомневаться в подлинности тех, кто возвращается из клиник, или позволить детям умирать от инсульта ради сохранения их рисунков, этот город захлебнётся в крови за одну неделю, как уже было двадцать пять лет назад. Вы отказываетесь подписывать бланк?

— Отказываюсь, — сказал я, поднимаясь с кресла.

— В таком случае завтра в девять ноль-ноль я передаю дело Софии Линд в ювенальный отдел принудительного исполнения, а ваш отказ фиксирую как обоюдный саботаж Аудита. Конвой проводит вас на смену в министерство.

В двенадцать тридцать шесть мы стояли друг на-

против друга в полумраке свинцового коллектора на седьмом этаже управления.

Времени на разговоры не было — сегодня мы зашли внутрь только на четыре минуты, чтобы не вызывать подозрений у операторов слежения частыми провалами связи.

Я вытащил из внутреннего кармана куртки собранный демпферный блок и вложил его в гладкую ладонь своего двойника.

— Конденсаторы заряжены от сети мастерской, плата развёрнута строго по заводскому ключу корпуса, — быстро сказал я под гул вентиляционной турбины за стеной. — Холостой тест у метролога она пройдёт чисто — реле настроено на порог восемьдесят процентов мощности, так что разрядник ударит только во вторник на старте боевой калибровки. Успеешь вернуть блок в спецхран Министерства до вечерней подачи протеста?

Мартин-Слепок проверил пальцем идеальный стык крышки и спрятал кассету во внутренний карман пиджака.

— Через десять минут опечатаю её заводским пломбиратором и положу в первую ячейку выдачи. Когда Гласс получит нашу апелляцию и пришлёт на склад своих людей, они заберут именно её, — Мартин-Слепок перевёл дыхание и мрачно добавил: —

Меня, кстати, вчера утром на моём псих-тесте Гласс тоже пытался заставить подписать приказ по «Дельте» в обмен на двенадцать баллов. Уверял, что иначе сегодня бумагу подпишешь ты.

— Мне он сегодня утром пел ту же песню про тебя, — усмехнулся я. — У меня сорок два процента отклонения от эталона по агрессии. По его таблицам я уже труп. Во сколько вы с Норой подаёте протест по сорок второму параграфу?

— В шестнадцать тридцать, за полчаса до закрытия канцелярии трибунала, чтобы у Гласса не осталось времени собрать вечернюю медицинскую коллегию и отклонить заявку до наступления пятницы, — ответил он, глядя на часы. — Нора привезёт нотариально заверенную выписку из строительного архива прямо к проходной Комитета, а я продублирую требование своей цифровой подписью главного архитектора первого класса.

Он взялся за засов двери, но перед выходом задержался на секунду и посмотрел на меня прямо:

— Ева сегодня утром за завтраком показала мне стеклянный ночник. Сказала, что вчера вечером «другой папа» починил ей провод в мастерской.

Я напрягся, ожидая новой вспышки ревности с его стороны.

Но он только коротко, устало качнул головой:

— Спасибо, что не прогнал её. Она вчера впервые за неделю спала без света в коридоре.

В пять вечера я вошёл в дом на Линден-стрит.

Едва я переступил порог прихожей, сверху по лестнице сбежала Софи. Щёки у неё горели, в руке она сжимала домашний коммуникатор Норы.

— Сработало! — выдохнула она, останавливаясь передо мной на нижней ступеньке. — Только что маме пришло казённое уведомление из канцелярии трибунала!

Через минуту со стороны садовой калитки в дом быстро вошла сама Нора — в промокшем от мелкого октябрьского дождя пальто, с кожаной папкой под мышкой.

Она прошла прямо в столовую и положила на дубовый стол распечатанный на жёлтом гербовом бланке протокол с электронной печатью Комитета Непрерывности.

Я наклонился над листом.

[ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ №409-ЮВ // СРОЧНО] На основании апелляции законного представителя М. Линда (инженер Контурa I кл.) по параграфу 42 Устава метрологического надзора: принудительное введение препарата группы «Дельта» несовершеннолетней С. Линд **ПРИОСТАНАВЛИВАЕТСЯ** на предельный предусмотренный законом срок 72 ча-

са (с 09:00 27.10 до 09:00 30.10) с последующей заменой трёхдневного курса на однократный приём форсированной капсулы за 24 часа до процедуры. Изъятие блока из спецхрана Министерства и установку на 72-часовой тестовый прогон поручить ст. метрологу В. Кроллю под конвоем трибунала (суббота, 28.10, 10:00). Законный представитель М. Линд (Контур: Слепок) допускается строго в статусе наблюдателя за защитным барьером без права физического контакта с оборудованием. Подпись: Ст. арбитр Х. Гласс.

А ниже печатного текста стояла вторая резолюция, подготовленная и заверенная коллегией трибунала ещё в двенадцать дня — сразу после того, как я утром отказался подписывать бланк в кабинете Глас-са:

«Постановление коллегии: В связи с выявленным критическим отклонением психопрофиля носителя „Шрам“ (42%) и обоюдным саботажем медицинского регламента, дата итогового заседания трибунала и процедуры принудительного закрытия Кода Ноль переносится с 19 ноября на вторник, 31 октября, 11:00 — через час после начала калибровки С. Линд в корпусе Второй клинической больницы».

Мы с Норой переглянулись над жёлтым листом.

Гласс не ждал нашей вечерней апелляции — он запустил механизм досрочной ликвидации ещё утром,

как только понял, что ни один из нас не купит себе жизнь ценой здоровья дочери.

Мы выиграли для Софи три дня без таблеток до утра понедельника и получили установку нашего блока в субботу в десять утра. Но за эту отсрочку мы заплатили тремя неделями собственной жизни: во вторник, тридцать первого октября, ровно в одиннадцать ноль-ноль Гласс собирался закрыть нас обоих в подвале Принудительного Слияния.

Глава 11. [КОНТУР: СЛЕПОК]

Во вторую клиническую больницу я приехал в субботу без десяти десять утра — чуть больше чем за семьдесят два часа до назначенной на вторник калибровки Софи.

Это было приземистое шестиэтажное здание из серого стекла и облицовочного бетона на восточной окраине района. Семь лет назад, девятнадцатого октября, я открыл глаза в боксе интенсивной терапии на третьем этаже этого корпуса, глядя на белую потолочную плитку и слушая мерное пиканье кардиомонитора. Тогда дежурный врач снял с моего лба контактную повязку, посветил фонариком в зрачки и сказал: «С возвращением, инженер. Родились в рубашке».

Проходя сегодня через широкие раздвижные двери приёмного вестибюля, я впервые знал, что за одной из стальных дверей подвального яруса семь лет назад в утилизационной печи догорела пустая белковая форма, из которой меня достали тремя часами ранее.

На внутреннем посту перед лифтами меня ждали трое: двое оперативников трибунала в штатском и старший метролог медицинского управления доктор Вальтер Кроль — грузный, лысеющий мужчина с вечно поджатыми губами, который пять лет назад

принимал у моего отдела пусконаладку здешних стендов.

— Выложить всё из карманов на лоток, господин Линд, — без приветствия скомандовал старший оперативник, преграждая мне шаг к турникету. — Телефон, ключи, стилус, часы, носовой платок. По предписанию старшего арбитра Гласса вы проходите в чистую зону с пустыми руками.

Я молча выложил вещи в пластиковый лоток и поднял руки в стороны.

Оперативник медленно, сантиметр за сантиметром, провёл ручным магнитным детектором вдоль швов моего пиджака, проверил воротник, манжеты рубашки и подошвы туфель. Хенрик Гласс подстраховался со всех сторон: даже если бы я попытался пронести внутрь кусок медной проволоки длиной в полсантиметра, меня бы развернули прямо у лифта и аннулировали протест за нарушение режима.

— Чисто, — буркнул оперативник, кивая напарнику. — Поднимаемся.

На третьем этаже, в пустом субботнем коридоре детского калибровочного отделения, пахло хлоргексидином и озоном.

Четвёртый бокс находился в самом конце правого крыла. Когда мы вошли внутрь, я сразу увидел жёлтую ограничительную полосу на полимерном по-

лу — в трёх метрах от массивного анатомического кресла, окружённого полукольцом титановых излучателей. Именно в это кресло во вторник, в десять утра, должны были посадить Софи.

— Стоять за жёлтой чертой, руки держать на виду перед собой, — сухо проинструктировал меня старший оперативник, включая нагрудный видеорегистратор и вставая на полшага правее меня. — Любая попытка пересечь линию или дать устную команду техническому персоналу будет расценена как вмешательство в работу трибунала.

— Я знаю правила, сержант, — спокойно ответил я, складывая пустые руки на груди. — Начинайте, доктор Кроль.

Вальтер Кроль недовольно покосился на меня, подошёл к металлическому столику у самого кресла и положил ладонь на серый бронированный бокс со штампом Центрального депозитария Министерства.

— Вы оторвали трёх человек от выходного дня ради чистого формализма, господин Линд, — раздражённо произнёс Кроль, разворачивая бокс пломбой к камере оперативника. — Я специально для протокола фиксирую: демпферный блок четвёртой серии, инвентарный номер четыреста двенадцать, изъят вчера в пятнадцать ноль-ноль из опечатанного спецхрана Министерства лично мной в присутствии курьера Ко-

митета. Корпус кассеты монолитный, вскрытию вне заводского цеха не подлежит, целостность свинцовой пломбы ревизора и голографической марки — без повреждений.

Я стоял за жёлтой линией, не меняя выражения лица, и смотрел на эту маленькую свинцовую пломбу, которую сам же обжал пломбиратором в четверг в два часа дня в пустом хранилище третьего этажа, через десять минут после того, как забрал перепаянный блок у своего двойника в коллекторе.

Кроль взял кусачки, с сухим щелчком перекусил пломбирочную проволоку и откинул крышку контейнера.

Из поролонового ложемента он достал массивную серую кассету. На её верхнем ребре, прямо у заводского направляющего выступа, едва заметно блестела крошечная точка олова, оставленная паяльником Мартина-Шрама.

Метролог откинул сервисную панель в затылочной части кресла, вытащил штатную кассету третьей ячейки и с тугим металлическим щелчком до упора загнал на её место наш блок. Из-за асимметричного паза вставить его иначе было физически невозможно — разрядные контакты легли ровно в трёх сантиметрах от точки, где во вторник будет лежать затылок моей дочери.

— Запускаю контрольный прогон под нагрузкой, — объявил Кроль для камеры и ввёл свой пароль на настенном пульте.

Катушки в подголовнике тихо загудели.

На широком мониторе над креслом побежала зелёная линия тестового сигнала. Секунда, вторая, десятая... Синусоида шла идеально ровно, без единого зубца. Штатный фильтр внутри кассеты отрабатывал двадцатипроцентную проверочную мощность безупречно, а спрятанный за ним за пороговым реле высоковольтный инвертор молчал, дожидаясь вторичного стопроцентного импульса.

— Разброс частоты — ноль целых две сотых процента, — с холодным торжеством резюмировал Вальтер Кроль, поворачиваясь ко мне. — Блок полностью исправен и поставлен на семидесятидвухчасовое дежурство. Сейчас я опечатаваю крышку подголовника номерной лентой трибунала до десяти утра вторника. Надеюсь, теперь ваша родительская паранойя удовлетворена, господин главный архитектор?

Он достал из папки красную контрольную ленту Комитета и собственными руками намертво заклеил стык сервисной крышки кресла, отрезая кому-либо доступ к нашей бомбе до самой процедуры.

— Вполне, доктор Кроль, — ровно сказал я из-за жёлтой черты. — Где расписаться в акте?

Пока метролог у пульта закрывал электронный набор, меня вывели в коридор под надзором второго оперативника и поставили у стены напротив грузового лифта.

У меня была ровно минута, чтобы без приборов, одними глазами проверить вторую половину маршрута на вторник.

Рядом с лифтовой шахтой в бетонной стене темнел прозрачный смотровой щиток магистрального кабель-канала. За армированным стеклом сверху вниз, с третьего этажа напрямую в цокольный бункер Специального трибунала (сектор Б-1), уходили два толстых оптических жгута в оранжевой оплётке.

Сектор Б-1. Операционная Принудительного Слияния.

Именно туда во вторник в одиннадцать ноль-ноль — ровно через час после того, как на этом этаже выгорит чип Софи, — отведут нас обоих.

Я смотрел на оранжевый кабель за стеклом и мысленно прокручивал самое узкое место нашего плана.

Вывести Софи из клиники после пробоя её Маяка было технически решаемо: по больничному регламенту ребёнка с термическим отказом импланта сразу переводят из экранированного калибровочного зала в обычную палату карантинного наблюдения на втором этаже — без рамок в дверях, чтобы не травмировать

воспалённую кору индукцией.

Но чтобы увезти её из города на Север, рядом с ней должен идти Мартин-Шрам. А на левом запястье Мартина-Шрама сидел точно такой же несъёмный металлокерамический браслет, как и на моём.

Распилить или сорвать его силой невозможно: внутри обода под давлением проложена капиллярная нить с токопроводящим гелем. При разрыве цепи браслет мгновенно выстреливает в лучевую артерию летальную дозу нейротоксина и передаёт сигнал тревоги на пульт Комитета.

В мире существовало только одно устройство, способное штатно, без тревоги расстегнуть магнитный замок этого браслета: главный терминал зала Слияния в подвальном секторе Б-1.

И делал он это только в одном случае: когда оба носителя зафиксированы в синхронных креслах операционной, а биометрические датчики одного из браслетов передали в центральное ядро Госконтроля прямой сигнал остановки сердца и прекращения мозговой активности избыточного тела.

Чтобы один из нас двоих вышел из этого здания со свободным запястьем и увёз дочь, второй должен был во вторник в одиннадцать утра реально умереть для датчиков Комитета на операционном столе.

Из бокса вышел доктор Кроль с планшетом в ру-

ке:

— Ваша подпись в графе наблюдателя, господин Линд. И на выход.

Всё воскресенье я провёл за закрытыми дверями расчётного сектора министерства, пытаюсь найти программную лазейку в протоколе подвального бункера Б-1, а домой на Линден-стрит вернулся только к девяти вечера, когда смена моего двойника закончилась.

Девочки уже были у себя наверху, но из спальни Софи полоска света падала на площадку второго этажа.

На кухне за столом сидела Нора. Перед ней лежала открытая дорожная аптечка, пачка наличных купюр старого образца без магнитной полосы — тех самых, которыми расплачивались в буферных посёлках за периметром, — и две тёплые шерстяные водолазки Софи со споротыми фабричными ярлыками.

Увидев меня, Нора быстро накрыла вещи кухонным полотенцем.

— Вчера в клинике всё прошло чисто, — тихо сказал я, снимая пальто и садясь напротив неё. — Кроль сам привёз блок со склада, поставил в четвёртое кресло и опечатал крышку лентой трибунала до вторника. Меня обыскали на входе и держали за трёхметровой чертой под камерой — у Гласса нет ни одной зацепки.

Нора долго смотрела на моё лицо, потом опустила

глаза на мои руки.

— Он был здесь с пяти до девяти, — негромко сказала она. — Вы обсуждали, что будет завтра, в понедельник утром, когда в девять часов истечёт семидесятидвухчасовой срок нашего моратория на таблетки?

— Гласс знает, что мы загнали его в цейтнот, — ответил я. — Завтра в девять утра, как только истечёт мораторий, он пришлёт сюда судебного медика с разовой капсулой форсированной «Дельты», чтобы дать её Софи за сутки до процедуры.

— Мы с ним тоже так рассчитали, — кивнула Нора. — По регламенту судебный медик не имеет права делать инъекцию на дому без согласия матери — он обязан выдать пероральную капсулу под запись регистратора и проследить, чтобы ребёнок проглотил её и запил водой.

Я поднял взгляд на жену:

— Софи не сможет спрятать капсулу за щекой, Нора. Приставы проверяют гортань световодом.

— Ей и не придётся прятать её за щекой, — в голосе Норы прозвучала холодная, спокойная решимость. — Форсированная «Дельта» выпускается в стандартной желатиновой оболочке тёмно-бордового цвета с белой маркировкой серии. Два часа назад я в мастерской взяла витаминную капсулу того же калиб-

ра, покрыла медицинский желатин кобальтовым пигментом с кармином один в один под заводской тон и тонкой кистью нанесла ту же маркировку. Внутри — обычный мел и глюкоза. Завтра утром, когда к нам явится пристав с врачом, я сама возьму у него блистер, чтобы подать дочери вместе со стаканом воды, и подменю капсулу в сгибе пальцев на движении руки. В реставрации мелкой мозаики пальцы работают быстрее любой камеры.

Я смотрел на свою жену и понимал, что Хенрик Гласс при всём своём опыте совершил главную ошибку: он просчитывал двух инженеров, но совершенно сбросил со счетов женщину, защищающую своего ребёнка.

— А что со вторником, Мартин? — вдруг тихо спросила Нора, убирая руки со стола. — Он сказал мне сегодня вечером, как устроены замки ваших браслетов в секторе Слияния. Он сказал, что снять браслет с его руки без взрыва капсулы с ядом может только главный терминал в подвале клиники — и только тогда, когда система зафиксирует остановку сердца и смерть мозга одного из вас на столе. Что вы задумали сделать в том подвале во вторник в одиннадцать утра?!

Нора подалась через стол и мёртвой хваткой вцепилась пальцами в моё предплечье.

Я знал правду уже три часа. За сегодняшний день в министерстве я перебрал все аппаратные схемы бункера Б-1 и убедился: программного обхода там не существовало. Единственным способом разомкнуть наши браслеты во вторник была настоящая, клиническая остановка сердца одного из нас на девяносто секунд. Но если бы я сказал ей об этом сейчас, накануне утреннего визита приставов, у неё завтра в девять утра дрогнула бы рука со стаканом воды перед камерой.

— Никто не собирается умирать, Нора, — я сознательно соврал ей, накрывая её холодные пальцы своей ладонью и чуть отводя взгляд к окну. — Завтра в двенадцать тридцать пять у нас встреча в коллекторе управления. Мы оба — архитекторы этой системы. Я уже нашёл способ пустить по шине стола ложный импульс, чтобы терминал увидел остановку сердца без вреда для тела.

Нора замерла, пристально вглядываясь в моё лицо. Она почувствовала фальшь по тому, как я отвёл глаза, — её губы сжались, но она поняла, почему я молчу, и не стала давить дальше.

— Поднимись к Софи перед сном, — глухо произнесла она, отпуская мою руку. — Она не спит. Она ждёт тебя.

Выйдя из кухни в тёмный коридор, я не сразу по-

шёл к лестнице. Я бесшумно завернул на тёмную веранду мастерской, достал из внутреннего кармана пиджака заранее исписанный листок миллиметровки и пластиковый кардио-инъектор без металлических деталей, выписанный вечером через спецмедпункт министерства, и спрятал всё это под бархатную подкладку нашего старого деревянного пенала с циркулями на дальней полке. За последние дни я слишком хорошо изучил повадки службы безопасности Гласса: если завтра днём наш тайник в коллекторе на седьмом этаже окажется перекрыт, этот пенал будет единственным способом передать ему расчёт на вторник.

Поднявшись на второй этаж, я тихо постучал в дверь детской и вошёл.

В комнате горел только маленький цветной ночник-домик на тумбочке у кровати Евы — тот самый, который в среду вечером починил мой двойник. Младшая крепко спала, раскинув руки поверх одеяла.

Софи сидела на своей кровати у окна, подтянув колени к подбородку и кутаясь в большой клетчатый плед.

Когда я присел на край её матраса, она не отодвинулась, как делала в первые дни, а сама подалась вперёд и вдруг крепко, по-детски обхватила меня руками за шею, уткнувшись лицом мне в плечо.

Я обнял её худенькую спину, чувствуя сквозь фла-

нель пижамы каждую её лопатку.

— Пап... — совсем тихо, прямо мне в воротник рубашки прошептала она. — Ты только не думай, что я тебя разлюбила, ладно?

Я закрыл глаза, прижимаясь подбородком к её ру-
сой макушке, пахнувшей домашним шампунем.

— Я ни на секунду так не думал, солнце.

— Я просто не могу здесь больше, — она говорила быстро, захлёбываясь шёпотом, чтобы не разбудить спящую сестру. — Когда я хожу мимо этих дверей, мне кажется, что мне в голову забили раскалённый гвоздь и поворачивают его каждый час. А там, на дамбе, в прошлое воскресенье... у меня впервые за полгода ничего не болело, пап. Я снова могла думать и рисовать. Он сказал сегодня вечером, что если во вторник на кресле всё получится, мы с ним уедем туда, к морю за горы, где нет рамок.

Она чуть отстранилась и посмотрела на меня в цветном полумраке ночника своими огромными серыми глазами, полными слёз:

— Но ведь ты останешься здесь с мамой и с Евой? Мы что, больше никогда-никогда не увидимся? Кто будет проверять мои задачи по геометрии и покупать со мной мятное мороженое в парке?

Семь лет назад мне подарили эту девочку по ошибке сервера. Я водил её за руку в первый класс, си-

дел у её кровати, когда она болела корью, выбирал ей этот синий шарф и считал себя единственным отцом на свете. А через тридцать шесть часов я должен был собственными руками отдать её человеку, который зачал её двенадцать лет назад, и навсегда вычеркнуть её из нашего дома, чтобы она осталась живой.

— Мы обязательно увидимся, Соф, — твёрдо со-
врал я, большим пальцем стирая слезу с её щеки. —
Когда всё уляжется и северную магистраль доведут
до предгорий, я приеду к вам в командировку. Будешь
учить меня пускать камни по четыре раза.

Софи попыталась улыбнуться сквозь слёзы и кив-
нула.

Потом она потянулась к своему письменному столу,
взяла сложенный вчетверо плотный лист из альбома
для рисования и сунула его мне в боковой карман пи-
джака:

— Это тебе. Только не открывай сейчас, ладно? От-
крой во вторник, когда всё закончится.

— Договорились, — я поцеловал её в горячий лоб,
укрыл пледом до плеч и вышел из комнаты, плотно
прикрыв за собой дверь, чтобы она не увидела, как у
меня дрожат пальцы.

Глава 12. [КОНТУР: ШРАМ]

В понедельник утром из пансионата на Речной меня впервые не повезли на служебной машине — дежурный куратор выдал маршрутный лист до управления и велел добираться пешком под контролем гео-браслета.

— И учтите, носитель «Шрам», — добавил куратор у проходной, сверяясь с планшетом. — В связи с завтрашним трибуналом первой категории ваше вечернее время в доме на Линден-стрит сегодня сокращено на полчаса. В двадцать тридцать вы обязаны сдать предпроцедурные анализы здесь, в медблоке пансионата. Опоздание на минуту повлечёт принудительный конвой.

Я молча кивнул, поднял воротник куртки от сырого ветра и пошёл по старому бульвару вдоль канала, глядя на город, которого не видел с той осени.

Столица расплзлась вверх и вширь, став гладкой и чужой. Старый кирпичный квартал у чугунного моста, где мы с Норой когда-то снимали нашу первую квартиру с вечно текущим краном, снесли под корень — теперь на его месте стоял двадцатипятиэтажный жилой массив из матового стекла, опоясанный светящимися зелёными кольцами Арок. На месте букинисти-

ческой лавки старика Мейера гудел круглосуточный пункт экспресс-диагностики имплантов.

Я смотрел на прохожих, спешащих к утренним шлюзам метро. Глаза по северной привычке автоматически цеплялись за нависшие с карнизов сосульки, за скользкие гранитные ступени у спуска к воде, за неогороженный край дорожного котлована — мозг всё ещё искал точки опоры и пути отхода, которые в этом городе никому не были нужны.

На уличных часах перещёлкнуло: 08:58.

Я остановился у чугунных перил моста.

Прямо сейчас, в девять утра, на Линден-стрит истекал семидесятидвухчасовой мораторий по сорок второму параграфу. Прямо сейчас к крыльцу нашего дома подъезжала машина ювенального пристава с капсулой форсированной «Дельты» для Софи, а я стоял на другом конце города с электронным ошейником на запястье и до пяти вечера даже не знал, дрогнула ли рука у Норы.

К двенадцати тридцати я закончил смену в расчётном боксе двенадцатого этажа управления и спустился по южной лестнице на седьмой технический ярус.

Нам с моим двойником оставалось согласовать главное действие на завтрашние одиннадцать утра: как в подвальном секторе Б-1 заставить главный терминал трибунала разомкнуть замок моего браслета.

Я свернул за угол бетонного коридора к шахте главного вентилятора.

Низкочастотный гул четырёхметровой турбины бил в подошвы ботинок, как обычно. Я сделал три шага к низкой стальной двери с табличкой КАБЕЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТОР С-7 — и увидел ловушку раньше, чем подошёл к кодовому замку.

Поверх стальной коробки двери, прямо над ригелем механического засова, белел свежий корпус радиомаяка с мигающим синим глазком оптической пломбы. А на бетонной стене напротив под углом висела новая купольная камера внутреннего контроля Комитета.

Служба безопасности Хенрика Гласса сопоставила три наших четырнадцатиминутных провала связи на седьмом этаже за прошлую неделю и за выходные намертво перекрыла слепую зону.

Я не замедлил шага и не поднял взгляда к объективу.

Держа в руке рабочую папку со спецификациями вентиляции, я прошёл мимо опечатанной двери коллектора к распределительному щитку в конце коридора, переписал в бланк показания манометра, развернулся и спокойным шагом пошёл обратно к лестнице.

Навстречу мне со стороны грузового лифта уже шёл он.

Он заметил камеру над дверью за секунду до того, как мы поравнялись в узком проходе. Останавливаться под объективом было равносильно аресту, а браслеты на наших запястьях уже синхронно мигнули первым жёлтым сигналом сближения.

Мы прошли мимо друг друга на встречных курсах за две секунды, даже не повернув головы.

— Пломба. Утром чисто. Пенал веранды, — одними губами, в такт грохоту вентиляционной турбины выдохнул он, глядя прямо перед собой.

Я моргнул в знак того, что услышал, и толкнул плечом противопожарную дверь лестничного пролёта. Жёлтый огонёк на запястье тут же погас.

Тайника больше не было. До завтрашнего операционного стола каждый из нас оставался один.

В пять вечера, подходя к Линден-стрит, я увидел серый фургон наружного наблюдения Комитета на другой стороне улицы — в тридцати метрах от нашей калитки, прямо под старыми липами.

Я поднялся на крыльцо и вошёл в прихожую.

В доме пахло куриным бульоном и чабрецом — Нора варила его на кухне, пытаясь сохранить для младшей видимость обычного вечера. Пятилетняя Ева сидела на ковре в гостиной, обложившись карандашами, и сосредоточенно выводила на листе ватмана кривые зелёные деревья.

Увидев меня, девочка подняла голову и деловито помахала мне измазанным в зелёном мелке кулачком:

— Привет! А я тебе лес рисую в твою комнату, как обещала! Мама сказала, там, где ты работал, много ёлок!

— Там сосны, Ева, — я остановился в проёме гостиной и невольно улыбнулся ей уголком рта. — У них иголки длиннее, а макушки смотрят в одну сторону, куда ветер с моря дует.

— Ладно, сейчас нарисую ветер, — серьёзно кивнула она и снова уткнулась носом в бумагу.

Я прошёл в конец коридора на витражную веранду и плотно прикрыл за собой дверь.

Нора стояла у верстака в глубине мастерской, куда не доставал обзор с улицы. Лицо у неё осунулось, под глазами пролегли резкие тени.

— Пристав с медиком приехали в девять пятнадцать, — тихо и быстро сказала она, подходя ко мне. — Поставили Софи под камеру в столовой. Медик сам вскрыл заводской блистер и положил капсулу на блюдце. Я встала вполоборота к объективу регистратора, подавая дочери стакан воды, и в слепой зоне за собственной ладонью на перехвате стакана сбросила настоящую «Дельту» за отворот манжеты, а Софи дала проглотить пустышку с мелом. Они проверили её гортань световодом, выждали полчаса и уехали.

Она указала взглядом на стеклянную банку с ацетоном на краю верстака — на дне в мутном осадке догнивала растворённая бордовая оболочка настоящей капсулы.

— А через десять минут после их отъезда на домашний терминал позвонил сам Гласс, — глухо добавила Нора. — Говорил очень вежливо. Напомнил, что завтра к девяти сорока пяти утра Софи должна быть в четвёртом боксе второй клинической, а вы оба к одиннадцати ноль-ноль — внизу, в секторе трибунала. Сказал, что при опоздании хотя бы на пять минут родительский допуск аннулируется автоматически, а девочку переведут в закрытый стационар под охраной приставов.

Я молча подошёл к дальней полке стеллажа, вытащил из-под стопки бумажных чертежей свой старый деревянный пенал с циркулями и откинул крышку.

Под бархатной подкладкой лежал сложенный узкой полоской листок миллиметровки и плоский, размером с мизинец, безыгольный кардио-инъектор из серого медицинского пластика.

Я развернул записку. Всего семь строчек, написанных жёстким, рубленым почерком моего двойника:

«1. Программного обхода в Б-1 нет. Замки обоих браслетов откроются только тогда, когда ядро зафиксирует 90 секунд полной остановки сердца (асистолии) и 0

Гц от затылочного Маяка у одного из носителей. 2. По протоколу Слияния в 11:05 первому вводят кардиоплегию тебе (как проигравшему псих-тест). Поскольку твой Маяк мёртв уже семь лет, в момент остановки твоего сердца система сразу увидит 0 Гц по обоим каналам и через 90 секунд спишет тебя как мёртвого, разомкнув наши браслеты. 3. На 95-й секунде, пока техник и один конвоир у пульта будут разбираться с ошибкой пустого слепка, мой браслет упадёт. Я уберу конвоира, введу тебе адреналин из инъектора и запущу сердце штатным дефибриллятором зала. У нас будет 2 минуты до гипоксии. 4. Инъектор полностью полимерный, магнитный сканер его не видит, но при ручном обыске одежды его найдут — спрячь в подошву. Выход из Б-1 на 2-й этаж к палате 204 — через техническую шахту бельевого подъёмника в углу операционной, камер там нет».

Я не успел свернуть бумажку — Нора бесшумно шагнула из-за моего плеча и выхватила миллиметровку из моих пальцев.

Её глаза стремительно пробежали по строчкам. Кровь отлила от её лица.

— Остановка сердца на девяносто секунд?! — страшным, сорвавшимся шёпотом выдохнула она, сжимая записку в кулаке. — Значит, вчера вечером на кухне он мне врал в глаза про ложный импульс по шине?! Вы решили устроить тебе настоящую клини-

ческую смерть на столе у Гласса?!

— Тише, Нора, Ева в гостиной услышит, — я перехватил её холодную кисть и забрал записку, бросая бумагу на железный поддон и чиркая зажигалкой. — Он правильно сделал, что не сказал тебе вчера. Если бы ты знала это сегодня утром, ты бы не смогла спокойно подменить капсулу под камерой приставы.

Нора рванулась в моих руках, глядя на меня с яростью и отчаянием:

— Ты уже умирал один раз на шесть минут в той воде, Мартин! У тебя рубцы через всё сердце от ножа Ковальски! Если завтра после их раствора твой миокард не заведётся от разряда?! Или если он... — она вдруг осеклась, задыхаясь от собственной мысли. — Ты хоть понимаешь, что если в том подвале он просто подождёт лишние две минуты и не нажмёт кнопку дефибриллятора, он останется единственным живым Мартином Линдом по закону, без всякого трибунала?!

Я смотрел, как догорает синий уголок миллиметровки на железном поддоне, и молча сел на табурет у верстака, стаскивая с правой ноги тяжёлый горный ботинок.

— Понимаю, Нора, — спокойно сказал я, беря со стола её узкую реставрационную стамеску для дерева. — Я бы и сам на его месте об этом подумал. Поэтому я не полагаюсь на его благородство. Я полагаюсь на то,

что он любит Софи не меньше меня.

Я зажал перевёрнутый ботинок между коленями и точными, сильными движениями стамески начал выбирать глубокий продольный паз внутри толстого трёхслойного резинового каблука.

— В десять утра на третьем этаже сработает наш блок в кресле, и у Софи выгорит передатчик, — говорил я, вкладывая плоский пластиковый иньектор с адреналином в вырезанную нишу каблука и заливая шов густой чёрной смолой для витражных рам. — Её спустят на второй этаж в карантинную палату двести четыре, где нет рамок. Ты будешь сидеть с ней там как мать. Но вывести её из больницы и провести через грузовые пирсы на Север он не сможет — у него в голове живой столичный Маяк, который звенит на каждом шагу, а сам он в одиннадцать тридцать должен остаться лежать под колпаком в подвале Б-1, изображая для Гласса единственного выжившего после Слияния.

Я прижал ладонью заплавленный каблук, проверяя пальцами твёрдую монолитную резину, — теперь ни один охранник при ручном прощупывании голенища ничего не нащупает, — и снова надел ботинок.

— Если в одиннадцать десять он не запустит мне сердце в том подвале и я не поднимусь по шахте бельёвого подъёмника к дверям вашей палаты, Софи оста-

нется в клинике, — я поднялся и посмотрел Норе прямо в глаза. — А через сорок восемь часов врачи Глас-са принудительно накачают её «Дельтой» и вставят ей новый чип. Он знает это так же хорошо, как я. Чтобы спасти дочь, которую он растил семь лет, он обязан вытащить меня с того света. Мы с ним связаны одной верёвкой над пропастью.

Нора стояла перед верстаком, прижав костяшки пальцев к губам. Она понимала, что крыть этот расчёт нечем.

Она молча выдвинула нижний ящик стола и разложила передо мной ту самую старую синьку фундамента второй клинической больницы из архива ратуши:

— Запоминай шаг за шагом, пока есть время. В десять утра, когда у Софи на кресле выбьет чип, врачи зафиксируют заводской отказ и переведут нас с ней на второй этаж, в палату двести четыре. В одиннадцать ноль-ноль вас обоих уведут в подвал Б-1. Ровно в одиннадцать двадцать я открою изнутри сервисный замок бельевой шахты прямо напротив двери нашей палаты — стальной трёхгранный ключ у меня уже в сумке.

Её палец с пятнышком синей грунтовки прошёл по пунктирной линии вниз:

— Ты забираешь Софи у двери шахты. Я возвращаюсь в палату и держу врачей ещё двадцать минут, го-

воря, что девочка закрылась в умывальной. Вы спускаетесь по технической лестнице бельевого сброса в старую подвальную прачечную, открываете чугунный люк в полу и уходите в сухой ливневый коллектор девятнадцатого века. Бетонную пробку там размыло два года назад — осталась только старая решётка на двух ржавых болтах, я положила газовый ключ в боковой карман рюкзака Софи, который уже спрятала в камере хранения на первом этаже клиники. По трубе коллектора выходите к эстакаде четвёртого грузового пирса Южного вокзала ровно без пяти двенадцать — там нет пропускных Арок. А в двенадцать десять от четвёртого пирса отходит дневной рудовозный состав на Полярную.

Я закрыл глаза на три секунды, фотографируя схему в памяти: *Палата 204. Бельевая шахта в 11:20. Люк прачечной. Решётка на двух болтах. Четвёртый пирс, рудовоз в 12:10.*

— Спасибо, Нора, — тихо сказал я.

В половине восьмого вечера я поднялся на второй этаж в комнату Софи.

Старшая сидела на ковре у открытого нижнего ящика комода и медленно перебирала вещи, сложенные в картонную коробку из-под обуви: детские фотографии с Норой и маленькой Евой на морском берегу, засушенный кленовый лист в рамке, коробку аква-

рельных красок и маленький кривой колокольчик из серой глины, который Ева слепила для неё в детском саду.

Когда я вошёл и опустился на корточки рядом с ней у стены, Софи подняла на меня глаза.

— Пап... а ведь за тем хребтом нет телефонной связи с городом, да? — шёпотом спросила она, глядя на фотографию, где они с Норой и Евой смеялись на летней веранде. — Ты говорил, что через магнитные скалы сигнал не проходит.

— Напрямую не проходит, Соф, — честно ответил я. — Раз в несколько месяцев с попутным караваном через Полярную можно передать бумажную открытку без обратного адреса, если опустить её в почтовый ящик внутри города. Но позвонить оттуда нельзя — иначе трибунал сразу поймёт, что твой чип не сгорел от брака, а ты уехала со мной, и тогда придут за мамой.

Софи опустила голову, и две крупные слезы упали на глянцевую карточку в её руках.

— Значит, когда Ева пойдёт в первый класс через два года, я этого не увижу, — глухо проговорила она. — И мама больше никогда не зайдёт ко мне вечером поправить одеяло. Пап, почему я должна всё это бросить только из-за того, что у меня неправильная голова?! Я ведь ничего плохого им не сделала!

Она уткнулась лицом в колени, сжимая в кулачке

глиняный колокольчик младшей сестры, и её худенькие плечи затряслись от беззвучного, горького плача двенадцатилетнего ребёнка, у которого отнимали дом и детство.

Я притянул её к себе, сажая на колени, и молча, крепко прижал её голову к своему свитеру, давая ей выплакаться.

Так мы сидели на полу в полутьме комнаты минут пять, слушая, как за окном шумит дождь по липам, а внизу на кухне тихо звенят тарелки.

Постепенно дрожь в её плечах утихла. Софи отстранилась, вытерла мокрые щёки тыльной стороной ладони — совсем взрослым жестом своей матери — и долго смотрела на глиняный колокольчик Евы на своей ладони. Потом бережно завернула его в носовой платок и спрятала в карман своей куртки — единственную вещь из этого дома, которую брала с собой.

— У тебя правильная голова, Софи, — тихо сказал я ей. — Самая живая во всём этом городе. Это их железо неправильное. Завтра в десять утра, когда сядешь в то кресло, закрой глаза и не бойся гула катушки. В затылке только коротко кольнёт горячим — и всё закончится. А в одиннадцать двадцать я приду за тобой к двери на втором этаже.

Софи медленно, серьёзно кивнула, глядя мне в глаза:

— Я буду ждать у двери, пап. Я не подведу.

Без двадцати девять вечера мой браслет в последний раз мигнул предупреждением о выходе из домашней зоны.

В прихожей у самой двери ко мне выбежала пятилетняя Ева, протягивая двумя руками свернутый в трубку лист ватмана, изрисованный кривыми зелёными соснами, макушки которых клонились в одну сторону:

— Вот! Повесишь у себя над кроватью, чтобы не было скучно! А когда ты в следующий раз придёшь?

Я опустился перед ней на одно колено, взял рисунок и осторожно, стараясь запомнить тепло её мягких каштановых кудряшек, положил ладонь ей на макушку. Чужая дочь, рождённая без меня, которая сегодня впервые нарисовала мне мой северный лес — и которую я больше никогда в жизни не увижу.

— Скоро, малая, — тихо сказал я ей. — Слушайся маму и папу.

Я поднялся, в последний раз сжал ледяные пальцы Норы у дверного косяка и шагнул с крыльца под холодный дождь — к мигающему под липами фургону Комитета.

Я посмотрел на часы на приборной панели, когда за мной захлопнулась стальная дверца спецмашины: 20:34.

До завтрашних десяти утра, когда Софи сядет в калибровочное кресло, оставалось тринадцать с половиной часов. А ещё через час, в одиннадцать ноль-ноль, моё сердце должно было остановиться во второй раз в жизни.

Глава 13. [КОНТУР: СЛЕПОК]

В половине девятого утра, за полчаса до подачи конвойного фургона Комитета, я вывел Еву через калитку и перевёл через дорогу к дому номер шестнадцать — Нора с вечера договорилась с женой старого Артура, тётушкой Мартой, что младшая побудет у них до обеда, пока мы возим Софи на обследование в клинику.

На крыльце соседского дома пахло яблочным пирогом и мокрой шерстью фокстерьера. Я опустился на корточки перед Евой, расстегнул ей верхнюю пуговицу курточки и на секунду задержал ладони на её худеньких плечах.

— Пап, ты чего такой колючий сегодня? — засмеялась Ева и потрогала пальчиком мою щеку. — Забыл побриться, как тот папа?

— Спешил, жук, — я достал из кармана маленькую синюю заколку со звёздочкой, приколол ей непослушную прядь над ухом и крепко прижал её к себе, стараясь надышаться запахом её детской макушки на случай, если сегодня в одиннадцать пятнадцать из подвала второй клинической больницы я уже не выйду. — Днём за тобой придёт мама. Слушайся тётушку Марту и не выходи за ворота, ладно?

— Ладно! — она чмокнула меня в подбородок и побежала в прихожую смотреть щенка, даже не оглянувшись.

Ровно в девять сорок пять нас ввели в четвёртый калибровочный бокс на третьем этаже второй клинической больницы.

В помещении было холодно от работающей на полных оборотах вытяжки. Сегодня здесь было тесно: у настенного пульта стоял старший метролог Вальтер Кроль, рядом с анатомическим креслом раскладывал датчики детский нейро-физиолог, у дверей дежурили двое приставов, а в углу за жёлтой ограничительной полосой стоял сам Хенрик Гласс в своём неизменном графитовом пальто.

Его левая рука в серой перчатке покоилась на рукояти плоского кейса. Гласс приехал лично убедиться, что девочка пройдёт синхронизацию по регламенту до начала трибунала.

Нас с Норой поставили за жёлтую линию в трёх метрах от излучателей.

Софи была в тонкой больничной рубашке с короткими рукавами. Когда медсестра повела её к креслу, дочь на секунду обернулась к нам. Лицо у неё было совсем белым, но она не плакала — только крепко сжала губы и коротко, одними глазами посмотрела на мой нагрудный карман, где лежал её сложенный рисунок.

Я прижал ладонь к нагрудному карману и медленно кивнул ей в ответ: *я рядом, ничего не бойся.*

Софи забралась в глубокое кожаное ложе, положила тонкие руки на подлокотники и позволила затянуть мягкие фиксирующие ремни на запястьях. Её затылок лёг прямо в полукруглое гнездо подголовника — в трёх сантиметрах от красной контрольной ленты трибунала, под которой с субботнего утра спал наш перепаянный блок.

**— Начинайте предпусковую сверку, доктор Кроль,
— ровно произнёс Хенрик Гласс.**

Я видел, как стоящая рядом со мной Нора до синевы под ногтями вцепилась пальцами в ремешок своей сумки, где лежал стальной трёхгранный ключ от сервисной шахты второго этажа.

Кроль подошёл к креслу, проверил под камеру пристава целостность своей субботней пломбы на подголовнике, вернулся к пульту и повернул ключ активации контура.

— Кровяное давление сто десять на семьдесят, лимбический фон подавлен согласно вчерашнему протоколу введения «Дельты», — отчитался нейро-физиолог, глядя на спокойную кривую энцефалограммы: Софи дышала ровно, по счёту, как учил её Мартин-Шрам, и приборы принимали её выдержку за действие препарата. — Подаю стартовую частоту.

Катушки вокруг головы дочери загудели низким, набирающим силу басом.

На главном мониторе поползла вверх шкала накачки индукционного поля: 20 %... 40 %... 65 %...

Семьдесят пять процентов. Ещё секунда — и поле пробьёт барьер её коры, а в крови у неё нет ни миллиграмма блокатора, только вчерашний мел из мастерской Норы. Если паяльник моего двойника дал трещину в припое, если конденсаторы потеряли заряд за трое суток в холодном боксе, мы сейчас собственными глазами увидим, как у нашего ребёнка разорвёт сосуды мозга.

На табло вспыхнуло: 80 %.

В ту же миллисекунду внутри подголовника кресла сухо, как лопнувшая струна, щёлкнуло пороговое реле.

Раздался глухой хлопок — будто внутри пластикового кожуха раздавили стеклянную ампулу. Из вентиляционных щелей за головой Софи вырвалось короткое облачко сизого дыма, запахло жжёной керамикой и озоном, а экран монитора над креслом залило бешено мигающей красной строкой:

[АВАРИЙНЫЙ СБРОС КАТУШКИ // ТОК ВНЕШНЕГО КОНТУРА 0 А]

[КРИТИЧЕСКИЙ ОТКАЗ МАЯКА «ЮНИОР» — ТЕРМИЧЕСКИЙ ПРОБОЙ АНТЕННОГО КОЛЬЦА]

[ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КОРЫ ПАЦИЕНТА: В ПРЕДЕЛАХ НОРМЫ]

Софи в кресле резко дёрнулась один раз, зажмурившись от точечного ожога в основании шеи, и тяжело задышала. Из её правой ноздри скатилась одна капля крови, но когда врач подскочил к ней и отстегнул ремни, она сама подняла голову и осмысленно посмотрела на мать.

Мозг не пострадал. Весь встречный разряд ушёл в керамическое кольцо чипа, выжигая передатчик и спутниковый маячок дотла.

— Мама! — Нора рванулась через жёлтую черту, отталкивая плечом пристава, и обхватила Софи за плечи прямо в кресле.

— Что это значит, Кроль?! — голос Хенрика Гласса потерял привычную архивную сухость; арбитр шагнул к пульту, глядя на дымящийся подголовник. — Почему сгорел передатчик на восьмидесяти процентах?!

Вальтер Кроль с серым лицом стучал по клавишам диагностики:

— Заводской пробой диэлектрика внутри самой капсулы чипа, господин старший арбитр! При переходе на взрослую частоту замкнуло внутренний контур импланта девочки, а наш демпферный блок принял обратный удар на себя и отсёк катушку от мозга!

— Вскройте подголовник и проверьте блок! —

жёстко приказал Гласс, переводя тяжёлый, прищуренный взгляд на меня.

Кроль подбежал к креслу, сорвал собственную нетронутую пломбу трибунала с крышки подголовника и выдернул горячую, лопнувшую по заводскому шву кассету из паза. Сквозь трещину в оплавленном корпусе было видно, что от нашего инвертора внутри ничего не осталось — обратная дуга катушки сплавила всю начинку в бесформенный комок шлака, неотличимый от обычного сгоревшего фильтра.

— Кассета приняла пробой штатно, пломбы были мои, — развёл руками метролог. — Если бы мы не поставили этот демпфер в субботу по параграфу сорок два, у ребёнка сейчас было бы обугливание затылочной доли!

Нейро-физиолог уже светил узким фонариком в зрачки Софи, прижимая тампон к её затылку:

— Имплант полностью мёртв, связи с узлом нет, вокруг капсулы локальный термический отёк тканей второй степени. По инструкции я обязан немедленно спустить девочку на второй этаж в неэкранированный карантинный бокс до спадения отёка и назначить хирургическую замену чипа через сорок восемь часов!

Хенрик Гласс стоял посреди бокса, сжимая рукоять своего кейса. Он чувствовал, что его провели, но пе-

ред ним лежал официальный акт его же метролога, нетронутая пломба трибунала и ребёнок с ожогом на шее. Ни одного юридического повода задержать Софи на третьем этаже у него не было.

— Переводите пациентку в карантинную палату двести четыре на второй этаж, — холодно отрезал Гласс. — Мать сопровождает ребёнка. Одного пристава поставить в коридоре у входа в крыло до моего возвращения.

Он повернулся ко мне и посмотрел на часы: 10:18.

— А вы, носитель «Слепок», проследуете со мной и конвоем вниз. До начала вашего трибунала в секторе Б-1 осталось сорок две минуты. Мы начинаем процедуру подготовки к Слиянию немедленно.

Нора, поддерживая Софи у дверей на выход, на секунду оглянулась через плечо. Наши глаза встретились. Ни слова, ни кивка — только её пальцы крепче сжали ремешок сумки с ключом от бельевой шахты.

Через час с небольшим, ровно в одиннадцать двадцать, она откроет эту шахту на втором этаже. И к этой двери из подвала должен будет подняться живой отец.

Цокольный бункер сектора Б-1 находился на глубине двенадцати метров под основным зданием клиники — там, куда не доходил даже шум городских улиц.

Меня провели через рамку магнитного детектора,

заставили снять пиджак (сложенный листок Софи я успел переложить в нагрудный карман рубашки у самого сердца) и ввели в круглый операционный зал с низким бетонным сводом.

Посреди зала на стальном постаменте стояли два массивных нейро-хирургических стола-кресла, разделённых центральной колонной синтезатора с пучками толстых оранжевых световодов. За правой стеной из двойного бронестекла светился пульт управления, куда уже поднимался Хенрик Гласс со своим секретарём. В самом операционном зале с нами оставались только двое: старший оператор-перфузиолог в зелёном хирургическом костюме и один широкоплечий конвоир трибунала с электрошоковым карабином у бедра.

На первом столе, под маркировкой ДОНОР / ДЕАКТИВАЦИЯ, уже лежал он.

На нём была серая казённая рубашка с расстёгнутым воротом и его собственные тяжёлые горные ботинки — по регламенту обувь с деактивируемых носителей не снимали до отправки тела в нижний крематорий. Его правое предплечье было зафиксировано ремнём, в вену на сгибе локтя уже ввели прозрачный катетер инфузомата, а левое запястье с серым арбитражным браслетом было намертво вщёлкнuto в магнитный паз подлокотника.

Меня усадили на второй стол — в полутора метрах от него, под табличкой РЕЦИПИЕНТ / СИНТЕЗ.

Как я и знал по схемам министерства, ремни и кра-ниальные обручи на моём кресле пока оставались рас-стёгнутыми: по техническому протоколу Слияния ре-ципиента нельзя было вводить в наркоз и фиксиро-вать под излучателем до тех пор, пока сервер не сни-мет и не проверит чистый посмертный слепок доно-ра. Оператор только защёлкнул моё левое запястье с браслетом в магнитный замок приёмного гнезда.

За бронестеклом включился микрофон. Голос Хен-рика Гласса заполнил бетонный свод:

— Время одиннадцать часов две минуты. Во ис-полнение постановления Закрытого трибунала по ин-дексу четыреста девять запускается процедура при-нудительного устранения аппаратной избыточности методом Слияния. Первым этапом проводится меди-каментозная остановка кровообращения первично-го носителя «Шрам» с последующей выгрузкой семи-летнего архива коры и утилизацией биомассы. Вто-рым этапом архив интегрируется в матрицу носителя «Слепок». Оператор, приступайте к введению раство-ра.

Я повернул голову влево.

Мартин-Шрам смотрел прямо на меня через разде-ляющие нас полтора метра кафельного пола.

Его лицо с глубокими складками у рта и белой оспинкой над бровью было совершенно спокойным. Ни страха, ни сомнения — только тяжёлый, пристальный взгляд человека, который семь лет назад уже умирал в ледяной воде и теперь клал свою жизнь в руки собственного отражения.

— Не промахнись по четвёртому ребру, архитектор, — еле слышно, одними губами произнёс он, пока оператор у его плеча открывал клапан инфузомата. — Ковальски бил левее грудины.

По прозрачной трубке катетера в его вену пошёл густой бесцветный раствор хлорида калия с магнием.

Я смотрел на экран кардиомонитора над его головой.

Пульс: 78... 62... 41...

Его пальцы на краю стального подлокотника резко сжались. Вены на шее, рядом со старым звездчатым ожогом, набухли; он сделал короткий, судорожный вдох, закинув подбородок к потолку, — и его глаза закрылись, а тяжёлая голова безжизненно откинулась набок, в мою сторону.

На экране монитора зелёные зубцы кардиограммы распрямились в идеально ровную горизонтальную нить. Раздался тонкий, непрерывный писк асистолии:
[ПУЛЬС: 0 УД/МИН // ЭЭГ МАЯКА: 0 ГЦ]

— Зафиксирована полная остановка сердечной де-

тельности и отсутствие мозгового отклика донора, — буднично доложил в микрофон оператор, глядя на главный экран центральной колонны. — Запущен девяностосекундный таймер подтверждения биологической смерти для ядра Госконтроля.

Цифры на табло над нашими столами побежали вверх: 00:15... 00:30... 00:45...

В стерильной тишине подвала пищал только монитор мёртвого сердца.

Я смотрел на неподвижное, стремительно бледнеющее лицо человека на соседнем столе — на его грубую шею, на шрам поперёк его замершей груди.

И вдруг на пятидесятой секунде внутри моей головы, в самой тёмной глубине сознания, шевельнулся тихий, ледяной голос:

Не двигайся. Просто сиди смирно ещё две минуты. Тебе даже не нужно ничего делать — его сердце уже остановилось по закону. Если ты сейчас не шевельнёшь пальцем, через три минуты его мозг умрёт от гипоксии, а система выдаст ошибку чтения сгоревшего чипа и отменит второе вливание. Ты выйдешь из этого подвала единственным Мартином Линдом. Ты вернёшься сегодня вечером домой к Норе и маленькой Еве, ляжешь в свою постель, и никто в мире никогда не назовёт тебя копией.

Секундомер на табло отсчитывал: 01:10... 01:20...

Моя правая рука, свободная от замка, лежала на подлокотнике. Под нагрудным карманом моей рубашки, прямо над бьющимся сердцем, шуриал сложенный вчетверо листок альбомной бумаги, который в воскресенье ночью сунула мне Софи: «Открой во вторник, когда всё закончится».

Девочка, которая прямо сейчас сидела на втором этаже в палате двести четыре, смотрела на минутную стрелку часов и верила, что у неё есть два отца, которые не отдадут её под нож.

Если я сейчас предам его на этом столе — я докажу Хенрику Глассу, что я действительно всего лишь бездушная штамповка с принтера.

01:29... 01:30.

На девяностой секунде центральная колонна синтезатора коротко пискнула и выбросила широкую зелёную плашку прямого ответа государственного ядра:

[ЯДРО ГОСКОНТРОЛЯ: БИОЛОГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ДОНОРА ПОДТВЕРЖДЕНА]

[КОД НОЛЬ ПО ИНДЕКСУ ID-409-LIND ЗАКРЫТ. ВНЕШНИЙ КАНАЛ ТЕЛЕМЕТРИИ ОТКЛЮЧЁН]

[АРБИТРАЖНЫЕ КОНТУРЫ РАЗБЛОКИРОВАНЫ]

Одновременно на моём левом запястье и на неподвижной руке Мартина-Шрама с сухим металлическим щелчком распахнулись магнитные замки серых

браслетов — для центрального ядра Госконтроля донор перестал существовать, и внешняя связь с его столом оборвалась навсегда.

И через две секунды, когда локальная колонна синтезатора попыталась подать импульс выгрузки памяти в мёртвый затылок донора, зал разорвал пронзительный вой внутренней аварии:

[КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА СИНТЕЗА: РАЗРЫВ ЦЕПИ ПЕРВИЧНОГО МАЯКА // КАНАЛ ПУСТ]

За бронестеклом Хенрик Гласс резко поднялся со стула, наклоняясь к микрофону:

— Оператор, что у вас происходит на канале донора?!

Оператор в панике метнулся к стойке синтезатора, а стоявший у двери конвоир шагнул к его спине, вытягивая шею к мигающему красным экрану и поворачиваясь ко мне полубоком.

Это было моё окно.

Я сорвал со своего запястья распахнувшийся полукилограммовый металлокерамический браслет, зажал его в правом кулаке как кастет и в один бесшумный прыжок слетел со стола реципиента.

Конвоир успел повернуться лишь на четверть оборота — удар стального обода браслета пришёлся ему точно в сонную артерию и угол челюсти. Он рухнул на кафель без звука, выронив карабин.

— Тревога! В зале... — закричал оператор, но я уже перехватил со столика анестезиолога тяжёлую маску с фторотаном, ударом под колено сбил его на пол рядом с конвоиром и вдавил красную кнопку аварийной биоизоляции бокса на стене.

Многотонная стальная гермодверь в коридор с грохотом упала вниз, защёлкиваясь сразу на четыре автономных пневматических ригеля противорадиационной защиты — чтобы стравить давление в цилиндрах и поднять её вручную домкратами снаружи, охране потребуется не меньше трёх минут.

За бронестеклом Хенрик Гласс ударил ладонью в перчатке по кнопке вызова штурмовой группы, глядя на меня расширившимися глазами через прозрачную стену.

На табло над столом Мартина-Шрама горело: 01:54.

Почти две минуты без кислорода. Губы моего двойника посинели, лицо стало восковым.

Я метнулся к его ногам, схватил со стола хирургический скальпель и одним яростным движением вспорол чёрную смоляную заплатку на каблуке его правого ботинка. Пальцы выдернули из резинового паза плоский серый пластиковый цилиндр инъектора.

Рванув в стороны края его казённой рубашки — так, что посыпались пуговицы, обнажая старый вертикальный рубец от ножа Ковальски, — я нащупал

пальцами впадину четвёртого межреберья слева от грудины, прижал сопло инъектора вплотную к холодной коже и до упора вдавил боковой спуск.

Пневматический поршень с сухим хлопком вогнал струйку адреналина с атропином сквозь грудную стенку прямо в сердечную мышцу.

Я посмотрел на монитор.

02:15.

Зелёная нить на экране мелко, хаотично задрожала — пошла крупноволновая фибрилляция, но пропитанный калием миокард не мог сократиться сам.

Снаружи в опустившуюся стальную гермодверь уже гулко бухали приклады оперативников охраны, пытаюсь сорвать гидравлический стопор.

— Давай же, чёрт тебя дери! — заорал я на весь бункер, срывая со стойки реанимации два утюжка дефибриллятора и выкручивая регулятор заряда на двести джоулей. — Она ждёт тебя на втором этаже! Если не ради себя, то ради Софи — вставай!

Я прижал холодные металлические пластины к его груди — одну под правую ключицу, вторую под левый сосок, прямо поверх старых следов от скоб, — и вдавил обе кнопки разряда.

Тело на столе выгнулось дугой.

На экране монитора прыгнул первый, судорожный пик, и снова сорвался в дрожь.

02:38.

Я переключил тумблер на триста джоулей — максимальный предел катушки, — снова вжал пластины в его рёбра и ударил током во второй раз.

Машина пискнула. Зелёная линия метнулась вверх, упала, и вдруг пошла мощными, частыми, неровными ударами: *тук... тук-тук... тук...*

Мартин-Шрам судорожно, со свистом втянул воздух открытым ртом, закашлялся и распахнул глаза, вцепившись своей правой рукой в мой воротник так, что затрещала ткань.

Глава 14. [КОНТУР: ШРАМ]

Грудь изнутри драло раскалённым стеклом. Сердце после удара током и дозы адреналина колотилось о кривое ребро вразнобой, пропуская каждый четвёртый удар и выталкивая в горло горячий привкус запекшейся крови.

Я с силой сжал воротник его рубашки, подтягивая себя вверх на локтях, и сдёрнул с правой руки трубку катетера.

Снаружи в опущенную стальную гермодверь с металлическим лязгом ударил гидравлический клин — конвойная группа взламывала засов из коридора. До падения створки оставалось не больше сорока секунд.

За двойным бронестеклом операторской Хенрик Гласс стоял вплотную к прозрачной перегородке. Маска невозмутимого архивариуса слетела с его лица: он смотрел на меня — официально мёртвого тридцать секунд назад по всем реестрам государственного ядра — и пальцы его левой руки без перчатки мелко, неудержимо колотились о край пульта.

— Уходи в шахту! — Мартин-Слепок жёстко перехватил мою кисть и рывком помог мне перевалиться через край операционного стола на кафельный пол. — Быстро! Нора откроет замок на втором этаже ров-

но в одиннадцать двадцать!

Ноги в первую секунду подломились в коленях — остатки калия в крови тянули мышцы к земле, как свинцовые гири. Я удержался за край соседнего кресла, стянул со своего левого запястья распахнутый серый браслет трибунала и бросил его на матрас.

— А ты?! — хрипло выдохнул я, глядя на фигуру Гласса за стеклом. — Он же всё видел! Когда вышибут дверь, он сгноит тебя в изоляторе за саботаж!

Мой двойник не ответил — он подскочил к угловой нише за колонной, сорвал вентиляционную решётку технической шахты бельёвого подъёмника, а затем схватил со стойки реанимации оба утюжка дефибрилятора, которые ещё гудели остаточным зарядом конденсаторов.

— Лезь вверх, Мартин! У тебя девять минут до второго этажа!

На пороге шахты я на секунду обернулся и перехватил его за предплечье — там, где ниже локтя белела та самая крошечная точка от летнего детского фейерверка.

— Спасибо, что вытащил, архитектор, — глухо сказал я. — Береги Нору и маленькую.

— Держи её контур, — ответил он.

Он развернулся к центральной колонне синтезатора и с размаху вогнал оголённые контактные пласти-

ны дефибриллятора прямо в открытый силовой блок под напряжением.

Ослепительная дуга короткого замыкания ударила из чрева колонны. Взрывной волной лопнувших конденсаторов его отбросило назад — он ударился левым виском о стальную станину моего стола и тяжело рухнул на кафельный пол, заливая воротник кровью, а сверху из сорванных форсунок потолка уже ударила белая метель порошкового пожаротушения, накрывая зал непроглядным туманом.

— Локальный видеоархив сгорел вместе с буфером!.. — прохрипел он снизу сквозь вой сирены, прижимая ладонь к рассечённому виску. — Для ядра ты мёртв... Гласс будет молчать, чтобы спасти свою систему... Уходи!

Я шагнул в темноту шахты, задвинул за собой решётку и полез наверх по стальным перекладинам технической лестницы, вбитым в бетон.

Шахта шла вертикально вверх сквозь двенадцать метров цоколя и перекрытия первого этажа.

Внизу под подошвами моих ботинок глухо грохнула упавшая гермодверь операционной, донеслись приглушённые бетоном крики конвоиров, но я не смотрел вниз.

Каждая перекладина давалась с боем. Пальцы, онемевшие после остановки кровообращения, соскаль-

зывали с покрытого машинным маслом железа; в месте прокола под четвёртым ребром при каждом подтягивании жгло огнём, а перед глазами в темноте расплывались багровые круги. Я считал ступеньки про себя, как считал стыки рельсов в вагоне: *двадцать две... двадцать три... двадцать четыре...*

На уровне второго этажа я упёрся спиной в противопожарный короб трубы и замер перед узкой стальной дверцей ревизии.

За тонким листом металла в больничном коридоре торопливо простучали каблуки медсестры: — ...да, внизу в секторе трибунала проводка коротнула при синтезе, задымление в подвале, сейчас вентиляцию переключают...

Шаги стихли.

Я посмотрел на светящиеся стрелки старых механических часов, которые Нора вчера вечером положила мне в карман куртки вместо снятого браслета: 11:19.

Через сорок секунд в замочной скважине прямо перед моим лицом с тихим скрежетом повернулся трёхгранный ключ.

Дверца подалась наружу на десять сантиметров.

В узкую щель пахло больничным антисептиком, и я увидел побелевшее лицо Норы, а за её спиной — Софи, уже одетую в тёмную шерстяную водолазку без

ярлыков, тёплую куртку и с маленьким рюкзаком за плечами.

Нора распахнула створку шире. Я протянул руку, подхватил Софи за талию и одним движением перенёс её через высокий бортик внутрь шахты, поставив ногами на широкую бетонную перемычку рядом с собой.

На затылке дочери, чуть ниже русых волос, белела свежая марлевая наклейка на месте утреннего ожога, но глаза её были ясными и сухими.

— Пап, у тебя вся рубашка в крови... — испуганно выдохнула она, увидев разрез от скальпеля и след от иглы у меня на груди.

— Это царапина, мелкая. Застегни куртку доверху.

В проёме дверцы Нора схватила меня обеими руками за лицо, прижавшись губами к моей щеке, а потом дотянулась до Софи, крепко, до хруста прижав голову дочери к своему плечу.

— Внизу в прачечной никого нет, смена ушла на обед в одиннадцать, — шёпотом, без единой слезинки проговорила Нора, глядя на нас обоих. — Я сейчас запру вас снаружи, вернусь в палату и пушу горячую воду в душевой, скажу приставу в коридоре, что Софи смывает гель после катушки. У вас двадцать пять минут чистого времени до того, как они хватятся.

— А тот папа? — быстро спросила Софи, вцепив-

шись в мамину руку. — Он внизу живой?!

— Живой, родная, — Нора в последний раз провела ладонью по её щеке и отступила на шаг в коридор. — Он вернётся ко мне и к Еве. А ты береги папу. Бегите.

Створка захлопнулась, отсекая свет коридора, и трижды щёлкнул треугольный замок.

Мы остались в темноте.

— Иди по лестнице прямо надо мной, на две пере-
кладыны выше, — скомандовал я шёпотом, пропуская
её на ступеньку вперёд и прикрывая руками со спи-
ны, чтобы она не сорвалась в темноте. — Если нога
скользнёт — обопрись на мои плечи. Пошли вниз, ми-
мо первого этажа.

Мы спустились на один пролёт ниже уровня земли
— туда, где вбок от основной шахты уходил наклон-
ный желоб старого бельевого сброса. Я выбил ногой
нижнюю заслонку, прыгнул на мокрый бетонный пол
заброшенной прачечной старого корпуса и принял на
руки Софи.

Здесь было тихо, пахло сырой известью и ржавой
водой.

В углу за списанными паровыми котлами чернела
круглая крышка чугунного люка, засыпанная уголь-
ной крошкой. Я поддел ушко люка пальцами, сдвинул
тяжёлый блин в сторону и осветил вниз маленьким
карманным фонариком.

На глубине шести метров под фундаментом больницы уходил на юг сводчатый кирпичный тоннель старого ливневого коллектора девятнадцатого века. По дну желоба, едва закрывая подошвы ботинок, текла медленная чёрная струя дождевой воды.

Мы спустились по ржавой железной лестенке на дно трубы и быстро пошли вперёд, пригнув головы под низким кирпичным сводом.

Здесь не было ни единого провода, ни единого оптического кабеля, ни одной индукционной рамки. Толща старой кирпичной кладки и шестиметровый слой мокрой глины над головой отрезали нас от столицы надёжнее любого бункера.

Через четыреста метров луч моего фонарика выхватил из темноты обрушившуюся бетонную перемычку, которую два года назад размыло грунтовыми водами. Проход за завалом преграждала старая кованая решётка из дюймового прута, державшаяся в чугунной раме на двух массивных ржавых болтах.

— Ключ, Соф, — коротко бросил я, переводя тяжёлое дыхание.

Софи быстро скинула с плеча рюкзак, расстегнула боковой карман и подала мне холодный стальной разводной ключ, который вчера приготовила Нора.

Я набросил губки ключа на верхнюю гайку и навалился всем весом.

Ржавчина въелась в резьбу намертво за полвека. Металл даже не скрипнул. А у меня от резкого усилия внутри грудной клетки будто провернули тупой нож — проколота четверть часа назад сердечная мышца дала сбой, к горлу подкатила горячая дурнота, и правая рука на рукояти ключа предательски задрожала, теряя хват.

Я привалился плечом к мокрому кирпичу стены, судорожно хватая ртом сырой воздух трубы.

— Пап! — Софи мгновенно оказалась рядом. Она не заплакала и не растерялась — она обеими руками перехватила рукоять застрявшего на гайке ключа и посмотрела на меня снизу вверх своими упрямыми серыми глазами. — Давай вместе! На счёт три, как на дамбе!

Я посмотрел на её узкие детские ладошки, сжимавшие холодное железо, положил свои широкие ладони поверх её пальцев, и мы вместе рванули рычаг вниз:

— Раз... два... три!

Гайка взвизгнула, срывая прикипевшую окалину, и провернулась на пол-оборота. Ещё один рывок вдвоём — и верхний болт с сухим хрустом лопнул пополам, падая в воду.

Нижний подался со второго нажима.

Я упёрся подошвой ботинка в кованые прутья, толкнул тяжёлую створку вперёд, и она с тихим плес-

ком рухнула в водосток, открывая впереди серый прямоугольник дневного света и шум проливного дождя.

Мы выбрались из-под бетонной эстакады четвёртого грузового пирса Южного вокзала ровно в одиннадцать пятьдесят шесть.

Сотни метров правее, за высокими шумозащитными экранами и рядами складских контейнеров, гудел пассажирский купол вокзала со своими четырьмя шлюзами, через которые я проходил двенадцать дней назад. Но здесь, в тупике рудной разгрузки, не было ни турникетов, ни павильонов — только мокрые рельсы, засыпанные чёрной железной окалиной, и длинная вереница тяжёлых бурых думпкаров, стоящая под парами у водонапорной колонки.

На боку хвостового тормозного вагона с железной печкой-буржуйкой внутри белела меловая надпись: ПОЛЯРНАЯ — СЕКТОР 9 // ПОРОЖНЯК.

У ступенек тормозной площадки стоял пожилой составитель в промасленном брезентовом дождевике, продувая клапан воздушной магистрали.

Я подошёл к нему, придерживая Софи за плечо, и молча протянул сложенную вдвое пачку старых бумажных купюр без магнитной ленты.

Старик скользнул быстрым, намётанным взглядом по моему голому левому запястью со светлой полоской нетронутой кожи, потом по бледному лицу девоч-

ки в капюшоне и по моей грубой куртке со следами подземной глины. В тупиках северного порожняка лишних вопросов не задавали — здесь знали цену людям, уходящим за периметр без чипов.

Составитель молча убрал бумажки за пазуху и кивнул на железный поручень хвостовой будки:

— Залезайте внутрь и закройте задвижку. До самой Полярной остановок на узлах не будет, идём по грузовой обходной. Через пять минут отправление.

Мы поднялись в тесную, обшитую деревом будку сопровождения и задвинули тяжёлую дверь.

Внутри было жарко натоплено; в чугунной печке гудели угли, пахло сухой сосновой щепой, нагретым маслом и старым железом.

Ровно в двенадцать десять по составу от головы к хвосту прокатился глухой металлический лязг сцепки. Вагон качнулся, колёса провернулись с низким скрежетом, и за маленьким, закопчённым квадратным окошком будки медленно поплыли назад серые бетонные стены столичного грузового двора.

Софи сняла мокрую куртку, села на деревянную лавку у тёплой стенки и долго смотрела в окно, как в пелене октябрьского дождя со снегом тонут последние стеклянные башни города и зелёные огни его ретрансляторов.

Когда состав перевалил через стрелку окружного

моста и набрал ход вдоль лесной полосы, я увидел, как её плечи медленно опустились.

Привычная болезненная тень ушла с её лица. Она больше не морщилась от света и не трогала пальцами правый висок — в её затылке лежала только мёртвая, безвредная керамика, которую больше никогда не потревожит ни одна городская катушка.

Софи сунула руку в карман куртки, достала оттуда маленький, криво слепленный из серой глины колокольчик младшей сестры и осторожно поставила его на узкий деревянный подоконник перед собой. От мерного перестука колёс на стыках глиняный язычок внутри тихо, едва слышно звякнул о стенку.

Она подняла на меня свои серые глаза:

— Пап... а ведь они сейчас уже знают, что мы уехали?

Я сел на лавку рядом с ней, обнял её одной рукой за худенькие плечи и притянул к себе, чувствуя, как под моей ладонью наконец выравнивается и входит в спокойный, рабочий ритм моё собственное сердце.

Я посмотрел на своё пустое левое запястье, потом в окно — туда, где на севере за полосой низких свинцовых туч уже начинались первые гранитные отроги предгорий, где сосны росли вбок под ветром с открытого моря.

— Те, кому нужно, знают, мелкая, — тихо сказал я,

слушая ровный стук колёс: *два коротких, пауза, один длинный.* — Мы дома.

Эпилог. [КОНТУР: ДОМ]

Хенрик Гласс подписал постановление о закрытии дела тридцать первого октября в шесть часов вечера — в пустом коридоре второго этажа клиники, стоя у окна, за которым темнел мокрый больничный сад.

Я сидела на жёсткой пластиковой скамье напротив двери бельевой шахты, кутаясь в пальто, а рядом со мной сидел Мартин. На его левом виске поверх свежих швов белела плотная марлевая повязка, ворот серой рубашки под накинутым пиджаком потемнел от крови, а на левом запястье, где одиннадцать дней сидел металлокерамический обод, осталась только бледная полоска вдавленной кожи.

Спасатели коммунальной службы и оперативники трибунала прочёсывали ливневый коллектор до самых сумерек. В четыре часа дня у сбитой решётки четвёртого пирса водолазы подняли из воды синий вязанный шарф Софи — мы сами договорились вчера вечером, что она оставит его у выходного раструба перед тем, как подняться на насыпь к рудовозу.

Для официального протокола Комитета всё сошлось без единого зазора.

В одиннадцать часов шесть минут в подвальном бункере Б-1 центральное ядро Госконтроля зафикс-

сировало биологическую смерть избыточного носителя с индексом «Шрам» и автоматически закрыло «Код Ноль». Последующий взрыв центральной колонны синтезатора списали на пробой высоковольтного конденсатора при попытке опросить оплавленный чип донора — дуга выжгла внутренний видеоархив зала и отбросила на стойку реципиента, которого взвод охраны нашёл на полу в дыму с рассечённым виском. А при срабатывании кнопки био-изоляции в секторе Б-1 автоматика по протоколу аварийной зачистки сбросила в плазменную печь весь накопительный бункер биологических отходов операционного блока, и Хенрик Гласс лично подписал акт о полной кремации донора, опечатав камеру сгорания без экспертизы останков. Пепел в общей печи серийных номеров не имеет.

А этажом выше двенадцатилетняя София Линд, находившаяся в состоянии острого пост-калибровочного шока после выгорания импланта «Юниор», воспользовалась отсутствием матери в умывальной, открыла технический засов бельевого сброса и через подвальную прачечную ушла в коллектор, выходящий к судоходному каналу.

Хенрик Гласс не верил в эту версию ни на секунду. Он стоял передо мной в своём безупречном графитовом пальто, держа в правой руке папку с двумя за-

крытыми актами — о завершении процедуры Единственного Носителя и о пропаже несовершеннолетней при несчастном случае. Его левая рука в серой перчатке была глубоко спрятана в карман.

Он знал, что в печи подвала Б-1 никто не сгорал. Он собственными глазами видел через бронестекло, как человек на столе донора вдохнул воздух после второго удара дефибриллятора.

Но чтобы открыть дело заново и объявить розыск по северным дорогам, старшему арбитру Глассу пришлось бы официально доложить Президиуму Комитета, что его закрытый бункер взломали изнутри, что гражданин, чья смерть уже утверждена центральным ядром, разгуливает на свободе, а сам Слепой протокол дал двойную осечку. Ему пришлось бы собственными руками обрушить ту самую государственную плотину, ради которой двадцать пять лет назад погибла его жена.

Гласс протянул Мартину стилус для финальной подписи.

— Вы полагаете, что переиграли меня, госпожа Линд, — тихо, так чтобы не слышал дежурный пристав у лестницы, произнёс арбитр, глядя на меня сквозь тонкие линзы очков. — Вы забрали девочку из-под защиты Контура и отправили её за периметр, где нет ни одной спасательной Арки и где любая тяжёлая

болезнь или случайное падение со скалы станут для неё необратимыми. Здесь, на препаратах, её матрица была бы застрахована на восемьдесят лет вперёд. Вы сами лишили свою дочь бессмертия.

Я поднялась со скамьи, поправила сумку на плече и посмотрела в его сухое, неподвижное лицо — лицо человека, который трижды возвращался с того света по частям и трижды отказывался от помощи, боясь остаться наедине со своей памятью.

— Бессмертия не существует, господин Гласс, — спокойно ответила я. — Моя дочь проживёт ровно столько, сколько ей отпущено, но зато с живым сердцем и ясной головой, а не под вашими таблетками. Прощайте.

Мы вышли из стеклянных дверей клиники в октябрьские сумерки, не оглядываясь.

Той ночью, когда мы забрали Еву от соседей, сказали ей, что Софи уехала с папой в долгую северную экспедицию лечить голову от городских рамок, и уложили младшую спать, мы впервые за двенадцать дней сидели на кухне без серых браслетов на руках и без ожидания завтрашнего приговора.

Дом на Линден-стрит снова был тихим. Синий сервисный плафон трибунала над парадной дверью сняли ещё днём — теперь в коробке прихожей снова слабо зудел на частоте сорок герц наш старый конденса-

тор.

Мартин сидел за обеденным столом под медным абажуром. Он ещё не переодел испачканную кровью рубашку — только снял пиджак и сидел, положив обе руки ладонями вверх на деревянную столешницу.

Я подошла к нему сзади, обняла за плечи и прижалась щекой к его здоровому виску.

— Сейчас уже почти полночь, Мартин, — тихо сказала я, глядя в тёмное окно на мокрые липы. — Если у них всё получилось на четвёртом пирсе, их состав уже должен подъезжать к Полярной.

Мартин молча накрыл мою кисть на своём плече. Потом медленно поднял правую руку, расстегнул нагрудный карман рубашки и достал оттуда маленький, сложенный вчетверо квадратик плотной бумаги из альбома для рисования, пробитый на сгибе тёмным пятнышком его крови.

— Она дала мне это в воскресенье ночью, — глухо произнёс он. — Просила открыть во вторник, когда всё закончится.

Он бережно развернул листок на столе под светом лампы.

Это был тот самый рисунок простым карандашом, который Софи чертила по вечерам всю последнюю неделю. На дне тёмного, заштрихованного косыми линиями океана стоял круглый железный батискаф —

старый подводный кессон с заклёпками по корпусу. Внутри батискафа сидели трое: женщина с высокой причёской, заколотой длинной кисточкой, обнимала за плечи двух девочек — старшую с альбомом на коленях и маленькую кудрявую с плюшевым медведем, — и держала в поднятой руке горящий витражный фонарик, освещающий камеру изнутри.

А снаружи, в чёрной воде среди глубоководных рыб, стояли двое одинаковых мужчин в тяжёлых водолазных скафандрах и с двух сторон — слева и справа — удерживали железный шар ладонями, не давая толще океана раздавить корпус.

Чтобы мы не перепутали, кто из них кто, Софи нарисовала на груди левого скафандра зубчатую белую молнию шрама, а на сгибе левого локтя правого — маленькую пятиконечную звёздочку от праздничного бенгальского огня.

В самом низу листа её ровным, старательным почерком задачи по геометрии было выведено:

«Глубина — тысяча метров. Кессон герметичен. Контур держат все».

Мартин смотрел на этот рисунок, и вдруг его плечи под моими ладонями тяжело, беззвучно дрогнули. Человек, который за эти двенадцать дней ни разу не сорвался в кабинетах трибунала, который сегодня утром в одиночку пошёл против охраны и свои-

ми руками запустил остановившееся сердце своего соперника, закрыл лицо ладонями и заплакал — глухо, страшно, вдавливая пальцы в глаза.

Я опустилась на колени перед его стулом, обхватила его голову обеими руками и прижала к своей груди.

В ту ночь между нами больше не стояло призраков. Апрель в этом году пришёл рано — к середине месяца старые липы вдоль нашей ограды уже выбросили первые клейкие листья, а ветер с реки принёс запах талой воды и нагретого кирпича.

Двенадцатого апреля, в мой день рождения, мы открыли настежь все верхние створки окон на витражной веранде.

Солнце било сквозь цветные банки с грунтовкой на полках, рассыпая по дощатому полу зелёные и янтарные пятна.

Пятилетняя Ева сидела на высоком табурете у края верстака, высунув от усердия кончик языка, и пинцетом раскладывала безопасные, обточенные кругляши цветного стекла по контуру нового садового фонаря.

Рядом с ней, засучив рукава старой фланелевой рубашки, стоял Мартин.

В декабре, через месяц после закрытия трибунала, он положил на стол министра заявление об уходе с должности главного архитектора Контур — сослался на последствия октябрьской контузии в клинике и пе-

ревёлся инженером-конструктором в муниципальный трест мостостроения. Белый косой шрам на его левом виске за зиму стянулся и стал совсем похож на старую отметину от ветрянки над его бровью. А на подушечке его правого большого пальца, которым он теперь каждый вечер помогал мне паять свинцовые переплёты на веранде, снова выросла твёрдая, шершавая мозоль от горячего олова.

— Пап, смотри, синее стеклышко не лезет в уголок! — пожаловалась Ева, поворачивая к нему измазанный мелом нос.

— А ты не дави пинцетом сверху, жук, — Мартин накрыл её маленькую кисть своей ладонью, направляя инструмент под углом. — Заводи сбоку под свинцовую лапку, как мы вчера пробовали. Вот так. Держит?

— Держит! — радостно кивнула она.

Внизу у калитки палисадника звякнул колокольчик утреннего почтальона, и в жестяной ящик с сухим стуком упала пачка писем.

Я вытерла руки ветошью от льняного масла, спустилась по деревянным ступенькам веранды в сад и открыла дверцу почтового ящика.

Среди квитанций за электричество и каталогов стекольной мастерской лежал узкий конверт из грубой сероватой бумаги — без штрихкода, без индексной сетки и без обратного адреса. В верхнем углу поверх

марки стоял размытый фиолетовый штемпель почтового отделения у Южного грузового депо: кто-то из машинистов северного рудовозного каравана вчера вечером опустил его в обычный уличный ящик внутри периметра.

На лицевой стороне конверта твёрдым, до последней чёрточки знакомым чертёжным почерком было выведено только три слова: *Линден-стрит, 14*.

Я спрятала конверт в карман рабочего фартука, вернулась на залитую солнцем веранду и положила его на верстак перед Мартином.

Он сразу узнал эту серую бумагу и этот почерк. Его пальцы замерли на рукояти паяльника.

— Ева, сбегай на кухню, посмотри, не закипел ли у нас чайник для маминого пирога, — тихо попросил он младшую.

Когда быстрые шаги дочери затихли в коридоре, я надорвала край серого конверта.

На деревянный стол выпала плоская, засушенная между книжных страниц веточка северной сосны — с длинными колючими иголками, круто загнутыми в одну сторону от постоянного морского ветра, — и сложенный вдвое лист плотной желтоватой бумаги.

Я развернула лист.

На лицевой стороне мягким чёрным углём был нарисован берег широкой каменистой бухты, зажатой

между двумя горными хребтами: длинные стеклянные крыши теплиц, бревенчатый дом на высоком каменном фундаменте с дымящей трубой и поленницей дров у крыльца. На стене комнаты внутри дома, прямо над деревянным столом, был аккуратно прорисован приколотый кнопками детский рисунок с зелёным лесом, а на подоконнике стоял маленький колокольчик. У самой же кромки прибоа, на плоских плитах сланца, стояли две фигурки — высокий мужчина в тяжёлых ботинках и вытянувшаяся за зиму девочка-подросток в длинном шарфе, размахнувшаяся рукой, чтобы пустить плоский камень по волнам. Внизу детской рукой Софи было подписано: *«Рекорд — 5 раз. Мама, с днём рождения. Я вас очень люблю»*.

Я перевернула плотный лист обратной стороной.

Там, тем же самым твёрдым чертёжным почерком, каким когда-то в темноте шахты были нацарапаны строчки на обороте моей старой фотографии, простым графитным карандашом было написано короткое письмо без имён:

Двенадцатое апреля. В бухте вчера вскрылся лёд, с моря пошёл тёплый ветер. Дочка вытянулась ещё на три сантиметра, мою старую куртку носит теперь не подворачивая рукавов. Голова не болела ни одного дня за всю зиму — старик Ковальски осмотрел её затылок и сказал, что оплавленная керамика полностью закапсулиро-

валаась и безопасна, как моя. Спит крепко, рисует вечерами при лампе и учит местных пацанов геометрии. Зелёные сосны маленькой висят у меня над верстаком, а колокольчик стоит на окне. Не переживай за нас. Здесь свет горит ровно.

Спасибо тебе, архитектор, за вторую жизнь и за то, что держишь наш дом.

— • «Кессон герметичен».

Мартин долго читал эти строчки через моё плечо, а потом взял со стола сухую сосновую веточку и сжал её в своих загрубевших от паяльника пальцах. От хвои всё ещё едва уловимо пахло смолой, мокрым камнем и холодным ветром свободного моря, куда не доставали спутники Хенрика Гласса.

— У неё больше не болит голова, Нора, — тихо сказал он, глядя через открытое окно веранды на весенний сад, куда уже выбежала из кухни Ева.

— Не болит, — ответила я, прижимая письмо и рисунок к груди и глядя на человека, стоящего рядом со мной.

В тот первый страшный вечер на крыльце, когда они оба стояли передо мной под октябрьским дождём, мне казалось, что мир раскололся надвое и я должна буду до конца своих дней мучиться вопросом: кто из них двоих настоящий, а кто — тень, занявшая чужое место? Хенрик Гласс и его система учили нас, что под-

линность человека измеряется заводским номером в черепе, непрерывностью записи на сервере и правом собственности на единственное имя.

Но глядя сейчас на белый шрам на виске своего мужа и на карандашные строчки из далёкой северной бухты в своих руках, я знала ответ, которого никогда не поймёт ни один трибунал.

Оригинал — это не тот, кто первым получил серийный код при рождении, и не тот, чья плоть избежала перепечатки. Человека нельзя скопировать на биопринтере, потому что человек — это не сумма старых воспоминаний в затылочном чипе. Человек — это выбор, который он делает в ту секунду, когда гаснет свет и рушится свод.

Тот, кто семь лет шёл ко мне сквозь мёрзлый базальт и лёг под остановку сердца, чтобы спасти нашу старшую дочь от безумия; и тот, кто отказался купить себе спокойную жизнь ценой его смерти на соседнем столе и вернул ему дыхание, — ни один из них не был копией.

Они оба были настоящими. Они оба были моим мужем.

И пока там, на краю открытого моря за магнитным хребтом, один из них учил нашу старшую дочь пускать камни против ветра, а здесь, в весеннем саду, второй поднимал на плечи смеющуюся младшую, — наш кон-

тур оставался непрерывным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.